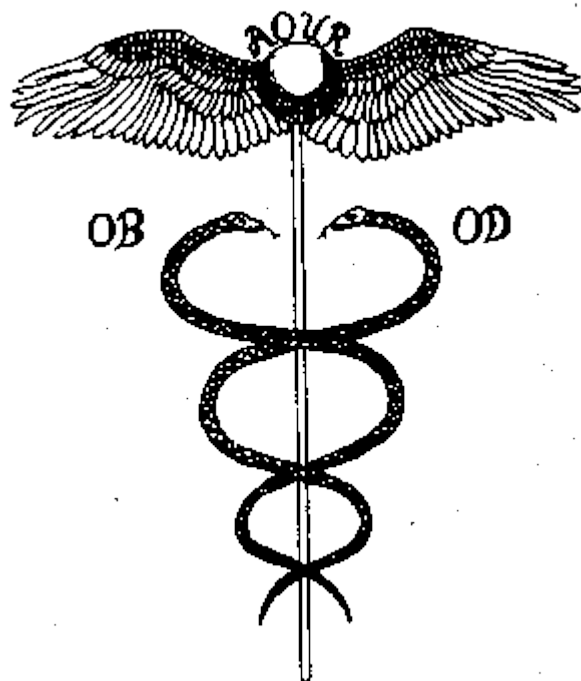

ВЕЛИКИЙ АРКАН,
ИЛИ
РАЗОБЛАЧЕННЫЙ ОККУЛЬТИЗМ

ПАРИЖ
СНАМУЕЛ, ИЗДАТЕЛЬ
5, rue de Savoie, 5
1898

ЭРУДИТ БАРОНА СПЕДЭЛИЕРИ
ИЗДАТЕЛЮ

Марсель, 18 августа 1890

Мой очень дорогой Друг,

Я узнаю с удовольствием, что, в течение вашего пребывания в Лондоне, вы пошли, уверен моя рекомендация, посетить моего друга Метлан и брать связь различных рукописных произведений нашего нежно любившегося хозяина Eliphas Lévi, куда я ему дал между прочим Большую Тайну. Все записи адвоката, за исключением последней Большая Тайна и вот почему.

Когда, в июне 1868, он закончил писать этот труд, предназначенный для публикации и написанного совсем лично, он мне его послал чтобы брать общение и в то же самое время снимать копию.

Итак, это - то, что я сделал с заботой и именно эту верную копию я дал Maitland. Вы можете ее следовательно рассмотреть, как если бы это был оригинал.

С уважением

Барон СПЕДЭЛИЕРИ.

ВВЕДЕНИЕ

Этот труд - завещание автора; это наиважнейшее и последний его книг об оккультной науке.

Он разделен на три книги:

ПЕРВАЯ КНИГА

Священная тайна или традиционные документы высокого приобщения.

ВТОРАЯ КНИГА

Королевская тайна или искусство воспользоваться властями.

ТРЕТЬЯ КНИГА

Священническая тайна или искусство воспользоваться умами.

Эта книга не нуждается ни во введении ни в предисловии: предыдущие труды автора, желающего для него обильно служить предисловием и введением.

Здесь последнее слово оккультизма и это написано также ясно, как нам было возможно его сделать.

Эта книга может и он должен быть опубликованным? Мы это игнорировали это будучи пишущий; но мы думали что должны были и смогли это написать.

Если еще существуют настоящие посвященные в мире, именно для них мы это пишем и именно им одним следует нас судить.

Eliphas LÉVI.

Сентябрь 1868

ПЕРВАЯ КНИГА

[Мы признали сопоставляя тексты, что первая Книга БОЛЬШОЙ ТАЙНЫ согласно рукописи Лондона соответствовала КНИГЕ ВЕЛИКОЛЕПИЙ, другому посмертному труду адвоката, опубликованному в 1894.

Мы этому отсылаем читателя ожидая чтобы смочь объединить три книги БОЛЬШОЙ ТАЙНЫ в дальнейшем издании.]

ИЗДАТЕЛЬ

ВТОРАЯ КНИГА

Королевская тайна или искусство подвергать власти.

Глава 1 **МАГНЕТИЗМ**

Магнетизм - сила, аналогичная силе магнита; он распределен во всей природе.

Его характеристики: прелекательность, отталкивание и уравновешенная поляризация.

Наука констатирует явления звездного магнита и минерального магнита. Животный магнит проявляется каждый день фактами, что наука недоверчиво наблюдает, но что она не может отрицать уже больше, хотя она ждала справедливо чтобы это допускать, что это смогли закончить анализ несомненным синтезом.

Знаем, что намагничивание, произведенное животным магнетизмом, определит необычный сон, во время которого бы, душа *magnétisé*, пребываемая в подчинении у гипнотизера с этой особенностью, усыпленный человек, ни показалось, оставил праздную свою собственную и присущую жизнь чтобы проявлять только явления универсальной жизни. Она отражает мысль других, видит, иначе чем глазами, отправляется настоящее отовсюду не сознавая пробел, ощущает формы намного лучше чем цвета, отменяет или смешивает периоды времени, говорит о будущем, как если бы оно было пройдено и прошедшее время, как если бы оно должен был приходиться, объясняет

гипнотизеру свои собственные мысли и до тайных упреков сознания, упоминает в своем воспоминании людей, о которых он думает и их описывает наиболее точно, без того чтобы лунатик или лунатик их видел никогда, говорит языком науки с ученым и языком воображения с поэтом, обнаруживает болезни и разгадывает средства, часто дает разумные советы, терпит с тем, кто терпит и испускает иногда заранее болезненный крик о вас сообщая о муках, которые должны прийти.

Эти странные но несомненные факты нас содержат по необходимости тем, что заключают, что будет существовать общая жизнь для всех Душ, или по крайней мере кое-что вроде общего отражателя всех воображений и всех воспоминаний, где мы можем видеть друг друга одни их другие, как он прибывает в толпу, которая проходит перед зеркалом. Этот отражатель - свет, *odique*, рыцаря Рейхенбаха, это - наш астральный свет, это - большой названный агент жизни *od*, *ob* и *aour* Ивритом. Магнетизм, которым руководят желанием оператора это - *Od*, пассивный лунатизм это - *Ob*: *Pythonisses* древности были лунатиками, пьяными от пассивного астрального света. Этот свет, в нашем священном писании, назван разумом Питона, потому что в греческой мифологии змея Питон аллегорическое изображение.

Она представлена также в ее двойной акции змеей кадуцей; змея правой партии - *Od*, змея левых - *Ob*, и в середине, на вершине герметичного прута, сверкает золотой шар, который представляет *Aour* или уравновешенный свет. *Od* представляет свободно руководившуюся жизнь, *Ob* представляет фатальную жизнь. Именно для этого еврейский законодатель говорит: Несчастье тем, кто разгадывают *Ob*, так как они упоминают фатальность, то, что покушение против провидения Бога и противостоит свободе человека.

Конечно большая разница между змеей Питона, который ползал в тине потопа и что солнце пронзило свои стрелы; давайте скажем себе, большая разница между этой змеей и той, кто обвивается вокруг палки Эскулапа, так же, как змея искуситель Эдема отличается от змеи бронзы, которая вылечивала больных в пустыне. Эти две противопоставленные змеи действительно представляют противоположные силы, которые можем ассоциировать, но которые не должны смешиваться никогда. Скипетр Гермеса, их отделяя, их примиряет и так сказать, их объединяет; и таким образом с пронизывающими глазами науки, гармония следует из аналогии противоположностей. Необходимость и Свобода, такие - два больших закона жизни; и эти два закона из этого делают только одно, так как они необходимы взаимно.

Необходимость без свободы была бы фатальна как свобода, лишенная своего необходимого ограничения, сойдет с ума. Право без необходимости, это - сумасшествие. Долг без обязательства, это – безумие, и обязательства без долга – рабство.

Вся тайна магнетизма состоит из этой: управлять фатальностью *ob* пониманием и властью *od* для того, чтобы создавать равновесие заканчивающееся *aour*.

Когда гипнотизер, плохо уравновешенный и подчиненный фатальности страстями, которые им владеют, хочет навязать его деятельность в фатальном свете, он походит на человека, у которого были бы перевязанные глаза и кто, поднятый на слепой лошади, его стимулировал бы большими ударами шпор в середине леса, полного впадин и бездн.

Пророки, гадалки карт, лунатики - все галлюцинации, которые разгадывают *ob*.

Стакан воды гидромантии, карты Эттейла, линии руки, и т.д., производят у ясновидца кое-что вроде гипнотизма. Он тогда видит консультанта в отражениях своих бессмысленных желаний или своих жадных воображений, и как сам разум без достоинства и без благородства желания, он разгадывает сумасшествия и это предлагает больше еще, то, что является для него впрочем условием успеха.

Гадалке на картах, который посоветовал бы честность и нравственность скоро потерял бы его клиентуру поддержанных женщин и истеричных старых дев.

Оба магнитных типа света могли бы назваться одним живой свет и другой мертвый свет, один звездное жидкое тело и другое спектральный фосфор, один факел глагола и другой дым мечты.

Для магнетизирования без опасности надо иметь в себе свет жизни, то есть надо быть мудрецом и справедливым человеком.

Человек раб страстей не магнетизирует нет, он очаровывает; но излучение своего очарования увеличивает вокруг него круг своего головокружения; оно увеличивает свою привлекательность и ослабляет все более и более его волю. Он походит на паука, который изнашивается и кто наконец остается, пойман в его собственных сетях.

Люди до настоящего времени еще не узнали высшей империи разума, они ее смешивают с почти всегда ошибочным и особенным доказательством каждого. Между тем г. Палице сам, им сказал бы, что тот, кто обольщается, не прав, когда разум был точно противоположностью наших ошибок.

Индивиды и массы, которые разумом не управляют - рабы фатальности, именно она составляет общественное мнение, и мнение – становиться королева мира.

Над людьми хотят господствовать, быть успокаиваться, содержать. Большие страсти им кажутся красивее, что достоинства, и те, кого они называют большими людьми, часто большие бессмысленные. Цинизм Диогена им нравится как шарлатанство Empédoclès.

Они не восхищались бы ничем, пока Ajax и пока Саранée, если бы Polyeucte не был еще более взбешен. Pyrame и Thisbé, которые убивают друг друга - модели любовников. Автор парадокса уверен всегда в том, что делают имя. И они напрасно стараются с досадой и с желанием осуждать к забвению имя Erostate, это имя столь красиво безумия, что оно удерживается на поверхности на их гнев и вечно привлекает к себе их воспоминание!

Сумасшедшие - следовательно гипнотизеры или скорее соблазнитель, и это - то, что обеспечивает заразное сумасшествие. Из-за недостатка того, чтобы мочь измерить то, что большое, влюбляемся в то, что странно.

Дети, которые не могут еще действовать, хотят, чтобы он был взят и чтобы им двинули.

Никто не любит как вбалмошности так и немощных. Именно неспособность удовольствия делает Тибериус и Мессалина. Парижский мальчишка в раю бульваров хотел бы быть Бандитом, и смеется над всем своим сердцем видя как осмеивают Télémaque.

У всего мира нет вкуса алкогольных или содержащих опий опьянений, но почти всему миру хотел опьянить его разум и мир понравилось бы легко позволять бредить его сердце.

Когда Христианство привлекло к себе мир очарованием страдания, большой писатель этого времени сформулировал мысль всех воскликнув: « Я верю, потому что это абсурдно! »

Сумасшествие Креста, как Сент-Поль ему призывал сам, был непобедимо назойлив тогда. Были сожжены книги мудрецов, и Сент-Поль предварял Эфесе в подвигах Омара. Были разрушены храмы, которые были чудесами света и чудесами идолов, которые были шедеврами статей, у Нас был вкус смерти и хотели снять настоящее существование всех своих украшений чтобы выделяться из жизни.

Отвращение реальностей всегда сопровождает любовь мечтаний: *Quam sordet tellus dum coelum aspicio!* говорит одно знаменитая мистика; буквально: Что земля становится грязной, когда я смотрю на небо! Так что, твой глаз заблудившись в пространстве пачкает землю твоя кормилица! Что следовательно, что земля, если это не является звездой неба? Это, потому что она тебя несет, что она грязна? Но пусть тебя будем транспортировать на солнце и твои отвращения скоро испачкают солнце! Небо он был бы более присущ, если бы он был пустым? И не восхитительно созерцать, потому что в день он освещает землю, и потому что ночью, он сверкает бесчисленным множеством земель и солнц! Что, блестящая земля, земля в огромных океанах, земля, полная деревьев и цветов, становится мусором для тебя, потому что ты хотел бы устремиться в пустоту? Верь мне, не пытайся тебя перемещать для этого: пустота в твоём рассмотрении и в твоём сердце!

Именно любовь мечтаний смешивает столько более с мечтами любви. Любовь такая как мы ее дает природа, прелестная реальность, но наша болезненная гордость хотела бы что-то лучше чем природа. Оттуда приходит истеричное сумасшествие непонятных. Мысль Шарлотты, в голове Werther, неизбежно превращается как она должна была его сделать, и берет резкую форму пули пистолета. У абсурдной любви есть в качестве развязки самоубийство. Настоящая любовь, естественная любовь, - чудо магнетизма. Это - переплетение обеих змей кадуцея; он, кажется, неизбежно происходит, но он произведен высшем разумом, который его заставляет следовать за законами

природы. Басня рассказывает, что Тиресиас, отделивший две змеи, которые совокуплялись, подвергся гневу Венеры и стал Гермафродитом; то, что аннулировало у него сексуальную власть, затем раздраженная богиня его еще поразила и это сделало слепым, потому что оно приписывало женщине то, что удовлетворяет главным образом человеку. Тиресиас была пророком, который предсказывал мертвым светом. Также предсказания сообщали и они, казалось, определяли всегда несчастья. Эта аллегория содержит и резюмирует всю философию магнетизма, которую мы обнаружили только что.

Глава II

ЗЛО

Боль в том, что у нее чувствовать реальности - утверждение беспорядка. Итак, в присутствии вечного порядка, беспорядок исключительно временный. В присутствии абсолютного порядка, который является желанием Бога, беспорядок только относительный. Абсолютное утверждение беспорядка и зло - следовательно исключительно ложь.

Абсолютное утверждение зла, это - отрицание Бога, так как Бог - высшая и наиболее абсолютная причина добра.

Зло, в философском порядке, это - отрицание разума.

В социальном строе, это - отрицание долга.

В физическом порядке, это - сопротивление в неприкосновенных законах природы.

Страдание не является злом, это - следствие и почти всегда средство зла.

Ничто того, что естественно неизбежно, не могло бы быть злом. Зима, ночь и смерть нет неприятностей. Это - естественные переходы от дня до другого дня, от осени до весны, от жизни до другой жизни.

Proudhon сказал: Бог это - зло; это как если бы он сказал: Бог это - черт, так как черт обычно принят в качестве таланта зла. Давайте перевернем предложение, оно нам даст эту парадоксальную формулировку: Черт это - Бог, или иными словами: Зло это - Бог. Но конечно, говоря таким образом, король логиков, как мы цитируем, не хотел, под именем Бога, назначить гипотетическое олицетворение добра. Он думал об абсурдном боге, которого делают люди и, объясняя таким образом его мысль, мы скажем, что он был прав, так как черт это - карикатура Бога и то, что мы называем злом, это - плохо включенное и плохо определенное добро.

Не могли бы любить зло за зло, беспорядок для беспорядка. Нарушение законов нам нравится, потому что оно, кажется, нас помещает выше законов. Люди не сделаны для закона, но закон установлен для людей, говорил Иисус, отважное слово, которым священники этого времени были обязаны находить

подрывной и безбожной, слово, которым человеческая гордость может злоупотребить удивительно. Нам скажем, что у Бога только права и не задания, потому что он наиболее силен, и именно это - безбожная речь. Мы должны все Богу, как осмеливаются добавлять, и Бог нам не должен ничего. Именно противоположность настоящая. Бог, кого бы бесконечно больше мы, ни заключил нам рожая бесконечный долг. Именно он вырвал пропасть человеческой слабости, это должно принадлежать ему его переполнять.

Абсурдная трусость тирании в старом мире нам завещала призрака абсурдного и подлого бога, этого бога, который делает вечное чудо чтобы вынуждать сущность, законченную быть бесконечной в страданиях.

Давайте предположим в момент, что один из нас смог создать недолговременное и что он ей сказал, без того чтобы она смогла его услышать: Мое создание, обожает я! Бедное насекомое имеет *voltigé* не думая ни о чем, оно умерло в конце его дня и *pésgomancien* скажет человеку, что выплачивая на него каплю его крови он сможет воскресить поденку.

Человек колется - я из этого действовал бы столько же на его месте; - вот недолговременная воскресшая. Что сделает человек? - То, что он сделает, я вам об этом собираюсь говорить, воскликнет правоверный фанатик. У поденки в его первой жизни не было разума или глупости ее обожать, он зажжет ужасный костер и туда бросит поденку сожалея только о том, что не могут ему чудесно сохранить жизнь в середине пламени, какая горит вечно! - следовательно давайте пойдём, скажет весь мир, не существует буйный помешанный, который бы был также подлым, также зол как это! - Я вам извиняюсь, заурядные христиане, обсуждаемый человек не мог бы существовать, я об этом договариваюсь; но существует, в вашем воображении только, давайте будем торопиться об этом сказать, кто-то более жестокий и более подлый. Это - ваш Бог, такой как вы это объясняете и именно того у Proud' Ноп была тысячу раз причина говорить: Бог это - зло.

В этом смысле зло было бы клеветническим утверждением плохого бога и именно этот бог был бы чертом или его кумом. Религия, которая принесла бы для бальзама в ранах человечества подобную догму, их отравила бы вместо того, чтобы их вылечивать. Следовало бы отупение умов и испорченность сознаний; и пропаганда, совершенная от имени подобного Бога, могла бы назваться магнетизмом зла. Результат лжи это - несправедливость. Несправедливость следует несправедливости, которая производит анархию в странах, и в индивидах, в беспорядке и в смерти.

Ложь не могла бы существовать, если бы он не упоминал в умершем свету кое-чего вроде спектральной правды, и все лгуны жизни обманывают друг друга сами они, первые беря ночь на день. Анархист считается свободным, вор считается умелым, распутник полагает, что он развлечется, деспот думает, что угнетать это значит царить. Что было бы нужно чтобы разрушать зло на земле? Очень простая вещь по-видимому: выводить из заблуждения дураков и злых людей. Но здесь любая добрая воля разбивается и

любая власть потерпит неудачу; злые люди и дураки не хотят быть выведенными из заблуждения. Мы прибываем в эту тайную извращенность, которая, кажется, является корнем зла, вкусом беспорядка и приверженности к ошибке. Мы утверждаем с нашей стороны, что эта извращенность, не существующая по крайней мере как свободно предоставленная и желаемая. Она является чем-либо иным чем отравлением желанием отравляющей силой ошибки.

Воздух годный для дыхания состоит как знаем водород, кислород и азот. Кислород и водород соответствуют в свете жизни и азота мертвому свету. Человек, погруженный в азот, не мог бы дышать ни жить, также человек, душившийся спектральным светом, не может проявить больше свободное желание. Именно в атмосфере происходит большое явление света, это в глазах, организованных чтобы его видеть. Однажды философ позитивистской школы, г. Литтре, если я не ошибаюсь, сказал, что безграничность - только отмеченная бесконечная ночь ζ и там несколько звезд. - Это настоящее, светит, ответил кто-то, для наших глаз, которые не организованы для сбора другой ясности чем солнечного света. Но сама идея этого света нам во сне не появляется, в то время как ночь на земле и в то время как наши глаза закрыты? Какой - день душ? Как видим с помощью мысли? Ночь наших глаз существовала бы для иначе настроенных глаз? И если наши глаза не существовали, мы сознавали бы ночь? Для слепых не существуют ни звезды, ни солнце; и если мы помещаем повязку на наши глаза, мы слепнем добровольцы. Извращенность смыслов типа извращенности способностей души следует из несчастного случая или из первого покушения на законы природы; она тогда становится необходимым и как фатальная. Что делать для слепых? - Братся за дело им и их вести. - Но если они не хотят позволить себя вести? - Надо положить перила. - Но если они их разрушают? - Тогда эти - только не слепые, это - опасные сумасшедшие и надо им позволить действительно погибать, если не можем их заключить.

Эдгар Аллэн По рассказывает о приятной истории сумасшедшего дома, где больные сумели захватить санитаров и охранников и их заключили в свои собственные маленькие хижины их вырядив в диких зверях. Вот триумфальные в квартирах их врача; они пьют вино учреждения и поздравляют друг друга взаимно с тем, что сделали очень красивые лечения. В то время как они на столе, заключенные разбивают свои каналы и приходят их удивлять в больших ударах палкой. Они стали взбешенными на бедных сумасшедших и их оправдывают так сказать бессмысленным дурным обращением.

Вот история современных революций. Сумасшедшие, торжествующие своим большим количеством, которое создает то, что называем большинством, заключают в тюрьму мудрецов и их переодевают в хищников. Скоро тюрьмы используются и разбиваются, и безумные оказанные вчерашние мудрецы страданием убегают выкрикивая и распространяют ужас. Хотели им обязать неверного бога, они выкрикивают, что нет не Бога. Тогда безразличные ставшие храбрецами из-за страха объединяются чтобы подавлять буйных

помешанных и торжественно открывают господство дураков. Мы уже увидели это.

До какой точки люди - ответственные лица за эти колебания и эти тревоги, которые производят столько преступлений, какой мыслитель осмелился бы об этом говорить? Ненавидим Марата и канонизируем Пия V.

Справедливо, что ужасный Ghisleri не гильотинировал своих противников, он их сжигал. Пий V был строгим человеком и убежденным католиком. Марат толкал незаинтересованность до нищеты.

Оба были честными людьми, но это были безумные убийства не будучи точно взбешены.

Итак, когда преступное сумасшествие встречает соучастие народа, оно становится почти ужасной причиной и когда множество, не разочарованное, а противоположно обманутое, отрицает и оставляет его героя, побежденный одновременно становится козлом отпущения и мучеником. Смерть Робеспьера также красива как смерть Луи XVI.

Я искренне восхищаюсь этим ужасным инквизитором, который, истребленный Albigeois, пишет на земле его кровью, прежде чем умирать: *Кредо, in unum Deum!*

Война - зло ли? Да без сомнения, так как она ужасна. Но это - злой ли абсолют? - Война, это - порождающая работа национальностей и цивилизаций. Кто является ответственным лицом за войну? Люди? - Нет, так как они жертвы. Кого следовательно? - Осмелились бы сказать, что это - Бог? Спросите у графа Жозефа Maistre. Он вам скажет, почему духовенства всегда посвящали меч и как что-либо священное в кровавом офисе палача. Зло это - тень, это - предохранительная решетка добра. До конца давайте пойдём и давайте осмелимся сказать, что это - отрицательное добро. Зло именно сопротивление укрепляет усилие добра; и именно за это Иисус Христос не опасался говорить: Нужно, чтобы были скандалы!

Чудовища в природе как печатки в красивой книге. Что это доказывает? Что природа как печать - слепые инструменты, которыми понимание руководит; но, скажете вы мне, хорошее проте исправляет испытания. Да конечно, и в природе именно для этого служит достижение. Бог, если хотим мне провести это сравнение, - директор типографии и человек - проте Бога.

Священники всегда кричали, что бедствия причинены грехами людей, и это настоящее, так как наука дана людям чтобы предусматривать и предупреждать бедствия. Если, как это утверждали, холера приходит из гниения трупов, накопленных в устье Ганга, если голод приходит из скупок, если чума причинена нечистоплотностью, если война вызвана столь часто глупой гордостью королей и турбулентностью народов, это не действительно злоба, или скорее глупость людей, которая является причиной бедствий? Скажем, что идеи в воздухе и можем сказать в действительности, что недостатки там также. Любая коррупция производит гниение и у любого гниения есть ее специальный смрад. Атмосфера, которая окружает больных,

болезненна и у духовной чумы есть также ее очень иначе заразная атмосфера. Честное сердце оказывается в удовольствии в обществе людей добра. Он сжат, он терпит, он задыхается в середине ошибочных существ.

Глава III

СОЛИДАРНОСТЬ В ЗЛЕ

В его книге вечного движения душ, главный раввин Исаак де Лоря скажет, что надо использовать с большой бдительностью час, который предшествует сну. Во время сна действительно душа растает в течение какого-то времени с его индивидуальной жизнью чтобы погрузиться в универсальный свет, который, как мы об этом сказали, проявляется двумя противоположными течениями. Существо, которое засыпает, предается объятиям змеи Esculare, жизненной и регенерирующей змеи, или позволяет себя связывать узлами, отравленными безобразными, Питона. Сон - ванна в свете жизни или в фосфоре смерти. Тот, кто засыпает с мыслями справедливости, купается в заслугах справедливого человека, но тот, кто предается сну с мыслями ненависти или лжи, купается в мертвом море, где повторно льется инфекция злых людей.

Ночь - зима, которая высиживает и готовит ростков. Если мы посеяли плевел, мы не соберем пшеницы. Тот, кто засыпает в безбожии, не проснется в божественном благословении. Скажем, что ночь будет нести совет. Да без сомнения. Хороший совет в точности, губительный импульс злому человеку. Такие - доктрины равви Исаака де Лоря.

Мы не знаем, до какого пункта надо допускать это взаимное влияние существ, погруженных в сон и направленное из такого рода, произвольными аттракционами, как чеки улучшают чеки и что злые люди повреждают тех, кто им подобны. Было бы утешительнее подумать, что мягкость справедливого человека будет сиять на злых людях чтобы их успокаивать и что тревога злых людей не может ничего на душе справедливого человека. То, что точно, то, что плохие мысли взбалтывают сон и его делают следовательно нездоровым, и что чистая совесть чудесно советует кровь охлаждаться и отдыхать во сне.

Все-таки очень вероятно, что магнитное излучение, определенное в течение дня практикой и желанием не прекращается в течение ночи. То, что это доказывает, это - мечты, где нам часто кажется, что мы действуем следуя нашим наиболее тайным желаниям. Тот, единственный, говорит Святой Огюстен, действительно завоевал мужество целомудрия, которое навязывает саму скромность в его сновидениях.

Все звезды намагничены и все небесные магниты действуют и реагируют одни на другие в планетных системах, в группах миров и во всей безграничности! Дела обстоят так же живые существа, на земле.

Природа и сила магнитов определена взаимным влиянием форм на силу и силы на формах. Эта нуждается в том, чтобы быть серьезно рассмотренной и задуманной.

Красота, которая является гармонией форм, всегда сопровождается великой державой аттракциона; но спорные и спорные красоты.

Красоты соглашения, соответствующие некоторым вкусам и некоторым страстям. Нашли при дворе Луи XV, что у Венеры Мило был густой размер и большие ноги. На Востоке излюбленные султанши тучны и в королевстве Сиама, покупаем женщины в весе.

Люди расположены тем не менее делать сумасшествия для воображаемой или настоящей красоты, которая их покоряет. Следовательно формы, которые нас опьяняют и которые осуществляют на нашу причину империю фатальных сил. Когда наши вкусы повреждены, мы влюбляемся в некоторые воображаемые красоты, которые являются действительно уродствами. Римляне упадка любили низкий фронт и земноводные глаза Messaline. Каждый делает себе здесь - низко по-своему рай. Но здесь начинается справедливость. Рай испорченных существ всегда и по необходимости ад.

Именно постановления желания оценивают акты. Так как именно желание определяет конец, который предлагаем себя, и всегда именно необходимая и пораженная цель делает природу произведений. Именно согласно нашим произведениям Бог нас будет судить, по словам Евангелия, и не нашим актам. Акты готовят, начинают, продолжают и заканчивают произведения. Они хороши, когда произведение хорошо. Если это - противоположность, они плохи. Мы здесь не хотим сказать, что конец оправдывает средства, но что честный конец требует честные средства и расклад заслуги по актам, наиболее безразличным к их природе.

То, что вы одобряете, вы это делаете, или вы его заставляете делать побуждая к тому, чтобы его делать. Если ваш принцип неверен, если ваша цель несправедлива, все те, кто думают о как вас, действуют как вы действовали бы на их месте; и когда они имеют успех, вы думаете, что они хорошо сделали. Если ваши действия, кажется, честного человека, в то время как ваша цель это преступный, ваши действия становятся плохими, просьбы лицемерного более безбожные чем кощунства *mécréant*.

В двух словах, всем том, что делается для несправедливости, несправедлив; все то, что делается для справедливости, справедливо и хорошо.

Мы сказали, что человек - магниты, которые действуют одни на других. Это намагничивание, естественное вначале, затем определенное в своем способе практикой желания, объединяет человека пальцами и сериями, иначе возможно, что это предполагал Fourier. Следовательно верно сказать с ним, что аттракционы пропорциональные судьбам, но он ошибался не делать различия между фатальными аттракционами и искусственными аттракционами. Он полагал также, что злые люди - непонятные из общества, в то время как отнюдь не они напротив не понимают общества и которые не хотят его понять. Что он

сделал в своем phalanstère людей, аттракцион которого, пропорциональное представительство следуя ему в их судьбе, состоял в том, чтобы нарушать и уничтожать phalanstère?

В нашей озаглавленной книге: Наука Умов, мы дали классификацию чеков и плохих умов следуя традициям, kabbalistiques. Несколько внешних читателей скажут возможно: Почему эти имена скорее чем другие? Какой разум, спущенный небом, или какая душа, снова поднятая пропастью, смогла обнаружить таким образом иерархические тайны другого мира? Все это - только высокая фантазия и говоря это, эти читатели обманут друг друга. Эта классификация не произвольна, и если мы предполагаем существование таких или таких умов в другом мире, то, что они существуют очень разумеется в этом. Анархия, предубеждение, мракобесие, умысел, несправедливость, ненависть, выступают против мудрости, против власти, против понимания, против чести, против доброты и против справедливости. Имена иврит Kether, Chostah, Binah иврит Thamiel, Sathaniel, и т.д.. противопоставленные тем из Najoth, из Haccadosch, из Aralim и из Orphanim не означают чего-либо иного.

Так всех высокопарных фраз и всех темных терминов бывших и современных догм; в конечном счете обнаруживаем там всегда принципы вечная и непортящаяся причина. Он очевиден, точно, что множества еще не зрелы для господства причины и что наиболее безумные или наиболее неискренние их затеривают по очереди слепыми взглядами. И сумасшествие для сумасшествия, я нахожу больше настоящий социализм в сумасшествии Loyola чем в сумасшествии Proud' Hon.

Proud' hon утверждает, что атеизм - вера, наиболее плохая полностью действительно и именно для этого он из этого делает свою. Он утверждает, что Бог именно зло, социальный строй именно анархия, свойство это - полет! Какое общество возможно с такими принципами? Общество Иисуса установлено на противоположных принципах, или на противоположных ошибках возможно, и уже некоторые века оно существует и оно довольно сильно еще чтобы делать голову долго сторонникам анархии.

Она действительно не équilibrante но она может еще бросить в баланс веса тяжелее чем те нашего друга Пруд hon.

Люди более солидарные в зле, что они это предполагают. Именно Proud' hon делают Veuillot. Запалы костров Постоянства должны были ответить перед Богом массовых убийств Жана Зиска. Протестанты - ответственные лица за массовые убийства Варфоломеевской ночи, так как они зарезали католиков. Возможно в действительности именно Марат убил Робеспьера, как именно Шарлотта Кордэ заставила выполнять его друзей Girondins. Мадам Дюбарри, тянувшаяся в мясную лавку, национальную, как голова скота, beuglante и непокорную, не представляла себе без сомнения, что она должна искупить казнь Луи XVI. Так как часто наши наиболее большие преступления - то, чего мы не понимаем. Когда Марат сказал, что это - долг человечества выплачивать

немного крови чтобы мешать более большому кровопролитию, он заимствовал эту максиму, разгадайте, кому?

-- В приятном и набожном Fénelon.

В последнее время были опубликованы неизданные письма мадам Элизабет, и, в одном из этих писем, ангельском принцесса заявляет, что все потеряно, если у короля нет мужества ронять три головы. Какие? Она об этом не говорит, возможно тех из Филиппов д' Орлеан, из Lafayette и из Mirabeau! Принц его семьи, честный человек и большой человек. Неважно, который впрочем, приятная принцесса хотела три головы. Позже Марат об этом просил триста тысяч; между ангелом и демоном была только разница нескольких нолей.

ГлаваIV

ДВОЙНАЯ ЦЕПЬ

Движение змей вокруг Кадуцея указывает образование цепи.

Этот канал существует в двух формах: прямая форма и круглая форма. Уезжая из того же центра она прерывает бесчисленные окружности бесчисленными отделами. Прямой канал это - канал передачи. Круглый канал это - канал участия, распространения, причастия, религии. Так же образовывается это колесо, составленное из нескольких колес, поворачивающих одни в других, что мы видим как пылают в видении Ezéchiel. Канал передачи устанавливает солидарность между последовательными поколениями.

Центральный момент бел с одной стороны и негр другого.

К черной стороне присоединяется черная змея; к белой стороне присоединяется белая змея. Центральный момент представляет первоначальную свободную волю, и на его черной стороне начинается первородный грех.

На черной стороне начинается фатальное течение, к белой стороне присоединяется свободное движение. Центральный момент может аллегорически быть представленным луной и обеими силами двумя женщинами, одной, белой и другой негритяжкой.

Черная женщина это - лишенная Ева, это - пассивная форма, именно адская Nécate несет полумесяц и луну на фронт.

Белая женщина, - Именно Маïа или Мария одновременно держит под своей ногой полумесяц луны и голову черной змеи.

Мы не можем объяснить яснее, так как мы касаемся колыбели всех догм. Они снова станут детьми на наших глазах, и мы опасаемся их ранить.

Догма первородного греха, некоторым образом, что она истолковывается, предполагает прошлую жизнь наших душ, или в их специальной жизни, по крайней мере в универсальной жизни.

Итак, если можем грешить без его ведома в универсальной жизни, надо быть спасенными таким же образом; но эта - большая тайна.

Прямой канал, отдел колеса, канал передачи делает солидарные порождения одними из других и является причиной того, что отцов наказывают в детях, чтобы страданиями детей, отцы смогли быть спасенными.

Именно для этого, следуя догматической легенде, Христос спустился в ад откуда, вырвавший железные рукоятки и двери бронзы, он снова поднялся к небу, вовлекающему после него захваченный плен.

И универсальная жизнь кричала: Hosannah! Так как он разбил колючку смерти!

Что все это хочет сказать? Осмелимся это объяснить? Сможем его разгадать или ему понять?

Бывшие hiérophantes греческие языки представляли также обеих силы, представленные обеими змеями в виде двух детей, которые боролись, один противостоит другому беря шар их ног и их коленей.

Эти два ребенка были Эросом и Anteros, Купидоном и Hermès, безумная любовь и разумная любовь. И их вечная борьба делала равновесие мира.

Если не допускаем, что мы лично существовали до нашего рождения на земле, надо услышать первородным грехом добровольную испорченность человеческого магнетизма у наших первых родителей, которая нарушила якобы равновесие канала, давая гибельный один господство черной змее, то есть в звездное течение мертвой жизни и мы из-за этого терпим последствия как детей, которые рождаются рахитичными из-за недостатков их отцов, несут наказание ошибок, которых они не совершили лично.

Крайние страдания Иисуса и мучеников, чрезмерное покаяние святых имели бы целью уравнивать с этим отсутствием равновесия, довольно непоправимым впрочем чтобы должный быть вовлечь в конечном счете катастрофу мира. Милость была бы белой змеей в формах голубя и ягненка, звездного тока жизни, ответственного за заслуги искупителя или святых.

Черт или искуситель был бы звездным током смерти, черной змеей, испачканной всеми преступлениями людей, écaillé их плохих мыслей, ядовитой всех их плохих желаний, одним словом МАГНЕТИЗМЕ ЗЛА.

Итак, между добром и злом, конфликт вечен, Они навсегда непримиримы. Зло следовательно осуждено навсегда, он навсегда осужден к мукам, которые сопровождают беспорядок, и между тем с нашего детства он не прекращает нас настойчиво просить и нас привлекать к нему. Все то, что догматическая поэзия утверждает короля Сатан, вполне объясняется этим устрашающим магнетизмом autan ужаснее, чем фатальнее он, но тем меньше бояться за мужество, что он мог бы его достигнуть, и только, с помощью милости она уверена в том, что ей сопротивляются.

Глава V

ВНЕШНЯЯ МГЛА

Мы сказали, что явление физического света происходит и только в глазах, которые его видят. То есть видимость не существовала бы для нас, без способности видения.

Дела обстоят так же интеллектуального света, он существует только для понимания, которые способны его видеть. Это - внутренний свет, вне которого не существует ничто кроме как внешние потемки, где, следуя речи Христа, и будут всегда слезы и скрипы зубов.

Враги правды походят на мятежных детей, которые разрушили и погасили бы все факелы чтобы кричать лучше и плакать в потемках.

Правда настолько неотделима от товара как любой плохой свободно предоставленной и законченной акции, без того чтобы сознание опротестовало, погасило свет нашей души и нас бросило во внешние потемки.

Это - там то, что составляет сущность смертных грехов. Грешник представлен в древней басне Oedipe, который, убив его отца и будучи обижен его мать, доходит до того что надрывается глаза.

Отец человеческого понимания, это - умение и его мать, это - вера.

Было два дерева в Эдеме, дерево науки и древо жизни.

Именно умение должно и которое может оплодотворить веру; без него она исчерпывается в чудовищных выкидышах и производит только призраков.

Именно вера должна быть вознаграждением за умение и цель всех своих усилий; без нее он доходит до того что сомневается в себе самом и могила в глубоком унынии, которое скоро поворачивается в отчаяние.

Так с одной стороны, верующие, которые презирают науку и кто недооценивают природу, и другой, ученых, которые обижают, отдают и хотят уничтожить веру, есть также враги света и наперегонки устремляются, одни их другие, во внешние потемки, где Proud' hon и Veillot дают послушать по очереди их голос печальнее чем слезы, и проходят скрипя зубы.

Настоящая вера не могла бы противоречить настоящей науке. Также, любое объяснение догмы, наука которого доказала бы фальшивость она, должно быть осужденным верой.

Мы не больше во времени, когда говорили: я верю, потому что это абсурдно. Мы должны сказать теперь: я верю, потому что было бы абсурдно не верить;

Kredo, quia absurdum, credere.

Наука и вера больше не являются двумя готовыми боевыми машинами в, если entrencher, это - обе колонны, предназначенные поддерживать фронтон

храма мира. Надо очистить золото алтаря, столь часто потускневшего священнической грязью.

Христос об этом сказал: Слова догмы - разум и жизнь и Предмет не там ни для чего. Он сказал также: Не осуждайте совсем, опасаетесь ли Вы судиться, так как суждение, которое вы остановите, к вам будет применимо и вы будете измерены с мерой, которую вы определите. Какая блестящая похвала мудрости сомнения! И какое провозглашение свободы совести! Действительно вещь очевидна для кого бы то ни было, люби слушать здравый смысл, то, что, если существовал суровый закон, применимый ко всем и без наблюдения, которого бы было невозможно быть спасенным, было бы нужно, чтобы был ратифицирован этот закон, так, чтобы никто не смог сомневаться в его обнаружении. В таком деле, возможное сомнение это - формальное отрицание, и если единственный человек может игнорировать существование закона, то, что этот закон не божественный совсем.

Нет совсем два способа быть честным человеком. Религия, была ли бы она менее значительна чем порядочность? Не без сомнения, и именно для этого не было никогда, что религия в мире. Расколы только очевидны. Но то, что был всегда неверующий и ужасный, это - фанатизм невежд, которые погубят друг друга одних их другие.

Настоящая религия, это - универсальная религия, и именно для этого та, кто называется католичкой, носит только имя, которое указывает правду. Эта религия, впрочем, обладает и сохраняет православие догмы, иерархию полномочий, эффективность культа и настоящую магию церемоний. Это - следовательно типичная и нормальная религия, религия мать, которой принадлежат права традиции Моусе и древние безапелляционные суждения Гермès. Поддерживая это несмотря на папу, если он нужен, мы - по более католической потребности чем и более протестантский папа чем Лютер.

Настоящая религия, это - главным образом внутренний свет, и религиозные формы часто умножаются и проясняются спектрального фосфора во внешних потемках; но надо соблюсти саму форму у душ, которые не включают разум. Наука не может и не должна использовать репрессии по отношению к игнорированию.

Фанатизм не знает, почему вера права, и причина, признавая, что религия необходима, вполне знает, в чем и почему суеверие ошибается, Вся христианская и католическая религия основана на догме милости, то есть бесплатности. Вы бесплатно получили, бесплатно даете, говорите S. Поль. Религия - исключительно благотворительное учреждение. Церковь - запасной дом для обездоленных философии. Можем обойтись без нее, но не надо ее атаковать. У бедных, которые уклоняются прибегать к общественной благотворительности, нет в качестве этого права ее обесценивать. Человек, который честно видел без религии, лишается сам большой помощи, но он не причиняет не ущерба Богу. Бесплатные дотации не заменяют друг друга совсем наказаниями, когда они отклоняются, и Бог не является совсем ростовщиком,

который бы заставил заплатить людям проценты того, чего они не заимствовали. Люди нуждаются в религии, но религия не нуждается в людях. Те, кто не признают закон, сказанный S. Поль, будут осуждены вне закона. Итак, он здесь не говорит о законе природы, но о религиозном законе, или, чтобы говорить более точно, священнические распоряжения.

Вне этой столь чистой и столь приятной правды, только внешние потемки, где плачут те, кого плохо включенная религия не могла бы успокоить, и где сектанты, которые принимают ненависть за любовь, скрипят зубы одни против других.

У святой Терезы было однажды прекрасное видение. Ей казалось, которой она была в аде и что она была окружена стеной между живыми стенами, которые стягивались всегда не умея никогда ее задушить. Эти стены были сделаны с осязаемыми стенами и нас заставили думать в этой угрожающей речи Христа: « Внешние потемки. » Давайте представим себе душу, которая, из-за ненависти к свету, отправилась слепому как; она сопротивлялась всем прелестям жизни и везде жизни, ее отталкивает так же как свет. Вот брошенная вне аттракциона мира и ясности солнц. Она одна в навсегда реальной черной безграничности для себя самой и для слепых добровольцев, которые на нее походят. Она неподвижна в тени и терпит вечное удушение ночью. Ему кажется, что все уничтожено за исключением его страдания, способного заполнять бесконечность. О боль! Смочь понять и упорствовать в идиотизме бессмысленной веры! Смочь любить и атрофировать его сердце! Ой! Один час только или по крайней мере одна минута, ничто кроме как одна минута наиболее несовершенных радостей и наиболее беглых страсти! Немного воздуха! Немного солнца! Или ничто кроме как лунный свет и газон чтобы танцевать! Капля жизни или меньше чем капля, слеза! И неумолимая вечность ему отвечает: Пусть будешь говорить ты о слезах, ты не можешь плакать даже больше! Слезы - роса жизни и просачивания сока любви; ты удалилась в эгоизме и ты окружена стеной в смерти!

Ах! Вы желали быть более святыми чем Бог! Ах! Вы плевались под носом у мадам вашей матери, целомудренной и божественной натуральному! Ах! Вы проклинали науку, понимание и достижение! Ах! Вы полагали, что чтобы вечно жить надо походить на труп и сохнуть как мумия! Вы вот такие как вы сделали, пользуетесь в мире вечности, которую вы выбрали! Но не, бедные люди, те, кого вы называли и проклятыми грешниками, пойдут вас спасать. Мы увеличим свет, мы пойдем сверлить вашу стену, мы вас вырвем у вашей инертности. Рой страстей, или если вы хотите; легион ангелов (они сделаны таким же образом) вас обмотает и вас будет содержать с гирляндами цветов, и вы, напрасно отобьетесь как Méphistophélès от красивой философской драмы Гете. Несмотря на вас, ваши дисциплины и ваши бледные лица, вы возродитесь, вы будете любить, вы будете знать, вы увидите и, об обломках последнего монастыря, вы придете танцевать с нами адский хоровод Faust!

Счастливым, времени Иисуса, тех, кто плакали! Счастливым, теперь, те, кто могут смеяться, для того, что смех - собственный от человека, как об этом сказал большой пророк Рабле, мессия Ренессанса. Смех это - снисходительность, смех это - философия. Небо успокаивается, когда она, смеявшаяся, и большая Тайна любой божественной власти не является ничем кроме как вечной улыбкой!

Глава VI

БОЛЬШАЯ ТАЙНА

Мудрость, мораль, достоинства: респектабельные слова, но неясные, на какие спорим уже века не умея договариваться!

Я хочу быть разумным, но я буду уверен хорошо в моей мудрости, пока я смогу полагать, что сумасшедшие счастливее или даже радостнее чем я?

Надо иметь обычаи, но мы все немного как дети; морали нас усыпляют. Дело, в том, что нас делаем из глупых моралей, которые не соответствуют нашей природе. Нам говорим о том, что на нас не смотрит и мы думаем о чем-либо ином.

Мужество - большая вещь: ее имя хочет сказать силу, мощность. Мир существует мужеством Бога. Но из чего состоит для нас мужество? Это мужество голодать чтобы ослабляться голова и если ёмасієр лицо? Назовем ли мы мужество простотой честного человека, который позволяет себя снимать плутами? Это мужество воздерживаться обманывать? О чем подумали бы мы о человеке, который не действовал бы чтобы не ломать себе ногу? Мужество во всех отношениях - противопоставленный недействительности, оцепенения и бессилия.

Мужество предполагает действие; так как, если обычно противопоставляется мужество страстям, это чтобы давать послушать, что оно само не пассивное никогда.

Мужество - не только сила, но и ведущая причина силы. Это - власть, уравнивающая жизнь.

Большая тайна мужества, возможности и жизни, быть временный, либо вечен, может формулироваться:

Искусство качать силы чтобы уравнивать движение.

Равновесие, которое надо искать - тот, кто производит неподвижность, но того, кто регулирует движение. Так как неподвижность это - смерть, и движение это - жизнь.

Это движущее равновесие это это природа сама. Природа уравнивающая фатальные силы производит злое телосложение или даже очевидное разрушение для плохо уравновешенного человека. Человек освобождается от неприятностей природы будучи могущий избежать умным употреблением

своей свободы фатальности сил. Мы здесь используем слово фатальность, потому что непредвиденные и непонятные силы плохо уравновешенным человеком ему кажутся необходимыми фатальными.

Природа снабдила в сохранении способных животных инстинкта, но она совсем расположила, чтобы непредусмотрительный человек погиб.

Животные живут образно говоря ими самими и без усилий.

Единственный человек должен учиться жить. Итак, наука жизни это - наука духовного равновесия.

Примирять умение и религию, причину и чувство, энергию и мягкость, вот основу этого равновесия.

Настоящая непобедимая сила это - сила без насилия. Жестокие люди - слабые и непредусмотрительные люди, чьи усилия всегда поворачиваются против них самих.

Жестокая привязанность походит на ненависть и почти на неприязнь.

Жестокий гнев является причиной того, что предаемся своим врагам слепо. Герои Гомера, когда они берутся, имеют заботу о том, чтобы оскорблять себя чтобы пытаться взаимно помещаться в ярость, действительно знающую, что, следуя любым вероятностям, наиболее взбешенное из-за двух будет побеждено.

Горячий Ахиллес был предназначен для того чтобы погибать к несчастью. Он наиболее гордый и наиболее храбрый из греков и причиняет своим согражданам только катастрофы.

Тот, кто заставляет брать Троя, есть осторожный и именно пациент Юлис, всегда бережется и ударяет всегда только наверняка. Ахиллес это - страсть и Ulysse, это - мужество; и именно следуя этим данным надо включить высокую философскую и духовную досягаемость поэм Гомера.

Автор этих поэм один был посвящен без сомнения первоклассный, и большая тайна Высокой практической Магии в целом в Одиссее.

Большая тайна магии, единственная и непередаваемая тайна имеет целью помещать так сказать божественную власть на службу желания человека.

Чтобы прибывать в осуществление этой тайны надо ЗНАТЬ то, что надо делать, ХОТЕТЬ то, что нужно, ОСМЕЛИВАТЬСЯ на то, что надо и МОЛЧАТЬ сознательно.

У Ulysse d' Homere есть против него боги, элементы, циклопы, сирены, Círcé, и т.д.. То есть все затруднения и все опасности жизни.

Его дворец захвачен, его жена во власти, ее товары в грабеже, его смерть решена, его компаньоны он их теряет, его корабли наводнены; он остается наконец только и в борьбе против ночи и противостоит моря. И только, он уступает богов, он ускользает от моря, он ослепляет циклопа, он обманывает сирены, он покоряет Círcé, он возобновляет свой дворец, он освобождает его жену, он убивает тех, кто хотели его смерть, потому что он *хотел* снова увидеть Итаку и Pénélope, потому что он *мог* всегда выпутаться из опасности,

потому что он *кстати* осмеливался и потому что он *всегда* молчал, когда дело не было хитростью говорить.

Но, сказали бы с разочарованием любители рассказней, это не является совсем магией. Не существуют ли талисманы, травы, корни, которые заставляют проводить чудеса? Не удивительные формулы, которые открывают закрытые двери и показывают умы? Говорите нам об ЭТОМ и давайте вручим на другой раз ваши комментарии по Одиссее.

Вы знаете, дети, так как именно детям без сомнения я должен ответить, вы знаете, прочитали ли Вы мои предыдущие труды, которые я признаю эффективностью, относящейся к формулам, к травам и к талисманам. Но там именно маленькие средства присоединяются к маленьким тайнам. Я вам теперь говорю о больших силах духа и о не материальных инструментах. Формулы принадлежат обрядам приобщения, талисманы - магнитные помощники, корни и травы в компетенции оккультной медицины и Гомер сам ими не пренебрегает. Moly, Lothos и Népenhès играют их роль в этих поэмах, но это - там очень второстепенные украшения. Разрезание Círcé не может ничего на Ulysse, который знает о гибельных результатах и который может уклониться за это пить. У посвященного в высокой науке магов нет ничего что опасается колдунов.

Люди, которые прибегают к магии, *cérémonielle* и кто приходят консультироваться с пророками, походят на тех, кто, увеличивая практику набожности, хотят или надеются восполнить в настоящей религии. Никогда вы их не отошлете довольные им давая разумные советы.

Все от вас скрывают тайну, которая очень легка чтобы разгадывать и которая является этим: у меня есть страсть, которую причина осуждает и которую я предпочитаю причине; поэтому я прихожу консультироваться с оракулом безрассудства, чтобы она мне сказала что надеялась, чтобы она мне помогла обманывать мое сознание, и чтобы она обеспечила мир в мое сердце.

Они приходят пить таким образом за обманчивый источник, который, далеко от того, чтобы утолять их жажду, их ухудшает всегда больше. Шарлатан продает темные безапелляционные суждения, там находится то, что хотим там найти и означаем искать разъяснения. Возвращаемся следующим днем, послезавтра, всегда возвращаемся и таким образом гадалки делают состояние.

gnostiques basilidiens сказали, что Софи, естественная мудрость человека, ставшая влюбленной в нее саму, как Нарцисс басни, отклонила ее взгляды ее принципа и устремилась вне этого круга, начерченного божественным светом, который они называли *plérôme*. Только тогда в потемках, она сделала кощунства чтобы производить на свет света. И как *hémoroësse* евангелия, она теряла свою кровь, которая превращалась в ужасные чудовища. Наиболее опасная из всех сумасшествий это - плохая мудрость.

Плохие сердца отравляют всю природу. Для них великолепие красивых дней только ослепительный одно неприятность и все радости жизни, умершие для этих мертвых душ, поднимаются перед ними чтобы их проклинать, им

говоря о как спектрах Ришара III: « отчаялся и умер. » Красивые энтузиазмы их заставляют улыбаться и они бросают в любовь и в красоту, как будто для того, чтобы отомстить, наглые презрения Stenio и Rollon. Не надо ронять свои руки обвиняя фатальность, надо бороться против нее и ее победить. Те, кто изнемогают в этом бою, являются те, кто не знали или кто не желали торжествовать. Не знать, это - оправдание, но это не является обоснованием, так как можем научиться. « Отец, простите им, так как они не знают того, что они делают », говорил умирающий Христос. Если бы было позволено не знать, просьба Спасателя испытывала бы нехватку в последний момент и у отца не было бы ничего что надо прощать.

Когда не знаем, надо захотеть научиться. Пока не знаем, смело осмеливаться, но всегда хорошо молчать.

Глава VII

ВЛАСТЬ, КОТОРАЯ СОЗДАЕТ И КОТОРАЯ ИЗМЕНЯЕТ

Желание - исключительно постановщица, мы можем все то, что мы думаем что можем разумно.

В его сфере действия человек располагает любой мощностью Бога; он может создать и изменить.

Эта мощность, он должен ее вначале осуществить на себя сам. Когда он рождается, его способности - хаос, потемки понимания покрывают пропасть его сердца, и ее разум качается на сомнении, как если бы он был отнесен на волны.

Причина тогда ему дана, но эта причина еще пассивная, это принадлежит ему ее делать активной; это принадлежит ему заставлять сиять его фронт в середине волн и крича: которым свет будет!

II примиряется, случается сознание; случается сердце. Божественный закон будет для него таким, как он его установит, и целая природа станет для него тем, что он захочет.

Вечность войдет и будет держаться в своем воспоминании. Он скажет в разуме: будь предметом, и в предмете: будь разумом, и разум и предмет ему будут повиноваться!

Любая сущность изменяется действием, любым действием руководит разум, любой разум направляется следуя желанию и любое желание определено причиной.

Реальность вещей в их праве на существование. Эта причина вещей - принцип того, что есть.

Все - только сила и предмет, говорят атеисты.

Это как если бы утверждали, что книги - только бумага и краска.

Предмет - помощница разума, без разума она не имела бы основание быть и она не была бы.

Предмет превращается в разум при помощи наших смыслов, и это чувствительное превращение, только для наших душ, - то, что называем удовольствием.

Удовольствие - чувство божественного действия. Питаться, это значит создавать жизнь и изменять, наиболее чудесно, вещества, умершие в живых веществах.

Почему природа она вовлекает полы один к другой с таким восхищением и таким опьянением? Дело, в том, что она их приглашает в большой произведение преимущественно, в произведении вечной плодовитости.

О чем говорим о радостях тела? У тела нет ни грусти ни радостей: она - пассивный инструмент. Наши нервы - струны скрипки, с которой природа нас дает послушать и чувствовать музыку сладострастия, и все радости жизни, даже наиболее нарушенные, - исключительный раздел души.

Что красота, или след с разума на предмете? Тело Венеры Мило нуждается в том, чтобы быть тела чтобы очаровывать наши глаза и воодушевлять нашу мысль? Красота женщины, это - гимн материнства; приятная и деликатная форма груди нам безостановочно напоминает первую жажду наших губ; мы хотели бы смочь он сделать в вечных поцелуях, то, что он нам дал в приятные изливания. Это тогда из тела, что мы влюблены? Лишенные их восхитительной поэзии, что нам внушили ли бы эти эластичные буфера и glanduleux покрытые скоро коричневой, скоро белой и розовой кожей? И что стали бы наши наиболее прелестные волнения, если бы рука любовника, прекращающая дрожать, должна была вооружиться лупой физика или скальпелем анатома?

В изобретательной басне, Apulée рассказывает, что неловкий экспериментатор, соблазнивший служанку волшебницы, которая ей предоставляет мазь, приготовленную ее хозяйкой, пытается превращаться в качестве птицы и сумеет только превратиться в осла. Ему скажем, что чтобы возобновлять его первую форму, ему будет достаточно съесть розы, и он вначале верит очень легкой вещи. Но он скоро замечает, что розы не сделаны для ослов. Как только он хочет приблизиться к розовому кусту, его отталкиваем в удары палкой, он терпит тысячу неприятностей и может наконец быть освобожденным только прямым вмешательством божества.

Подозревали Apulée в том, что он был христианином, и думали что увидели, в этой легенде осла, критику, окутанную покрывалом тайнами Христианства. Завистник улетаая на небо, христиане недооценили науку и упали бы под ярмом этой слепой веры, которая их заставляла обвинять, в течение первых веков, в том, что обожают голову осла.

Рабы фатальной строгости, они не могли приблизиться больше к этим естественным красотам, которые представлены розами. Удовольствие, красота, сама природа и жизнь были посвящены анафеме эти суровые и

невежественными водителями, которые охотились перед ними на бедного осла Вифлеема. Это, в то время как Средний век мечтал о романе розы. Это, в то время как посвященные в науку древности, завистник снова завоевывать розу не отрекаясь от креста, объединили изображения и взяли имя Розы-креста, чтобы там розовый был еще крест и чтобы крест в свою очередь смог увековечить розу.

Существует настоящее удовольствие, настоящая красота, настоящая любовь только к мудрецам, которые являются действительно творцами их собственного поздравленного. Они воздерживаются чтобы учиться пользоваться хорошо, и если они лишаются, это чтобы покупать счастье.

Какая нищета печальнее чем нищета души и сколько должны жалеть тех, кто разорили свое сердце! Сравните бедность Гомера с богатством Trimalcion, и скажите нам, какое два - несчастное? Что из товаров, которые бы нас *pervertissent* и которыми мы не обладаем никогда, так как надо их всегда терять или им оставить другим? Для чего оно использует, оно, не являются между нашими руками инструментами мудрости? Увеличивая потребности животной жизни, нас отупляя в сытости и отвращении. Это там цель существования? Это положительный из жизни? Это не напротив наиболее неверный и наиболее испорченный идеал? Использовать его душу чтобы удобрять его тело, это было бы уже очень большое сумасшествие; но одновременно убивать его душу и его корпус чтобы оставлять однажды большое состояние молодому идиоту, который его пригоршнями бросит в банальное лоно первой пришедшей куртизанки, это не вершина безумия? И однако вот то, что делают серьезными людьми, которые обсуждают философов и поэтов мечтателей.

То, что я нахожу желательным, говорил Curius, это не является не имуществом богатств, это состоит в том, чтобы заказывать тем, у кого это есть, и Святой Винсент де Поль, возможно не думая о максиме Curius, обнаружил всю величину в пользу благотворительности. Какой правитель мог никогда основать столько хосписов, снабдить столько убежищ. Какой Rotschild нашел достаточно миллионов для этого? Бедный священник Винсент де Поль хотел, он говорил и богатства повиновались.

Дело, в том, что он обладал властью, которая создает и которая изменяет, когда настойчивое и разумное желание было нажато на наиболее священные законы природы. Учитесь захотеть то, что Бог хочет, и все то, что вы захотите, разумеется, произойдет.

Знайте также, что противоположности осуществляются противоположностями: жадность всегда бедна, незаинтересованность всегда богата.

Гордость провоцирует презрение, скромность привлекает похвалу, распутство убивает удовольствие, умеренность очищает и возобновляет наслаждения. Вы всегда получите, и наверняка, противоположность того, что вы несправедливо хотите, и вы будете всегда обнаруживать, ее увеличивает в сто раз того, чем вы пожертвуете за справедливость. Если следовательно вы

хотите слева собрать, сеете справа; и размышляйте об этом совете, у которого есть внешность парадокса и который вас заставляет видеть мельком одну из наиболее больших тайн оккультной философии.

Пожалуйста, привлечите, сделайте пустоту. Это происходит в силу закона физики, аналогичного духовному закону. Бурные течения ищут огромные глубины. Воды дочери облаков и гор и всегда ищут долины. Настоящие наслаждения приходят верхними, мы об этом уже сказали: именно желание их привлекает, и желание - пропасть.

Его что-то привлекает все и именно за это наиболее недостойных существ любви, наиболее любят иногда. Полнота ищет пустоту и пустота сосет полноту. Животные и кормилицы это знают действительно.

Pindare не любил никогда Sapho, и Sapho должен был смириться всем презрениям Phaon. Гениальный мужчина и женщина брат и сестра; их соединение было бы инцестом и человек, который только, человек не будет любить никогда женщину в бороде.

Руссо, казалось, предчувствовал это, когда он сочетался браком со служанкой, с глупой и жадной мужеподобной женщиной. Но он не мог разъяснять никогда Терезе свое интеллектуальное превосходство, и он ее очевидно был ниже в грубости существования. В домашнем хозяйстве ' Тереза была человеком и Руссо женщина. Руссо гордился чересчур чтобы мириться с подобным положением. Он протестовал против домашнего хозяйства помещая к найденным детям Терезы. Он положил таким образом природу между нею и между ним, и подверглась всей мести его мать.

Гениальные люди не делайте не детей; ваши единственные законнорожденные сыновья - ваши книги и не сочетайте браком вас никогда; ваша супруга это - слава! Храните вашу мужественность для нее; и все же вы нашли бы Héloïse, не показывайте вас для женщины в судьбе Abailard!

Глава VIII

АСТРАЛЬНЫЕ ЭМАНАЦИИ И МАГНИТНЫЕ ПРОЕКЦИИ

Мир, это - группа намагниченных шаров, которые привлекаются и отталкиваются одних их другие. Существа, представленные различными шарами, принимают участие в своем специальном намагничивании, качаемом универсальным намагничиванием.

Плохо уравновешенные люди - беспорядочные или чрезмерные магниты, что природа качает одних другими, до тех пор, пока частичный дефект равновесия произвел разрушение.

Спектральный анализ Bumsen заставит науку отличать специальность магнитов и давать таким образом научную причину бывших интуиций судебной астрологии. Различные планеты системы разумеется осуществляют магнитное действие на наш шар и на различные организации живых существ, которые в нем живут.

Мы пьем все ароматы неба, смешанные с разумом земли и родившиеся под влиянием различных звезд, у нас есть всех предпочтение в качестве силы, характеризованной формой, для таланта и для цвета.

Pythonisse de Delphes, усаженный на треножнике выше трещины земли вдыхал звездное жидкое тело половыми органами, сходил с ума или в лунатизме и произносил бессвязные слова, которые были иногда безапелляционными суждениями. Вся раздражительная природа, поставленная в беспорядках страстей, походит на Pythonisse и вдыхает Питона, то есть плохой и фатальный разум земли, затем она демонстрирует с силой жидкое тело, которое через нее проникло, затем вдыхают с равной силой жизненное жидкое тело других существ чтобы ею захватывать, оказывая влияние так по очереди, плохая мощь *Jettatore* и вампира.

Если больные, пораженные этим *aspir* и этим *respir*, отравляющие их принимают за власть и хотят на это увеличить восхождение и прогнозирование, они проявляют их желания церемониями, которые называются воспоминаниями, колдовством, и становятся теми, что прежде называли *pécromants* и колдунами.

Любой призыв к иностранному и неизвестному пониманию, существование которого нам не доказано и которое имеет целью заменять его управление на направление нашей причины и нашей свободной воли, может быть рассмотренным интеллектуальным самоубийством, так как это - призыв к сумасшествию.

Все то, что оставляет желание удивительных сил, всего того, что заставляет говорить в нас о других голосах чем о голосах из сознания и о причине, принадлежит умопомешательству.

Сумасшедшие - статические фантазеры. Видение, когда пробуждены - доступ сумасшествия. Искусство воспоминаний это - искусство достать себе искусственное сумасшествие, доступы которого провоцируются.

Любое видение подобно мечте. Это - фикция нашего безумия. Это - облако наших беспорядочных воображений, брошенное в звездном свету; именно мы, те же мы появляемся нам те же ряженные в призраках, в трупах или в демонах.

Сумасшедшие, в кругу своего аттракциона и своего магнитного прогнозирования, кажется, заставляют *extravaguer* природу: мебель хрустит и перемещается, легкие тела привлечены или брошены на расстоянии. *aliénistes* это действительно знают, но они опасаются об этом договариваться, потому что официальная наука еще не допустила, что человек был магнитами и что эти магниты смогли быть нарушенными и искаженными. Аббат Вяннеи, кюре Ars,

безостановочно считался turlupiné демоном; и Verbiguier de Terre-neuve-du-Thum запасался длинными булавками чтобы прокалывать эльфы.

Итак, точка опоры существует в сопротивлении, которое им противопоставляет недисциплинированное достижение. В демократии то, что делает невозможной организацию армии, то, что каждый солдат хочет быть общим. Только генерал у Иезуитов.

Повиновение - гимнастика свободы и чтобы суметь всегда делать то, что хотим, надо учиться часто происходить то, что не хотели бы сделать. То, что нам нравится, это значит быть на службе фантазии, делать то, что мы должны захотеть, так это значит оказывать влияние и заставлять одновременно торжествовать причину и желание.

Противоположности утверждаются и подтверждаются противоположностями. Слева посмотреть, когда хотим направо пойти, это - сокрытие и осторожность, но бросать вес на левое плато баланса, когда хотим заставить поднимать плато правой партии, это значит знать о законах динамики и равновесия.

В динамике именно сопротивление определяет количество силы, но не сопротивление, которое бы не было побеждено настойчивостью усилия и движения, таким образом мышь подтачивает кабель и что капля воды сверлит скалу.

Усилие, возобновленное каждый день увеличивает и сохраняет силу, действие впрочем было применено к безразличной вещи в себе самом или безрассудно и смешно. Именно мало серьезное занятие по-видимому катя между его пальцами семена четок повторяясь два или триста раз: я вам приветствую Марию. Итак! Пусть монахиня будет ложиться не перебирая свои четки, она проснется следующим днем отчаявшийся человек, не будет иметь мужества делать утреннюю молитву и будет отвлечена во время офиса. Также их директора им повторяют безостановочно и справедливо не пренебрегать пустяками.

Колдовские книги и магические ритуалы полны тщательных и по-видимому смешных распоряжений:

Съесть в течение десяти или двадцати дней продукты без соли, спать нажатой на локоть, жертвовать черным петухом в полночь в перекрестке в середине леса, идти на кладбище брать кучка землю на недавнюю яму мертвого и т.д.. и т.д.. затем покрываться некоторой странной одеждой и произносить длинные и скучные заговоры. Авторы этих книг хотели насмеяться над своими читателями? Они для них обнаруживали настоящие тайны? Нет, они не насмехались, и их образования были серьезны. Они имели целью воодушевлять воображение своих сторонников и им давать сознание дополнительной силы, которая существует, как только в это верим и которая всегда увеличивается настойчивостью усилий. Только, может случиться, что законом реакции противоположностей, упоминаем черта упорствуя в том, чтобы просить Бога, и что после сатанинских заговоров, будем намереваться оплакивать ангелов.

Весь ад танцевал в звонках, когда Святой Антуан говорил о своих псалмах, и рай, казалось, возрождался перед очарованием большого Альбера или Колуна.

Дело, которыми церемонии в них самих являются немного, и что все зависит от *aspir* и от *respir*. Формулы, посвященные длинным употреблением, нас соединяют с живыми и мертвыми, и наше желание, которое входит таким образом в большие периоды, может вооружиться любыми их испарениями. Служанка, которая осуществляет, может, в данный момент, располагать любой даже временной мощностью Церкви, поддержанной вооружением Франции, как это хорошо казалось в течение крещения и вывоза еврея Мортара. Вся цивилизация Европы, в XIX век, протестовала против этого акта, и ему подверглась, потому что набожная служанка его хотела. Но земля послала для помощника этой девушке спектральные испарения веков Святого Доминик и Torquemada; святой Гильери молился за нее. Тень большого короля *révocateur* нантского эдикта, ему делала знак апробации, и духовный мир в целом был готов это поддерживать.

Жанна д'Арк, которая была сожжена как колдун, привлекла, действительно, в ней, разум героической Франции, она чудесно распространялась воодушевляя нашу армию, и отпугивая англичан. Папа ее реабилитировал; это чересчур мало, надо было ее канонизировать. Если эта *thaumaturge* не была колдуном, это было очевидно святой. Что колдун после всего? Именно этот *thaumaturge* папа не одобряет.

Чудеса есть, если хотим мне передать это выражение, когда странности природы были произведены восторженностью человека. Они всегда происходят в силу тех же законов. Любой персонаж популярной славы сделал бы чудеса, в факте иногда не желая этого. В то время, когда Франция обожала его королей, короли Франции вылечивали *écrouelles*, и в наши дни большую популярность этих живописных и варварских солдат, что назначаем зуавов, развились у зуава, названного Джекобом, способность вылечиваться голосом и взглядом. Скажем, что этот зуав оставил свое тело чтобы проходить в гранатовых деревьях, и мы смотрим как уверенный, что гранатовое дерево у Джекоба не будет больше власти, которая исключительно принадлежала зуаву.

Времени друидов, было в Галлии, женщин *thaumaturges*, что призывали Эльфов и Фей. Для друидов это были святые, для Кретьенов, это - колдуны. Жозеф Бальзамо, что его ученики призывали божественного *Cagliostro*, был осужден в Риме, как еретик и колдун за то, что Жозеф Бальзамо сделал предсказания и чудеса без разрешения обычного. Итак, в этом инквизиторы были правы, так как единственная римская Церковь обладает монополией Высокой Магии и эффективных церемоний. С водой и солью, она очаровывает демонов, с хлебом и вином, она упоминает Бога и его вынуждает отправляться заметный и осязаемый на землю; с маслом, она дает здоровье и прощение.

Она действует больше еще, она создает священников и королей.

Она сама понимает и разъясняет, почему короли тройного магического королевства, три мага, кем управляет полыхающая звезда, пришли чтобы

предлагать Иисусу Христу в колыбели, золото, которое очаровывает глаза, и завоевывает сердца, фимиам, который несет аскетизм на мозг, и myrrhe, который сохраняет трупы и делает осязаемым так сказать, догма бессмертия показывая неприкосновенность и incorruption в смерти.

Глава IX

МАГИЧЕСКОЕ ЖЕРТВОПРЕНОШЕНИЕ

Давайте будем говорить вначале, в общем, о жертве.

Что жертва? Жертва, это - осуществление самоотверженности.

Это - замена невинного виновнику, в добровольном произведении искупления.

Это - компенсация щедрой несправедливостью справедливого человека, которая подвергается наказанию подлой несправедливости мятежника, которая узурпировала удовольствие.

Именно умеренность мудреца уравнивает в универсальной жизни, в оргиях бессмысленных.

Вот то, чем жертва является в действительности, вот главным образом то, что он должен быть.

В бывшем мире, жертва была редко добровольной. Виновный человек тогда посвящал казни то, что он смотрел его завоеванием или на его свойство.

Итак, черная магия - оккультное продолжение обрядов, запрещенных бывшим миром. Жертвоприношение - основа тайн nigromantie и колдовство - магические жертвы, где магнетизм зла заменяет костер и нож. В религии именно вера спасает; в черной магии именно вера убивает!

Мы уже разъяснили, что черная магия - религия смерти.

Умирать вместо другой, вот возвышенной жертвы. Убивать другого чтобы не умирать, вот безбожная жертва. Соглашаться на убийство невинного для того, чтобы нам подтверждать безнаказанность наших ошибок это было бы и наиболее непростительное последнее из трусости, если бы приношение жертвы не было добровольным и если бы эта жертва не имела права предлагаться как высшее нам и абсолютно главная сама себя. Таким образом для выкупа людей чувствовали необходимость.

Мы здесь говорим о вере, посвященной за некоторые века поклонения и верой нескольких миллионов людей, и как мы сказали, что коллективный и настойчивый глагол создаст то, что он утверждает, мы можем сказать, что это таким образом.

Итак, жертва креста возобновляется и продолжается непрерывно в жертве алтаря. И там возможно она еще более устрашающая для верующего. Бог жертва оказывается там действительно не имея даже формы человека; он немой и пассивный, поставлен, к кому хочет его взять, без сопротивления перед тем,

кто осмеливается его обижать. Это - белая и непрочная просфора. Он приходит по призыву плохого священника и не опротестует, хотим ли его смешать с наиболее нечистыми обрядами. До Христианства, Stryges ели тело зарезанных внуков; теперь они удовлетворяются святыми просфорами.

Игнорируем, какую сверхчеловеческую мощь злобы черпают плохие набожные в злоупотреблении таинств. Ничто не ядовитое как памфлетист, который объединяется. У него есть плохое вино, как говорят о пьянице, который сражается с его женой, когда он пьяный: Я услышал день так называемого католика, что у него был *хороший плохой Бог*. И кажется, что в рту некоторых communians одну второго transsubstantiation происходит. Именно Бога поместили на их языке, но именно этого черта они проглотили.

Католическая просфора - что-либо действительно прекрасное. Она содержит все небо и весь ад, так как она намагничена магнетизмом веков и множествами, магнетизмом добра, когда к этому приближаемся с настоящей верой, магнетизмом, сконцентрированным злом, когда это используем недостойный один употребление. Также ничто также не разыскиваемое и на что не смотрят как также мощное для готового платья порч не как просфор, посвященных законными священниками, но отклоненных от их набожного направления некоторой кощунственной мелкой кражей.

Мы падаем сюда в глубину ужасов черной магии, и никто не предполагает, что их разоблачая мы захотим поощрить одиозные практики.

Жиль де Лаваль, сеньор Raiz, в тайной часовне своего замка Machecoul, заставлял служить черную мессу отступническим якобинцем. В повышении резали внука и маршал объединялся с фрагментом просфоры, погруженной в кровь жертвы.

Автор колдовской книги Гонориус скажет, что оператор произведений черной магии должен быть священником. Наилучшие церемонии, по его мнению, чтобы упоминать черта, это католическое вероисповедание, и действительно, самого признания отца Вентураа, черт рожден из произведений этого культа. В письме, направленном г. Гужено Демуссо и опубликованном этим последним во главе одного из его главных трудов, ученый, théatin, не опасается утверждать, что черт - сумасшедший католической религии (такой, по крайней мере его слышал отец Вентураа). Вот собственные выражения.

« Сатана, сказал Вольтер, это - Христианство; никакой Сатаны, никакого Христианства. »

« Можем следовательно сказать, что шедевр Сатаны это состоит в том, чтобы суметь заставлять себя отрицать. »

« Доказывать существование Сатаны это значит восстанавливать одну из фундаментальных догм, которые служат базой для Христианства и без которой они - только слово. »

(Письмо отца Вентураа рыцарю Гужено Демуссо во главе книги *Магия в XIX век*).

Таким образом, после того, как Proud' hon не опасался говорить: Бог именно зло, священник, слывет за обученное, дополняет мысль атеиста говоря: Христианство это - Сатана. И он говорит об этом простодушно, думающем что защищает религию, на которую он клеветает столь ужасным способом, столько симония и материальные интересы погрузили некоторых членов духовенства в черное Христианство, членов Жилей де Лаваль и колдовской книги Nonogius. Однако именно тот же отец говорил Папе: Для кома земли, давайте не скомпрометируем королевство неба. Отец Вентураа был лично честным человеком и у него, настоящий христианин его иногда предпочитал монаху и священнику.

Концентрироваться на обусловленном пункте и присоединять к знаку все стремления к товару, это значит иметь достаточно веры чтобы осуществлять Бога в этом знаке. Такое - постоянное чудо, которое происходит каждый день на алтарях настоящего Христианства.

Тот же знак, оскверненный и посвященный злу, должен осуществить зло таким же образом, и если сразу после причастия может сказать: Не больше именно я увидел, именно Иисус Христос увидел во мне, или иными словами: я больше не являюсь мной, я - Иисус Христос, я - Бог; даже ему объединяясь недостойный может сказать с не менее уверенностью и правды: я больше не являюсь мной, я - Сатана.

Создавать Сатану и делать себе Сатану, такая - большая тайна черной магии, и это - то, что колдуны, причастные к сеньору Raiz, думали что выполняли для него и выполняли, действительно, до некоторой степени, служащий мессу черта.

Человек, подвергался ли он когда-нибудь тому, чтобы создавать черта, если у него не было никогда отваги хотеть создать Бога его подкрепляя? Не сказали ли мы, что вещественный Бог бросит по необходимости тень и что эта тень это - Сатана? Да, мы об этом сказали, мы не скажем никогда о противоположности. Но если тело Бога мнимо, его тень не могла бы быть реальной.

Божественное тело - только внешность, пелена, облако: Иисус его осуществил верой. Давайте будем обожать свет и давайте не дадим реальность тени, так как отнюдь не она - предмет нашей веры I! Природа хотела и она всегда хочет, чтобы была религия на земле. Религия пускает ростки, цветет и развивается в человеке, она - плод ее стремлений и ее желаний; она должна быть урегулированной властительницей причина. Но стремления человека к бесконечности, его желания вечного добра и его разум главным образом, происходят из Бога!

Глава X

ВОСПОМИНАНИЯ

Единственная причина дает право на свободу. Свобода и причина, эти две большие и существенные привилегии человека соединены столь тесно, что не можем отречься от одной не отказываясь от занятия другой. Свобода хочет триумф причины и причина настойчиво требует господства свободы. Причина и свобода для человека больше чем жизнь. Хорошо умереть для свободы, возвышено быть мучеником причины, потому что причина и свобода - сама сущность бессмертия души.

Сам бог - причина, свободная от всего того, что существует.

Черт, напротив, это - фатальное безрассудство.

Отречься от его причины или от его свободы это значит отрицать Бога. Призывать безрассудство или фатальность, это значит упоминать черта. Мы сказали, что черт будет существовать и что он тысячу раз ужаснее и безжалостнее, что его представляем в даже наиболее черных легендах. Для нас и для причины это не могло бы быть ни красивый падший ангел Милтона, ни сверкающий Люцифер, ночью тащащий свой ореол звезды, затронутой молнией. Эти *titaniennes* басни безбожные. Настоящий черт это действительно скульптуры наших соборов и наивными художниками наших готических книг. Его исключительно гибридная форма - синтез всех кошмаров; он безобразен, безобразен и смешон. Он связан и он продолжает разговор. У него есть глаза везде, исключенного в голове; у него есть лица в животе, в коленях и в последующей стороне его нечистого корпуса. Он везде, где может проникнуть сумасшествие, и везде он тащит после него муки ада.

Сам собой он не говорит, но он заставляет говорить обо всех наших недостатках; он - чрево вещатель обжор, Питон потерянных женщин. Голос скоро бурный как вихрь, скоро вкрадчивый как легкий свист. Если говорить на наших нарушенных мозгах, он намекает на свой раздвоенный язык в наших ушах и чтобы развязывать наши сердца он дрожит своя очередь как стрела. В нашей голове, он убивает причину, в нашем сердце он отравляет свободу и он делает это всегда, по необходимости безостановочно и безжалостно, так как это - не лицо, это - слепая сила; его проклинаят, но с нами; он грешит, но в нас. Мы самостоятельно суммы, ответственные за зло, которое он нас заставляет делать, так как он, у него нет ни свободы ни причины.

Черт это - зверь. Святой Жан это повторяет в сытости в своем чудесном апокалипсисе; но как понимать апокалипсис, если у нас нет ключей святой Каббалы?

Воспоминание это - следовательно призыв к зверю и единственный зверь может на это ответить. Давайте добавим, что чтобы показывать зверя, надо его образовать в себе, затем ему бросить снаружи. Эта тайна это все колдовские книги, но об этом сказали бывшие хозяева только очень окутанный покрывалом.

Чтобы видеть черта надо grimier ярое, затем смотреться в зеркале, вот тайна в его простоте и такой, что могли бы об этом сказать ребенку. Давайте

добавим для людей, что в тайне колдунов, дьявольская гримаса печатается в душе звездным посредником, и что зеркало это - потемки, оживленные головокружением.

Любое воспоминание будет напрасно, если колдун не начинает тем что осуждает на муки свою душу навсегда жертвуя своей свободой и своей причиной. Надо легко понимать его. Чтобы создавать в нас зверя надо убить человека, и это - то, что было представлено предварительной жертвой ребенка и лучше еще профанацией просфоры. Человек, который решается на воспоминание - несчастный, который причина затрудняет и кто хочет увеличить в себе самом скотский аппетит для того, чтобы там создавать магнитный очаг, одаренный фатальным влиянием. Он хочет стать сам безрассудство и фатальность; он хочет быть беспорядочным и плохим магнитом для того, чтобы привлекать к нему недостатки и золото, которое их снабжает. Об именно наиболее ужасном преступлении воображение смогло мечтать. Это - изнасилование природы. Это - прямое и абсолютное оскорбление, брошенное божеству; а также и к счастью это - произведение трудный *érouvantablement*, и большая часть тех, кто ее соблазнили, потерпели неудачу в своем выполнении. Если бы довольно извращенный и довольно сильный человек упоминал черта в необходимых условиях, черт был бы осуществлен. Бог был бы обязан в провале и приведенная в ужас природа подверглась бы деспотизму зла.

Скажем, что человек прежде предпринял это чудовищное произведение и что он стал папой. Скажем также, что в смертном одре он признался завернуть всю Церковь сетей черной магии. То, что точно, так это то, что этот папа был искусен как Faust, и что о нем считаем автором некоторых чудесных изобретений. Мы говорили о нем уже в одном из наших трудов. Но то, что, согласно самой легенде доказало бы, что он не упоминал никогда черта, то есть он не был чертом, дело, в том, что он раскаялся. Черт не раскаивается никогда.

То, что является причиной того, что большая часть людей посредственна, то, что они всегда неполные. Честные люди иногда действуют, зло и преступные иногда убегают и забываются до того, чтобы хотеть и действовать несколько действительно. Итак, грехи против Бога ослабляют в человеке силу Бога, и грехи против черта, я хочу говорить о хороших желаниях и о хороших акциях, раздражают силу черта. Чтобы осуществлять либо наверху, либо внизу, либо справа, либо слева, исключительную власть надо быть всесторонним человеком.

Страх и его повторно кусает у преступников, двумя вещами, которые исходят из добра, и там где они выдают себя. Чтобы иметь успех в зле, надо быть абсолютно злым. Также уверяем, что Патрон признавал их разбойников и им навязывал для покаяния некоторое женское или детское убийство, когда они обвиняли себя ему ощутить некоторую жалость. У Néron было хорошее, оно было артистом и это было тем, что его потеряло. Он ушел и убил себя с досадой пренебрегшегося музыканта. Если он был только императором, он

сжег Рим второй раз скорее чем уступать место Сенату и Vindex, народ объявился для него; он уронил золотой дождь и преторианские его избрали единодушно еще раз. Самоубийство Néron было кокетством артиста.

Суметь делать себе Сатану было бы неполным триумфом для извращенности человека, если бы не случилось в то же самое время отправиться бессмертное. Prométhée, напрасно старается терпеть на своей скале, он знает, что однажды будет разбит его канал и что он свергнет с престола Юпитер; но для сущности Промете надо восхитить молнию и мы еще только на огне ада!

Нет, мечта Сатаны не является мечтой Prométhée. Если бы мятежный ангел смог когда-то восхитить молнию, то есть тайное божественное жизни, он сделал бы себе Бога. Но единственный человек довольно бессмыслен и достаточно ограничен чтобы верить в возможное решение теоремы этого вида. Являться причиной того, что то, что есть, либо в то же самое время и либо, что тень либо свет, что смерть либо жизнь, что ложь либо правда и что небытие либо все. Также буйный помешанный, который хотел бы осуществить абсолют в зле, он наконец прибыл бы, как неосторожный алхимик, к прекрасному взрыву, который его похоронил бы под развалинами его бессмысленной лаборатории.

Мгновенная и молниеносная смерть была результатом адских воспоминаний, и надо удовлетворить, что она только была чересчур заслужена. Безнаказанно не идем до крайних границ безумия. Он уверен излишек, которого природа не поддерживает. Если видели иногда как умерли от внезапно разбуженных лунатиков, если опьянение на некоторой степени производит смерть. Но, скажем, зачем эти ретроспективные угрозы? Кто следовательно в наш век думает о том, чтобы делать воспоминания с обрядами колдовской книги? В этом вопросе у нас нет ничего на что надо отвечать. Так как, говорили ли мы о том, что мы знаем, возможно как нам не верили бы.

Впрочем упоминается магнетизм зла, иначе чем обрядами бывшего мира. Мы сказали, в нашей предыдущей главе, что месса, оскверненная злыми умыслами, становится оскорблением, сделанным Богу и покушение человека противостоит своему собственному сознанию. Попрошенные безапелляционные суждения либо в головокружении *halluciné*, либо в конвульсивном движении инертных вещей, *magnétisées* наудачу, также адские воспоминания, так как именно акты стремятся к тому, чтобы подчинять фатальности свободу и причину. Справедливо, что операторы этих произведений черной магии почти всегда невиновны игнорированием. Они действительно совершают призыв к зверю, но именно этот хищника они хотят не подчинить своей жадности. Они просят только нескольких советов у глупого зверя чтобы служить помощниками для своей собственной глупости.

В магии света, наука воспоминаний - искусство *magnétiser* течения звездного света и ими руководя по желанию. Эта наука была наукой *Zoroastre* и

от короля Сэломона, если верим бывшим традициям, но чтобы делать то, что сделали Zoroastre и Сэломон, надо иметь мудрость Сэломона и науку Zoroastre.

Чтобы руководить и господствовать над магнетизмом добра надо быть лучшим людей. Чтобы активизировать и вовлекать вихрь зла надо быть наиболее злым. Искренние католики не сомневаются, чтобы просьбы бедной отшельницы смогли изменить сердце королей и качать судьбы властей. Мы далеко от того, чтобы пренебрегать этой верой мы, кто допускаем коллективную жизнь, магнитные токи и любую мощь, относящуюся к желанию.

До недавних открытий науки, явления электричества и магнетизма были приписаны в умах, распространенных в воздухе и сторонник, который умел оказывать влияние на магнитные течения, думал что заказывал умам. Но когда магнитные течения были фатальных сил, чтобы ими руководить и им уравнивать, надо быть само совершенный центр равновесия, и это - то, что пропускало большей части этих смельчаков заклинателей.

Также они часто были поражены жидким телом *impondérable*, что они *soutiraient* неистово не умея его нейтрализовать. Также они признавали, что чтобы абсолютно царить над умами, им недоставало необходимой вещи; Кольцо до Сэломон.

Но кольцо до Сэломон, говорит легенда, еще на пальце этого монарха и его тело заключено в камень, который разобьется только в день страшного суда.

Эта легенда настоящая как почти все легенды; только надо ее включить.

Пусть представится кольцо! - Кольцо, это - конец канала и это - круг, к которому могут присоединиться другие круги.

Руководители духовенства всегда несли кольца в знак господства над кругом и над каналом верующих.

В наши дни еще дается прелатам инвеститура кольцом и на церемонии брака, супруг дает супруге кольцо, освященное и посвященное церковью для того, чтобы ее создавать главной и ведущей интересов своего дома и круга своих слуг.

Епископское кольцо и свадебное кольцо, иерархически посвященные и сообщенные, следовательно представляются и осуществляют власть. Но другая - государственные власти и социальная, и другая философская, симпатичная и оккультная власть.

Сэломон проходит чтобы быть суверенным понтификом религии мудрецов, и обладать в этом названии властительницей мощь оккультного духовенства, так как он обладал, как говорят, универсальная наука, и в себе одной осуществлялось это обещание большой змеи: Вы будете богами, знающими о добре и о зле.

Скажем, что Сэломон написал *Ecclésiaste*, наиболее усиленный всеми своими трудами, обожая *Astarté* и *Chamos*, божества безбожных женщин. Он дополнил бы таким образом свою науку и обнаружил прежде чем умирать,

магическая сила своего кольца. Он его действительно унес с ним в могилу? Другая легенда нам позволяет в этом сомневаться. Скажем, что королева Saba, внимательно соблюдавшего это кольцо, из этого заставила секретно делать совсем подобного, и что, во время сна короля она оказалась около ее и смогла украдкой провести обмен колец. Она унесла у Sabéens настоящее кольцо Сэломона, и это кольцо позже обнаружил Zoroastre.

Это было усыпаемое кольцо, составленное из семи больших металлов, и несущее подпись семи талантов, с железняком алого магнита, где были вырезаны с одной стороны рисунок обычной печати Сэломона и другой его магическая печать.

Читатели наших трудов включают эту аллегорияю.

Глава XI

ТАЙНЫ КОЛЬЦА САЛОМОНА

Ищите в могиле Саломона то есть в криптах оккультной философии ее кольцо, а ее наука.

При помощи науки и настойчивого одного желание, вы сумеете обладать высшей тайной мудрости, которая является свободным господством над уравновешенным движением. Вы можете тогда достать себе кольцо его заставляя изготавливать золотых и серебряных дел мастером, которому вы не будете нуждаться в том, чтобы рекомендовать тайну. Так как не зная сам того, что он делает, он не сможет его обнаружить для других.

Вот рецепт Кольца:

- Возьмите и вместе включите маленькое золотое количество и копию денег в часы солнца и луны, присоедините к этому три количества, подобные первой, хорошо очищенной меди, четыре количества олова, пять железа, шесть ртути и сентября пломбы. Включите совсем вместе в часы, которые соответствуют металлам и совсем сделанные кольцо, круглая часть которого была расплющена и немного широкая чтобы там вырезать буквы.

Положите в это кольцо chatin квадратной формы, содержащей красный магнитный железняк, вставленный в оправу в двойном золотом кольце.

Вырежьте на камне, верхе и низе, двойную печать Сэломона.

Вырежьте на кольце оккультные знаки семи планет, такие, как они представлены в магических archidoxes Paracelse или в оккультной философии, Схватил, сильно magnétisez кольцо его посвящая каждый день в течение недели с церемониями, отмеченными в нашем ритуале, не пренебрегая ни цветом одежды, ни специальными духами, ни присутствием симпатичных животных, ни специальными заговорами которое, должен будет всегда предшествовать заговор четверем, отмеченная в нашем ритуале.

Вы затем заворачиваете кольцо в шелковом сукне и его ароматизировав, вы можете его нести на вас.

Круглая металлическая деталь или у талисмана, приготовленного таким же образом, было бы столько же мужества сколько кольца.

Так приготовленная вещь - резервуар желания. Именно магнитный рефлектор может быть очень полезным, но который не необходим никогда.

Мы впрочем сказали, что бывшие обряды потеряли свою эффективность, с тех пор как Христианство появилось в мире.

Христианская и католическая религия действительно - законная дочь Иисуса, короля магов. Ее культ - что-либо иное чем высокая магия, подвергнутая законам иерархии, которые для нее необходимы, чтобы она была справедлива и эффективна.

Простое *scarolaire* отнесенное действительно христианским человеком, более непобедимый талисман чем кольцо и *pantacle* Сэломона.

Иисус Христос, этот человек Бог, столь скромный, об этом говорил говоря о себе самом: Королева Saba пришла из основы Востока чтобы видеть и слышать Сэломона, и здесь больше чем Сэломон.

Месса наиболее необычайна из воспоминаний.

pécromanciens упоминают мертвых, колдун упоминает черта и он дрожит, но католический священник не дрожит упоминая живого Бога!

Что все талисманы древней науки при посвященной просфоре?

Позвольте спать в его каменной могиле скелет Сэломона и кольцо, которое оно могло иметь на его исхудавшем пальце. Иисус Христос воскрешен, он живой. Возьмите одно из этих колец денег, которые продаются на пороге церкви и которые несут изображение распятого с десятью зернами четок. Если вы достойны это нести, оно более эффективно в вашей руке чем не было бы настоящим кольцом Сэломона.

Магические обряды и тщательная практика культа все, для *ignares* и суеверных людей, и нам напоминают несмотря на нас очень известный рассказик, что мы собираемся напомнить в маленьких словах, потому что его место здесь.

Два монаха входят в хижину, которая была оставлена охране двух детей. Они просят отдохнуть и поужинать, если это возможно. Дети отвечают, что у них нет ничего и что они не могут ничего дать. Итак, считавшийся одним из монахов, вот с огня; предоставьте к нам только котелок и немного воды мы сделаем сами наш суп. - С чем? - С этим камнем, о котором считают хитрым религиозным уходя собирать фрагмент кремня. Следовательно игнорируете ли Вы моих детей, что у учеников святого Франсуа есть тайна супа в камне? - Суп в камне? Какое чудо для детей! Им обещаем, что они это будут пробовать и это найдут превосходным. Быстро готовит котелок, этому выплачивается вода, разжигается огонь и камень, помещены в воду с предосторожностью. Очень хорошо, говорят монахи. Теперь немного соли и несколько овощей; держитесь он имеет там там в вашем саду. Как не могли бы к этому

присоединить немного копченого сала. Суп будет там только лучшим. Дети, садившиеся на корточки перед очагом, смотрят с изумлением. Котелок кипит. Давайте пойдем, обрежьте хлеб и приблизьте эту миску. Как какой аромат! Покройте и позвольте погружать. Что касается камня заверните его с заботой, мы вам его оставляем для вашего наказания, он не используется никогда и может служить всегда. Теперь, пробуйте суп! Итак, что в считавшейся вами? - Ой, она превосходна! Говорят маленькие крестьяне хлопая в ладоши. Действительно, хорошие щи и в свином сале дети не могли бы никогда предложить своим гостям без чуда камня.

Магические обряды и религиозная практика - немного камень монахов. Они служат поводом и случаем для практики достоинств, которые только необходимы для духовной жизни человека. Без камня хорошие монахи не ужинали; у камня, была ли следовательно действительно власть? - Да, в воображении детей, пущенном в ход ловкостью хороших отцов.

Об этом сказали не порицая и не оскорбляя никого. Монахи имели разум и не были лгунами. Они помогли детям составлять хорошее действие; и их восхищали, их заставили разделять хороший суп, и на этом, мы советуем тем, кто хотят есть и для кого щи - что-либо слишком трудные что заставляют, или возможно слишком простые, делать суп в caillou.-

Пусть нас поймем очень здесь. Мы не хотим сказать, что знаки и обряды были большим розыгрышем. Он был бы там таким образом, если бы люди в этом не нуждались. Но надо принять в расчет этот несомненный факт, что все понимание не равно. Всегда рассказывали басни детям и им это расскажем, пока будут кормилицы и матери. У детей есть вера и это - то, что их спасает. Вообразите малыш в возрасте семи лет, который говорил: я не хочу ничего допустить того, чего я не понимаю. Что могли бы изучить в этом маленьком чудовище? - Вначале допусти вещь на речи твоих хозяев, моего человека, затем, учись, и если ты нет идиота, ты поймешь.

Нужны басни детям, нужны басни и церемонии народу; нужны помощники в слабости человека. Счастливый тот, кто обладал кольцом Сэломона, но счастливее того, кто уравнивал бы или даже кто превзошел бы Сэломона в науке и в мудрости не нуждаясь в его кольце!

Глава XII

УЖАСНАЯ ТАЙНА

Правда, которая должна быть навсегда удивительной для слабоумных и для дураков. И эта правда можем без страха об этом им сказать. Так как разумеется они их не поймут никогда.

Что дурак? - Именно что-либо абсурдное зверь. Именно человек хочет прибыть прежде чем действовать. Именно человек считается адвокатом всего, потому

что он прибыл в чем-то. Именно математик пренебрегает поэзией. Именно поэт протестует против математики. Именно художник скажет, что теология и каббала - глупости, потому что он не понимает ничего в каббале и в теологии. Именно невежда отрицает науку не стараясь его изучать. Именно человек говорит не зная и кто утверждает без уверенности. Именно дураки убивают гениальных людей. Галилей был осужден, не Церковью, а дураками, которые к несчастью принадлежали Церкви. Глупость - хищник, у которого есть спокойствие невиновности; она убивает без сожаления. Дурак - медведь басни Лафонтена; он раздавливает голову своего друга под мостовой чтобы охотиться на муху: но лицом к лицу перед катастрофой не пытайтесь его заставить признавать, что он ошибся. Глупость неумолимая и неременная как ад и фатальность, так как ею всегда руководит магнетизм зла.

Зверь не глупый никогда, пока он действует искренне и естественно в качестве зверя; но человек изучает глупость собакам и в искусным ослам. Дурак, именно зверь пренебрегает инстинктом и кто стоит для понимания.

Достижение существует для зверя: можем ее покорить, ей приручить, ей осуществить; но не существует для дурака. Так как дурак думает что не имеет ничего что надо изучать. Именно он хочет régenter и исправлять другие и когда-то вы будете правы с ним. Он вам смеется в глаза сказав, что то, чего он не понимает, радикально непонятно. Почему я не понял бы действительно? Говорит он вам с восхитительным равновесием. И у вас нет ничего на что надо ему отвечать. Сказать ему, что он, дурак был бы просто оскорблением. Весь мир это хорошо видит, но он, его не будет знать никогда.

Вот следовательно уже прекрасная недоступная тайна большинством людей. Вот тайна, которой они не разгадают никогда и которой было бы бесполезно им говорить: тайна их собственной глупости.

Сократ пьет цикуту, Аристид запрещен, Иисус распят, Aristophane смеется над Сократом и смешит дураков Афин, крестьянин скучает намереваться давать Аристиду имя Справедливого человека и Renan пишет жизнь Иисуса для наиболее большого удовольствия дураков. Из-за почти бесконечного количества дураков политика есть и будет всегда наукой сокрытия и лжи. Макиавелли осмелился об этом говорить и был поражен очень законным осуждением, так как притворяясь что дают уроки принцам, он их предавал всех и им разоблачал в недоверии множеств. Те, кого вынуждены обмануть, не надо их предупредить.

Это из-за подло и глупые множества, о которых Иисус говорил своим ученикам: Не бросайте не жемчужин перед porcseaux, так как i1 их попрали бы ногами и повернулись бы против вас пытаясь разрываться.

Вы следовательно, кто желаете стать могущественными в произведениях, не говорите никогда в лице, вашей наиболее тайной мысли. Не говорите об этом даже, и я осмелился бы почти говорить, скройте главным образом от женщины, что вы любите; вспомните историю Самсона и из Dalila!

Как только женщина думает что знает основательно ее мужа, она прекращает ее любить. Она хочет им управлять и ему привести. Если он сопротивляется, она его ненавидит; если он уступает, она его презирает. Она ищет другого человека который проникает. Женщина всегда нуждается в неизвестном и в Тайне и ее любовь часто только ненасытный одна любопытство.

Почему исповедники всемогущие на душе и почти всегда на сердце женщин? Дело, в том, что они знают все свои тайны, в то время как женщины игнорируют тайны исповедников.

Франкмасонство мощно в мире только своей грозной столь удивительно хранившейся тайной не что, посвященные, даже наиболее высокие степени, его не знают.

Католическая религия привлекает к себе множества тайной, которой папа сам не знает. Эта тайна это это тайны. Бывшие gnostiques их знали, как это указывает их имя, но они не смогли хранить молчание. Они захотели вульгаризировать теорию гностиков; следовало смешные доктрины, которые Церковь имела основание осудить. Но с ними, к несчастью, была осуждена дверь оккультного алтаря и были брошены ключи в пропасть.

Там где Johannites и Храмовники осмелились идти это брать с риском для вечного проклятия. Заслуживали ли они для этого чтобы быть осужденными на муки в другом мире? Все то, что мы знаем, это, когда этот мир здесь, Храмовники были сожжены.

Тайная доктрина Иисуса была этой:

Бог был рассмотрен хозяином и принц этого мира был злом; я, кто являюсь сыном божьим, я вам об этом говорю: Давайте не будем искать Бога в пространстве, оно в наших сознаниях и в наших сердцах. Мой отец и я мы являемся только одним и я хочу, чтобы вы и я мы были только одним. Давайте будем любить друг друга одни их другие как братья. Давайте будем иметь все только сердце и что душа. Религиозный закон установлен для человека, и человека, не сделан для закона. Законные распоряжения подвергнуты свободной воле нашей причины, соединенной с верой. Верьте в добро и зло не сможет ничего на вас.

Когда вы от меня будете собраны, мой разум будет в середине вас. Никто среди вас не должен счестся адвокатом других, но все должны соблюсти решение ассамблеи. Любой человек должен судиться согласно своим произведениям, и быть измеренным следуя мере, которую случилась. Сознание каждого человека создает свою веру, и вера человека это - мощьность Бога в качестве него.

Если вы, адвокат себя самого природа вам повинуется и вы будете управлять другими. Вера справедливого человека непоколебимее, что двери ада и их надежда не будет смешана никогда.

Я являюсь вами, и вами я, в духе милосердия, которое является нашим, и которое - Бог. Верьте этому и ваш глагол будет творцом. Верьте этому и вы сделаете чудеса. Мир вас будет преследовать и вы завоюете мир.

Чеки - тот, кто осуществляют милосердие и того, кто помогают несчастным людям; злые люди - сердца безжалостно и эти последние вечно будут осуждены человечеством и причиной.

Виолы общества, основанные на лжи, погибнут; однажды сын человеческий будет господствовать на тучах неба, которые являются потемками идолопоклонничества и он будет нести судебное постановление по существу дела на живых и на мертвых.

Желайте свет, так как он делается. Стремитесь к справедливости, так как она придет. Не ищите триумфа меча, так как убийство провоцирует убийство. Именно терпением и мягкостью вы станете адвокатами вас самих и из мира.

Теперь поставьте эту восхитительную доктрину в комментариях софистов упадка и спорщикам средних веков, вы увидите как выйдут из красивых вещей. Если бы Иисус был сын божий как Бог его породил? Он из той же сущности или из другой сущности чем Бог? Сущность Бога! Какая вечная тема спора для высокомерного игнорирования! Был ли божественное лицо или человеческое лицо? Имел ли он две природу и два желания? Ужасные вопросы, которые имеют заслуги хотя, отлучаем от церкви и зарежемся! - У Иисуса была единственная природа и два желания, говорят одни, но не слушайте их, это - еретики, две природу, следовательно, и желание? - Нет, два желания. - тогда он был в оппозиции с собой самим? - Нет, так как эти два желания из этого делали только одно, что называется Théaudrique. - Ой! Ой! Перед этим словом там давайте не скажем больше ни о чем, и затем надо повиноваться Церкви, которая стала, хорошо что-либо иное чем первоначальный собранный приверженцев. Закон установлен для человека, сказал об Иисусе, но человек сделан для Церкви, говорит о Церкви, и именно она навязывает закон. Бог санкционирует все декреты Церкви и вас осудит на муки всех, если она решает, что вы все, или почти они все, осужденные на муки. Иисус сказал, что надо отнестись к ассамблее, следовательно она неперемнная, следовательно, она - Бог, следовательно, если она решает, что два и два имеют пять, два и два будут иметь пять.

Если она скажет, что земля неподвижна и что солнце снимет, защита на земле сниматься. Она вам скажет, что Бог спасет своих избранных им давая эффективную милость и что другие будут осуждены на муки за то, что другие встретили только достаточные милости, которые из-за первородного греха были в принципе но фактически не были достаточны; пусть папа спасет и осудит на муки, кто ему нравится, так как у него есть ключи неба и ада. Затем приходят казуисты со своими связками ключей, которые не открываются, но которые закрывают в двойном и тройном туре все двери квартир, брошенных в вавилонском столпотворении. О Рабле, мой хозяин, самостоятельно могу принести панацею, которая соответствует всему этому безумию. Взрыв

чрезмерного смеха! Наконец скажи нам о последнем слове всего этого, и окончательно изучи нас, если химера, которая лопнет производящий шум в пустоте, может снова заполниться и нагрузиться брюхом поглощая сущность, quidditative и изумительную наших вторых намерений?

**Utrum chimoera in вакуум bombinans
possit coneidere secundum intentiones**

Другие дураки, другие комментарии. Вот приходят противники Церкви, которые нам говорят: Бог в человеке, это означает, что нет другого Бога чем человеческого понимания. Если человек выше религиозного закона и что этот закон затрудняет человека, почему он не отменил бы закон? Если Бог это - мы ли и если мы - любые братья, если никто не имеет права говорить себе нашего хозяина, почему мы повиновались бы? Вера - причина дураков. Давайте не будем верить ни во что и давайте не подчиним нас никому.

В хороший час! Тут, который гордится. Но собирается надо быть сразиться все против всех и каждый противостоит каждому. Вот война богов и истребление людей! Увы! Увы! Нищета и глупость!.... Затем еще и затем еще глупость, глупость и нищета!

Отец, простите им, говорил об Иисусе, так как они не знают того, что они делают. - люди здравого смысла, кем бы вы ни были, добавлю я, не слушайте их, так как они не знают того, что они говорят.

Но тогда они невинны, собирается кричать сорванец. - неосторожное молчание. Молчание от имени неба или любая мораль потеряна! Вы ошибаетесь впрочем. Если они были невинны, было бы позволено как действовать они и вы хотели бы их имитировать? Все верить - глупость; глупость не могла бы следовательно быть невинной. Если обстоятельства, atténuantes, это принадлежит единственному Богу их оценивать.

Наш вид очевидно дефектен и он казался бы намереваться говорить и видеть как действуют большая часть людей, что они не правы достаточно чтобы быть серьезно ответственными. Слушайте как говорят палате о людях, которых Франция (первая страна мира) удостаивает его доверием. Вот оратор оппозиции. Вот чемпион министерства. Каждый из двух победно доказывает другому, что он не слышит ничего в государственных делах. В докажи, что В идиот, В, докажи, что А бродячий акробат. Какому верить? Если вы белые, вы верите А, если вы красные, вы верите В. Но правда, мой Бог! Правда! - Правда дело, которыми А и В являются два шарлатана и два лгуна. Так как может существовать сомнение между тем и другим; они доказали, один противостоит, другой чем тот и другой не стоили ничего. Я восхищаюсь доказательством и я ими восхищаюсь обоими в этом взаимном демонтаже. Находится все то, что хотим в книгах, за исключением часто то, что автор желал положить туда. Смеемся над религией как над обманом и посылаем своих детей церкви. Делается парад цинизма и суеверны. То, чего опасаемся сверх всего, так это - здравый смысл, это - правда, это - причина.

Ребяческое тщеславие и гнусный интерес ведут людей носом до смерти, этого окончательного забвения и этого высшего насмешника. Основа большей части душ, это - тщеславие. Итак, что тщеславие? Это - пустота. Увеличьте ноли, пока вы захотите, это будет стоять всегда нулевое, соберите пустяки и вы не придете ни в чем, ничем, ничем. Ничто; вот программа большинства людей.

И это - там бессмертные! И эти столь смешно обманчивые и обманутые души нетленные! Для всех этих ветреников жизнь - высший подводный камень, который скрывает ад! Ой разумеется ниже ужасная тайна: это это ответственность. Отец отвечает для своих детей, хозяина для своих слуг, и умного человека для толпы, *inintelligente*. Искупление происходит всеми высшими людьми, глупость терпит, но единственный разум искупает.

Боль червяка, которая раздавливается и устрицей, которую разрываем, не являются искуплениями.

Следовательно знай, *ô* ты, кто хочешь быть посвященным большим тайнам, что ты заключишь договор с болью и что ты встречаешь лицом к лицу ад. Гриф, *Prométhéide* на тебя смотрит и Ярость, приведенная Меркурием, prepares деревянные углы и гвозди. Ты собираешься коронуемым, то есть быть посвященным казни. Человечество нуждается в твоих муках.

Христос умер молодым на кресте и все те, кого он посвятил, были мученики. *Apollonius Tyane* умер от пыток, которые он испытал в тюрьмах Рима. *Paracelse* и Схватил, вели бродячую жизнь и умерли бедно. Калевка Постэль - заключенный мертвый. Святые-Жермены и *Cagliostro* действовали в удивительном конце и вероятно трагический. Рано или поздно надо соответствовать либо формальному либо молчаливому договору. Надо оплатить штраф навязанное любому похитителю плода дерева науки. Надо освободиться от налога, который природа положила на чудеса..
II надо иметь окончательную борьбу с чертом, когда позволили себе быть Богом.

Eritis sicut dii scientes bonum et malum

КОНЕЦ ВТОРОЙ КНИГИ

ТРЕТЬЯ КНИГА

Священническая Тайна или искусство воспользоваться умами

Глава I

БЛУЖДАЮЩИЕ СИЛЫ

Неясное чувство, что могли бы призвать сознание бесконечности, взбалтывает человека и его мучает. Он чувствует в качестве него праздные силы, он думает что чувствует как волнуются вокруг него враги без форм или неизвестные помощники. Он нуждается часто в том, чтобы верить абсурду и пробовать невозможное; итак, он чувствует себя больным и разбитым, все от него ускользает, и он хотел бы крутить отчаяние чтобы из этого выводить новую надежду. Любовь его обманула, дружба ее забросила, причина ему не достаточна больше. Философ его опечалил бы; волшебник его привел бы в ужас; это, в то время как ему нужен священник!

Священник - укротитель гиппогрифов воображения и tarasques фантазии. Он извлекает силу наших слабостей и составляет реальность с нашими химерами; это - врач гомеопат человеческого сумасшествия. Не является не

впрочем больше чем человек? Не имеет ли он законную миссию, названия дворянства которой снова поднимаются в Голгофу или в Sinai? Я здесь говорю о католическом священнике, и фактический существует только то. У евреев есть раввины, мусульмане, imans; индийцы, brahmes; китайцы, бонзы, протестанты, министры. У единственных католиков есть священники, потому что у только них есть алтарь и жертва, то есть вся религия.

Осуществлять высокую магию, это значит составлять конкуренцию католическому духовенству, это значит быть диссидентским священником. Рим - большой Thèbes из нового приобщения. Он некогда двинул остатками скелета его мучеников чтобы бороться с богами, упомянутыми Жюльеном. У него есть в качестве крипт его катакомбы, для талисманов его четки и его медали, для магических каналов его конгрегации, для магнитных очагов его монастыри, для центров притяжения его исповедални, для средств расширения его кафедры, его типографии и предписания ее епископов; у нее есть ее папа наконец, ее папа, постоянный и заметный оказанный богочеловек на земле, его папа, который может быть дураком, как он больше или меньше все фанатики, или преступный как Александр VI, но кто будет тем не менее régularisateur умов, арбитр сознаний, и во всем христианском мире законный дистрибутор снисходительности и прощений.

Это бессмысленно, говорить вы собираетесь. - Да, это почти бессмысленно благодаря тому что это большое. Это почти смешно столько, это превосходит возвышенного. Какая подобная власть появлялась когда-нибудь на земле? И если она не существовала, которая осмеливалась бы ее изобретать никогда. Как произошел этот огромный результат? Откуда к нам приходит это чудо, которое, кажется, осуществляет невозможное? - Концентрации бродячих сил, ассоциации и направления неясных инстинктов, условного создания абсолюта в надежде и в вере!

Теперь кричите в чудовище! философы восемнадцатого века! Чудовище сильнее чем вы и вас победит. Скажите, что надо раздавить бесчестное! Ученики Вольтера; бесчестный! Думаете вы об этом? Бесчестный вдохновительница Винсент де Поля и из Fénelon, бесчестного, которое предлагает столько жертв благородным сестрам милосердия, столько самоотверженности в бедных и целомудренных миссионерскую! Бесчестный основополагающий столько домов милосердия, столько убежищ для раскаяния, столько отставок для невиновности. Так там infâmie, в то время как честь была бы с вашей клеветой и вашими оскорблениями, я обнимаю с любовью позорный столб и я топчу ногами вашу честь.

Но это там не является тем, что вас voulez.dire, и я не хочу быть вашим клеветником в свою очередь. Душа Вольтера, тебя, которую я охотно назвал бы святой душой; так как ты предпочитала любым вещам правду и справедливость; для тебя здравый смысл был Богом и глупость была чертом. Ты увидела только душу в детских яслях Вифлеема. Ты увидела триумфальный

вход Иисуса в Иерусалим и ты смеялась над ушами осла. Это должно было рассердить Frégon.

Ах! Если ты узнал о Veillot! Но серьезно давайте будем говорить, так как здесь идет речь о серьезных вещах.

Талант христианства ответил на сарказмы Вольтера, или скорее, Шатобриан дополнил Вольтера, так как эти два больших человека также вне католицизма священников.

Уши осла будут необходимы столько, чтобы были ослы в мире, и должны быть ослы, так как природа, дочь Бога, их создала.

Иисус Христос желал иметь осла в качестве установки, и именно для этого святой Отец поднимается на самку мула. Его домашняя туфля, даже если призывает самка мула, чтобы возможно означать, что хороший папа должен быть одуренным до мозга костей ногами. *Possumus*, считает наш святой Отец папой Пием IX, когда у него просим концессии и реформы. Папа не считает никогда *possumus* «мы можем», так как это это - большая тайна духовенства; все священники это действительно знают, но это главным образом настоящее столько, что они об этом не скажут.

Власть, основанная на тайнах, должна быть удивительной властью, иначе не существовало бы больше.

Я полагаю, что этот человек может что-то, что я мог бы определить из-за чего-либо иного только, я не понимаю ни ему также. Следовательно я должен ему повиноваться, так как я не мог бы сказать, почему я ему не повиновался бы, желая отрицать существование того не что я не знаю, существование, которое впрочем он утверждает со столь же причины. Я чувствую, что это не разумно и я за этим - действительно удовольствие, потому что он мне часто скажет, что надо опасаться причины. Только я нахожу, что это мне помогает и что это меня *tranquillise* думать таким образом.

- Угольщик, вы правы.

Неудачные или разочарованные страсти, оттолкнутые амбиции; бессильные гнев, прокисшее злопамятство, гордость, которая стремится спускаться, ленится разум, который утомляет сомнение, порывы игнорирования к неизвестному и главным образом к чудесному, неясные опасения смерти, муки нечистой совести, потребность отдыха, который от нас безостановочно убегает, темные и грандиозные мечты артистов, ужасные видения вечности. Вот бродячие силы, которые религия объединяет и наиболее непобедимую и наиболее прекрасную страсть всех которых она образует: набожность.

Эта страсть без тормоза, так как ничто не может ее задержать или ей ограничить, она гордится ее излишками и полагает, что Вечность начнется для нее; она поглощает все чувства, дает эффект нечувствительный человек во всем том, что не она и толкает усердие пропаганды до наиболее смертельного деспотизма и до наиболее неумолимой ярости. Святой Доминик и Святой Пий

У признаны такими всей Церковью и не могут отрицаться подчиненным католиком и искренне.

Понимаем, сколько набожность может стать мощной рукояткой в руке власти, которая объявляется непрременной. Дайте мне точку опоры вне мира, говорил Archimède, и я перемещу землю. Священники нашли точку опоры вне личной причины и они переместили причину человечества:

« См. что люди не доходили до сведения Бога наукой и причиной, дождь нам шел, говорит принц апостолов, спасать верующих абсурдом веры! »

Противники Церкви, на что вы должны здесь ответить? Святой Поль говорит, как говорится, об открытом рте и не намеревается обманывать никого.

Религиозная сила догмы в этой темноте, которая делает ее очевидный абсурд. Объясненная догма это больше не является догмой, это - теорема философии или по крайней мере *postulatum*. Хотим всегда смешать религию с философией, и не понимаем, что их разделение и их различие, я не скажу об их антагонизме, абсолютно необходимо для равновесия причины.

Астрономы думают, что кометы бродячие только относительно нашей системы, но что они слушают регулярную лекцию, идущую от одной системы до другой и описывающую эллипс, очаги которого являются двумя солнцами.

Дела обстоят так же бродячие силы человека. Единственный свет им не достаточен, и чтобы уравнивать свой рост им нужно два центра и два очага: один это - причина и другая вера.

Глава II

ОРГАНЫ ВЛАСТИ СВЯЩЕННИКОВ

Чтобы священник был могущественным, нужно, чтобы он знал или чтобы он верил. Урегулирование науки с верой принадлежит большому hiérophante.

Если священник знает не веря, он может быть порядочным человеком или нечестным человеком человек. Если он - порядочный человек, он использует веру других в пользу причины и справедливости. Если он нечестен человек, он использует веру в пользу своих жадностей, но тогда, это - не священник, это наиболее подло из злоумышленников.

Если он верит не зная, над именно респектабельной но опасной жертвой ученые должны господствовать и следовать.

Духовенство и королевская власть в христианстве - только делегации. Мы - любые священники и короли; но так как священнические и королевские функции предполагают акцию единственного на множестве, мы поручаем наши полномочия во временном заказе королю и в духовном ордене священнику.

Христианский король - священник как мы все, но он не осуществляет духовенство.

Христианский священник - король как мы все но он не должен осуществить королевскую власть.

Священник должен направить королем и королем защищать священника.

Священник держит ключи и король несет меч.

Священник первоначального христианства был святым Пьером и король был святым Полем.

Король и священник держат их органы власти народа, который короновался король и священник святым натиранием крещения, приложением божественной крови Иисуса Христа.

Все общество защищено равновесием этих двух властей.

Пусть завтра нет больше папы, послезавтра не будут больше короли, и не будет больше никто чтобы царить, либо во временном заказе, либо в духовном заказе, потому что никто не будет повиноваться больше; тогда не будет больше общество и люди убьют друг друга.

Папа это - священник, и священник это - папа, так как один - представитель другого. Власть папы происходит из священников и власть священников снова поднимается к папе. Выше только Бог. Такая - по крайней мере вера священников.

Священник следовательно располагает для тех, кто доверяют ему божественной власти. Я осмелюсь сказать даже, что его власть, покажется, будет больше, чем самому Богу божественное, так как он приказывает прийти и Бог приходит. Он действует больше, он создает Бога речью! Престижем, привязанным к его человеку, он снимает мужчин их гордости и женщин их стыдливости. Он их вынуждает приходить ему рассказывать о мерзостях, за которые люди сражались бы, если бы, казалось, их в этом подозревали, и имя которых женщины не хотели бы услышать даже в другом месте чем в исповедальне. Но там, они в порядке с маленькими оскорблениями, они об этом считают совсем низким, и священник их прощает или им навязывает покаяние: несколько молитв о которые надо читать, некоторое оскорбление которое надо делать, и они уходят успокоенные. Это следовательно слишком дорого, что покупать мир сердца ценой немного ограничения права использования участка!

Бывшая религия медицина умов разумеется навязывает ограничения права использования участка, как предписанный врач средства и подчиняет его больных режиму. Никто не может разумно оспорить полезность медицины, но не нужно для этого, чтобы врачи захотели вынудить здоровых людей лечиться и оправдываться.

Это был бы приятный спектакль видеть как президент Академии медицины бросает *encycliques* против всех тех, кто живут без ревеня, и ставить вне общества те, кто намереваются, с трезвостью и занятием, смочь обойтись без врача. Но, потешной сцена стала бы трагизмом не будучи смешон менее чрезвычайно, если правительство, поддерживающее претензии декана, предоставляло право выбора только огнеупорам между шприцем *Purgon* и

ружьем Винтовка системы Шаспо. Свобода режима также неприкосновенная как свобода совести.

Вы мне возможно скажете, что не консультируемся с сумасшедшими прежде чем им управлять душами. Я об этом договариваюсь; но остерегайтесь, это повернулось бы против вас. Сумасшедшие в оппозиции с общей причиной. У них есть исключительные взгляды и странности, которые они хотят навязать и которые их делают взбешенным. Не заставляйте нас подумать, что надо было бы ответить душами, *обязательными* для защитников *Syllabus*.

Мощность священника, любая мораль и не могла бы навязаться силой. Но с другой стороны, и справедливой *compasation*, сила не может ничего чтобы ее разрушать. Если вы убиваете священника, вы заводите себе мученика. Делать мученика, это значит закладывать первый камень алтаря, и любой алтарь производит семинары священников. Разрушите алтарь и с его рассеянными камнями будут построены двадцать, которого вы не разрушите. Религия не была изобретена людьми, она фатальная, то есть predetermined она произошла сама себя чтобы удовлетворять ради людей и таким образом Бог ее хотел и обнаружил.

Вульгарность в это верит, потому что он ее не понимает и потому что она, кажется, довольно абсурдна чтобы его покорять и ей нравиться, и я в это верю, потому что я ее понимаю и потому что я оказался бы абсурдным в это не верить.

Это - я, не опасайтесь ничего; говорит Христос идя на потоки в середину бури.
- сеньор, если это - вы, говорит святой Пьер, устройте, чтобы я пошел к вам идя также на потоки.

- приди! Отвечает Спасатель, и святой Пьер действовал на море. Внезапно ветер возвышается более взбешенный, волны качаются и человек боится; тотчас же он погружается, и Иисус его задерживающий и его поднимающий рукой ему говорить " Человек маленькой веры, почему ты сомневался? »

Глава III

ОЧАРОВАНИЕ ДЕМОНА

Удовольствие - враг, который должен неизбежно стать нашим рабом или нашим хозяином. Чтобы этим обладать надо вести бой, и чтобы этим пользоваться надо его победить.

Удовольствие - прелестный раб, но это - жестокий, безжалостный и смертельный хозяин. Те, чем он обладает, он их утомляет, он их использует, он их убивает, обманув все свои желания и преданный все свои надежды. Ограничение права использования участка удовольствия называется страстью. Господство над удовольствием может назваться властью.

Природа положила удовольствие около долга; если мы его отделяем от долга, он портится и нас отравляет. Если мы стремимся к долгу, удовольствие от этого не отделится больше, оно за нами последует и будет нашим вознаграждением. Удовольствие неотделимо от добра. Порядочный человек может действительно испытать но для него огромное удовольствие освобождается от боли. Работа на своем навозе получает визит Бога, который его успокаивает и это отмечает, в то время как Nabuchodonosor на своем троне сгибается под фатальной рукой, которая ему берет ее причину и курс в качестве зверя. Иисус, умирающий на кресте, испускает крик триумфа, как если бы он чувствовал его будущее воскрешение, в то время как Tibère в Caprée, в середине своего преступного наслаждения предаёт тревоги своей души и признает в письме сенату, что он чувствует себя умирать каждый день!

Зло придирается к нам только нашими недостатками и страхом, который он нам внушает. Черт преследует тех, кто боятся его и убегает перед теми, кто его презирают. Действительно действовать и ничего не опасаться, это - искусство связывать демона.

Но мы здесь не составляем договор морали. Мы обнаруживаем тайны магической науки, примененной к медицине умов. Надо следовательно сказать о чем-то владений и заклинаний.

Мы чувствуем себя все в нас самих двойной жизни. Борьба разума против сознания, подлого желания против щедрого чувства, зверя, одним словом, против умного создания, слабости желания, часто вовлеченного страстью, упреками, что мы обращаемся, недоверие нас самих, мечты, которые мы продолжаем совсем бодры; все это, кажется, для нас обнаруживает в нас самих присутствие двух лиц характера, переносят из которых одно нас призывает к добру, в то время как другой хотел бы нас содержать в зло.

Эти естественные беспокойства на нашу двойную природу, закончили в существовании двух ангелов, привязанных к каждому из нас, одному, хорошему, другой плохой, всегда настоящие, один в нашей правой партии и другой в наших левых. Это чисто и просто символизма, но мы сказали, и эта - тайна науки, что воображение человека довольно мощно чтобы давать мимоходом реальные формы существам, которым утверждает его глагол. Более монахини увидело и тронуло свой хороший ангела; более ascète врукопашную взялось и действительно сразилось со своим добрым гением. В видениях, которые мы спровоцировали или которые поступают болезненного положения, мы появляемся нам самим в формах, которые предоставляет в наше воодушевленное воображение магнитное прогнозирование. И иногда также некоторые больные или некоторые маньяки могут бросить силы, которые намагничивают объекты, подвергнутые их влиянию, так, чтобы эти объекты, показалось, переместились и двигались их самих.

Эти производства изображений и сил, не бывших в обычном порядке природы, всегда поступают некоторого болезненного положения, которое

может стать внезапно заразным результатами удивления, страха, или некоторого плохого положения.

Чудеса тогда удваиваются и все, все кажется, вовлекло головокружением безумия. Подобные явления - очевидно беспорядки, они произведены магнетизмом зла, и вульгарность была бы права, если бы она допустила определение, которое мы дали, их приписывать демону.

Таким образом произошли чудеса: судорожные святого Медард, *trembleurs Cévennes* и стольких других. Таким образом происходят своеобразия спиритизма; в центре всех этих кругов, во главе всех этих течений, были воодушевленные и больные. Благодаря действию течения и при давлению кругов, больные могут стать неизлечимыми больными и воодушевленные становятся сумасшедшими.

Когда странная восторженность и магнитный беспорядок происходят в хроническом состоянии у больного, он во власти или им обладают следуя тяжести зла.

Тема в этом состоянии поражена кое-чем вроде заразного лунатизма, он мечтает совсем бодр, верит и производит до некоторой степени абсурд вокруг него, очаровывает глаза и обманывает смыслы впечатлительных людей, которые его окружают. Это, в то время как суеверие торжествует и в то время как действие черта становится очевидным. Она очевидна, действительно, но черт не является тем, чему верим. Могли бы определить магию, наука универсального магнетизма, но это значило бы принимать результат за причину. Причина, мы об этом сказали, это - свет, *principiante, od, ob* и *aour* Иврита. Но давайте возвратимся в магнетизм, которым большие тайны еще не известны и давайте обнаружим в будущих теоремах.

I

Все существа, живущие в форме, поляризованы чтобы стремиться и дышать универсальной жизнью.

II

Магнитные силы в трех царствах сделаны чтобы уравниваться мощностью противоположностей.

III

Электричество - только специальная жара, которая производит движение магнетизма.

IV

Медикаменты не вылечивают болезни присущей акцией своей сущности но их магнитными собственностями.

V

Любое растение симпатично в животном и антипатичном противоположному животному. Любое животное симпатично человеку и

антипатично другому. Присутствие животного может изменить характер болезни.

Более старой девы стала бы сумасшедшей, если бы она не имела кошку, и была почти справедлива, если, с владением кошки, она заставляет примирять старую деву собаки.

VI

Не растение, ни одно насекомое, ни один камень, который скрывает магнитное мужество и который бы не смог служить, не либо для хорошего, либо для плохого влияния человеческого желания.

VII

У человека есть власть, естественная утешать свои подобных, желанием, словом, взглядом и знаками. Чтобы осуществлять эту мощь, надо о ней узнать и в это верить.

VIII

Любое желание, не проявленное знаком - праздное желание. У II есть там прямые знаки и косвенные знаки. У прямого знака есть больше власти, потому что он более рациональный; но косвенный знак - всегда знак или действие, соответствующее идее, и как такой он может осуществить желание. Но косвенный знак действителен только, когда прямой знак невозможен.

IX

Любое определение в действии - магнитное прогнозирование. Любое согласие в действии - аттракцион магнетизма. Любой предоставленный акт - договор. Любой договор - свободное обязательство вначале, фатальное затем.

X

Если действовать на других не связываясь само, надо быть в этой совершенной независимости, которая принадлежит единственному Богу. Человек, может ли он быть Богом? - Да, участием!

XI

Осуществлять великую державу не будучи вполне свободна, это значит посвящаться большой фатальности. Именно для этого колдун, не может раскаться почти и что он по необходимости осужден на муки.

XII

Власть мага и власть колдуна - та же; только маг держится в дереве, когда он прерывает ветвь, и колдун временно отстранен от должности в самой ветви, которую он хочет прервать.

XIII

Располагать исключительными силами природы, это значит помещаться вне закона. Это значит следовательно подчиняться страданию, если справедливы, и им не являются, в законной казни.

XIV

Во имя короля защита к Богу делаю чудодейственным в этом месте.

Парадоксальная запись только в форме. Полиция того или иного места принадлежит королю, и пока король - король, Бог не может поместиться в нарушение со своей полицией. Бог может бросить в навоз плохих пап и плохих королей, но он не может противиться царствующим законам. Следовательно любое чудо, которое делается против духовной и законной власти папы или против временной и законной власти короля, не происходит из Бога, но из черта.

Бог в мире, это - орден и власть; Сатана, это - беспорядок и анархия. Почему он позволен не только но знаменит сопротивляться тирану? Дело, в том, что тиран - анархист, который узурпировал власть. Хотите ли Вы следовательно бороться победно против зла? Будьте олицетворением добра. Хотите ли Вы победить анархию? Будьте рукой власти, Хотите ли Вы связать Сатану? Будьте мощностью Бога.

Итак, мощность Бога проявляется в человечестве двумя силами: коллективная вера и несомненная причина.

Следовательно два вида неперенных заклинаний, заклинания причины и тех веры. Закон заказывает призракам, из которых она является королевой, потому что она - их мать, и они удаляются в течение какого-то времени. Причина дышит на них от имени науки и они исчезают навсегда.

Глава IV

СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ И БОЖЕСТВЕННОЕ

То, что вульгарность называет сверхъестественным, так это - то, что его предотвращало против природы.

Борьба против природы - бессмысленная мечта ascètes; как если бы природа не была самим законом Бога.

Они назвали вожделение законными прелестями природы. Они боролись против сна, против голода и жажды, желаний любви. Они боролись не только за триумф высших прелестей, но мысленно что, природа испорчена и что, удовлетворение природы - зло. Он следил за странными заблуждениями. Бессонница создала бред, пост вырвал мозги и их заполнил призраками, вынужденное безбрачие заставило возрождаться чудовищные примеси.

incubes и суккубы опустошили монастыри. rigarisme и истерия создали с этой жизни ад для монахов без предназначения и для высокомерных монашенок.

Святой Антуан и святая Тереза против боролись похотливых призраки; они присутствовали в воображении на оргиях, идеи которых у древнего Вавилона не было.

Мария Алакок и Messaline испытали те же муки: те желания, воодушевленного вне природы и что невозможно удовлетворить.

Была все-таки между ними эта разница, чтобы, если Messaline мог предусмотреть Марию Алакок, она была завистлива там.

Резюмировать все люди в единственном, как Caligula в своей кровожадности хотел это сделать, и увидеть как этот человек людей открыл свою грудь и ей дал свое совсем жгучее и совсем кровавое сердце которое надо обожать, и которое надо чтобы ее успокаивать никогда не rassasiée любовью, какое бы мечта это было для Messaline!

Любовь, этот триумф природы, не может ей быть восхищенным, без того чтобы она раздражалась. Когда он думает что становится сверхъестественным, он становится против и наиболее чудовищной природы из примесей - та, кто оскверняет и унижает так сказать идею Бога. Ixion, принимающаяся за Junon и исчерпывающая ее мужественную силу на карающей туче была в высокой символической философии бывших, в фигуре этой кошунственной страсти, за которую наказывают в аде узлами змей, которые ее привязывали к колесу и ее заставляли сниматься в вечном головокружении. Эротическая страсть, отклоненная от своей законной цели и воодушевленная до бессмысленного желания делать так сказать насилие в бесконечности, наиболее взбешена из-за заблуждений души, и как безумие маркиза Sade она хочет пить пыток и крови. Девушка разорвет свою грудь с железными тканями, человек, исчерпанный, сбитый с дороги постами и вахтами, целиком предастся испорченному наслаждению бичевания, полного странных ощущений, затем из-за усталости придут часы сна, полного раздражающих мечтаний.

Эти излишки будут следовать из болезней, которые будут отчаянием науки. Все смыслы потеряют свое естественное употребление чтобы оказывать содействие клеветническим ощущениям, более устрашающим стигматам чем стигматам сифилиса; вырвут в руках, в ногах, и вокруг головы, ран в прерывистом и глубоко болезненном просачивании. Скоро жертва будет видеть

больше, не будет слушать больше, не возьмет больше пищи, и останется погруженной в глубокий идиотизм, из которого она выйдет только чтобы умирать, если только ужасная реакция не произойдет и не проявится доступами *hystérisme* или *priarisme*, которые заставят поверить прямое действие демона.

Несчастье тогда в Урбан Грандье и в *Gaufridy!* Ярость вакханок, которая разбила на куски Орфей, будет только невиновными играми, сравненными с бешенством набожных голубей Сеньора, поставленных в ярости любви! Который нам расскажет о несказанных романах камеры монаха картезианского ордена или маленькой одинокой постели, где, кажется, спит запершаяся монахиня. Зависть божественного супруга, его отказы, которые делают безумной, ее ласки, которые дают жажду любви! Сопротивления суккуба, увенчанного звездами. Презрения Девы королевы *auges*, любезность Иисуса Христа!

Ой! Губы, которые пили однажды за это фатальное разрезание, остаются ухудшенными и дрожащими.

Сердца, сожженные однажды этим бредом находят сухими и пресными реальные источники любви. Что действительно, что человек для женщины, которая мечтала о Боге? Что женщина для человека, от которого сердце трепетало для вечной красоты? Ах! Бессмысленные бедные, это больше не является ничем для вас и это совсем между тем; так как это - реальность, причина, жизнь.

Ваши мечты - только мечты, ваши призраки что из призраков. Бог, живой закон, Бог, высшая мудрость, не является совсем сообщником ни ваших сумасшествий ни возможного предмета ваших отчаянных страстей, волос, упавший с бороды человека, единственный волос, потерянный реальной и живой женщиной - что-либо лучшее и более положительное, что ваши неутолимые химеры. Любите себя одни их другие и обожайте Бога.

Настоящее поклонение Бога не является уничтожением человека в ослеплении и бреде; это - там напротив мирная восторженность в свете причины. Настоящая любовь Бога не является кошмаром святого Антуана; напротив именно глубокий мир, это спокойствие следует из совершенного порядка. Все то, что человек считает сверхъестественным в своей собственной жизни, против природы, и всего того, что против природы, оскорби Бога. Вот то, что настоящий мудрец должен знать действительно!

Ничто не сверхъестественно не Бог, так как природа это доказывает. Природа - ее закон, ее мысль; природа он сам, и если он мог дать опровержения природе, он мог бы посягнуть на свое собственное существование. Чудо, утверждаемое божественное, если бы оно вышло из вечного ордена, было бы самоубийством Бога.

Человек может естественно вылечить другие, так как Иисус Христос ., святые и гипнотизеры это сделали и его делают еще каждый день. Человек может возвыситься из земли, действовать на воде, и т.д.; он может все то, что

Иисус смог и это сам, кто об этом говорит: Те, кто будут верить, сделают вещи, которые я делаю и из более больших вещей еще.

Иисус воскресил мертвых, но он не упоминал никогда души. Воскрешать человека это его вылечивать от летаргии, которая обычно предшествует смерти. Его упоминать после его смерти это значит печатать в жизнь ретроградное движение, это значит принуждать природу, и Иисус его не мог.

Божественное чудо, именно природа повинуется причине; адское чудо, именно природа, кажется, распускается чтобы повиноваться сумасшествию. Настоящее чудо человеческой жизни, это - здравый смысл, это - терпеливая и спокойная причина, именно мудрость может верить без опасности, потому что она может сомневаться без горечи и без гнева, именно настойчивая добрая воля ищет, которая учится и которая ждет. Именно Рабле отмечает вино, часто пьет воду, заполняет все задания хорошего кюре и пишет его Пантагрюель.

Однажды, когда Жан де ла Фонтэн положил свои низы наоборот, он серьезно спрашивал, у святого Огюстена было ли столько же разума сколько у Рабле. Переверните ваши низкого, хорошего Ла Фонтэна, и воздержитесь в будущем от того, чтобы сделать подобные вопросы; возможно г. де Фонтенель довольно тонок чтобы вас понимать, но он разумеется довольно не смел чтобы вам отвечать,

Все то, что принимаем за Бога, не Бог и все то, что принимаем за черта, нет черта.

То, что божественное, ускользает от оценки человека и главным образом заурядного человека. Красивое всегда просто, правда кажется обычной и справедливая проход незамеченное, потому что она не шокирует никого. Порядок не замечен никогда; именно беспорядок привлекает внимание, потому что он громоздкий и крикливый. Дети в большинстве случаев нечувствительны в гармонии, они предпочитают суматоху и шум; таким образом, в жизни, много людей ищет драму и роман. Они пренебрегают красивым солнцем и мечтают о великолепиях молнии, они представляют себе мужества не который, с цикутой и Caton будет жить свободный; но если бы они были настоящими мудрецами мир, он о них узнал?

Святой Мартен ему не верил, он, кто давал имя неизвестных философов посвященным правда мудрость. Молчать - один из больших законов оккультизма. Итак, молчать это значит скрываться. Бог именно всемогущество скрывает от себя и Сатану, именно тщеславное бессилие пытается всегда показываться.

Глава V

СВЯЩЕННЫЕ ОБРЯДЫ И ПРОКЛЯТЫЕ ОБРЯДЫ

Об этом рассказывают в Библии, что два священника, положившие покойного профана в их кадила, были съедены перед алтарем взрывом, завистливым к священному огню. Эта история угрожающий одна аллегория.

Обряды, действительно, ни безразличны ни произвольны. Эффективные обряды - обряды, посвященные законной властью, и оскверненные обряды всегда производят результат, противоположный тому, что смельчак оператор предлагает себя..

Обряды бывших религий, перегруженных и аннулированных христианством - обряды, невежественные и проклинаемые для кого бы то ни было, не верит серьезно по правде этим сегодня запрещенным религиям.

Ни Иудаизм ни другие большие культы Востока еще не сказали о своем последнем слове. Они осуждены, но они еще не судятся, и до суждения их протест может быть рассмотренным законным.

Обряды, назад оставленные ходом религиозного достижения, осквернены этим самым и их проклинают так сказать. Сможем понять позже величины, еще игнорированные иудейскую догму, но христианский мир не возвратится для этого в обрезание.

Раскол Samarie был возвращением к символизму Египта, также ничто не осталось и десять племен исчезли смешанные в нациях и навсегда поглощенных ими.

Обряды колдовских книг иврит, уже осужденный законом Моисея, принадлежит культу патриархов, которые предлагали жертвы на горах упоминая видения. Именно преступление хотя возобновить жертва Абрахама.

Католические и православные христиане только установили догму и основали культ; еретики и сектанты не знали, что отрицать, отменять и разрушать. Они нас возвращают к неясному деизму и к отрицанию любой обнаруженной религии, то, что отталкивает Бога в столь глубокую темноту, что людей не интересуют больше почти тем, что знают, если действительно существует.

Вне наставительных и положительных утверждений Моисея и Иисуса Крест, трогательного Божество, все - только сомнения, гипотезы и фантазия.

Для бывших народов, которые ненавидели Евреев и которых Евреи ненавидели, Бог был чем-либо иным чем талантом натуральным, привлекательным как, ужасная весна как буря, и тысяча превращений этого protée населили большого множества богов различные пантеоны мира.

Но ниже совсем царила судьба то есть фатальность. Боги бывшие лицевые стороны были только естественными силами. Природа она даже была большим panthée. Фатальные последствия подобной догмы должны были быть материализмом и рабством.

Бог де Моисей и Иисуса Христа - один. Он - разум; он вечный, независимый, незыблемый и бесконечный; он может все, он создал любые вещи и он ими управляет всеми. II сделал человека в своем изображении и в

своем сходстве. II - наш единственный отец и наш единственный хозяин. Последствия этих догм - спиритуализм и свобода.

Этого антагонизма в идеях, нехстати заключили антагонизм в вещах. Сделали из panthée врага Бога, как если бы panthée действительно существовал ailleurs.que в самой империи Бога. Делается из природы возбужденная власть; назвали любовь Сатаной; был дан предмету разум, который она не могла бы иметь, и фатальным законом равновесия из этого следовало, что были осуществлены религиозные догмы. Из этого конфликта вышло противоположное направление, или возможно огромное недоразумение: дело, в том, что потребовали свободу человека от имени фатальности, которая ее связывает и система автоматического регулирования от имени Бога, который только может и хочет его освободить. Этой извращенности суждения, последствие - невероятное недоумение и кое-что вроде духовного паралича, потому что везде видятся подводные камни.

Я признаю, что между Proudhon и Veillot, я не чувствую себя даже робкой попыткой выбирать.

Мертвые религии не возрождаются никогда, и как об этом сказал Иисус Христос, не помещаем молодого вина в старые вазы. Когда обряды становятся неэффективными, духовенство исчезает. Но через все религиозные превращения сохранились тайные обряды универсальной религии, и именно в причине и в ценности этих обрядов еще состоит большая тайна франкмасонства.

Масонские символы, действительно, создают в своей совокупности религиозный синтез, который еще испытывает нехватку в римском католическом духовенстве. Граф Жозеф Maistre его чувствовал инстинктивно; и когда в его страхе видя мир без религии он стремился к будущему союзу между наукой и верой, он невольно поворачивал глаза к дверям входившим открытым оккультизмом.

Теперь масонский оккультизм не существует больше, и двери приобщения открыты в двух створках. Все было разглашено, все было написано. Tuileur и масонские ритуалы продаются, кому хочет их купить. Большой - у Востока нет больше тайн, или по крайней мере у него этого нет больше в качестве профанов чем в качестве посвященных; но масонские обряды еще беспокоят двор Рима, потому что он чувствует, что там власть, которая от него ускользает.

Эта власть, это - свобода человеческого сознания, это - существенная мораль, независимая от каждого культа. Это - право быть ни проклинаемым ни посвященным будешь вечной смерти, потому что обходимся без министерства священников, необходимого министерства только для тех, кто чувствуют потребность, респектабельную для всех, когда она предлагается не навязываясь, ужасного, когда этим злоупотребляем.

Именно проклятием Церковь дает власть своим врагам. Несправедливое отлучение от церкви - вид коронавания. Жак де Молэ, на своем костре, был

судьей папы и короля Савонароль, сожженный Александром VI был тогда почетный наместник и представитель Иисуса Христа, и когда были отклонены таинства так называемым янсенистам, дьякон Пари делал чудеса.

Два вида обрядов могут следовательно быть эффективными в магии: священные обряды и проклятые обряды, так как проклятие - отрицательное подтверждение. Заклинание делает владение, и неприменная Церковь создает так сказать черта, когда она начинает на него охотиться.

Римская католическая Церковь точно воспроизводит изображение Бога, такое, как с талантом таким ее описали авторы Siphra Dzeniûtta, объясненного равви Шимеон и его учениками. У нее есть две поверхности, один из света и другой из тени, и гармония для нее следует из аналогии противоположностей. Лицо света, это - приятный и улыбающийся рисунок Марии. Лицо тени, это - гримаса демона. Я осмеливаюсь искренне говорить демону о том, о чем я думаю о ее гримасе, и я не думаю в это что оскорбляю Церковь моя мать. Если однако она осуждала мою отвагу; если бы решение будущего церковного собора утверждало, что черт лично существовал, я подчинился бы в самом мужестве моих принципов. Я сказал, что глагол создаст то, что он утверждает; итак, Церковь - представительница власти глагола; когда она будет утверждать не только реальное но личное существование черта, черт будет лично существовать, римская Церковь его создаст.

У мадонн, которые делают чудеса, есть весь черный рисунок, потому что множество любит смотреть на религию со своей стороны меланхолик. Там догмы как мощно освещенные таблицы: если вы смягчаете тени, вы ослабляете свет.

Иерархия света, вот то, что надо восстановить в Церкви вместо иерархии временных влияний. Пусть наука будет обеспечена духовенству, пусть изучение, углубленное природой исправляет и руководит интерпретацией. Пусть священники будут людьми, зрелыми и испытанными борьбой жизни. Пусть епископы превзойдут священников в мудрости и в мужестве. Пусть папа будет наиболее искусен и наиболее разумен из епископов, пусть священники будут избраны народом, епископами священниками и папой епископами. Пусть будет для духовенства постепенное приобщение. Пусть оккультные науки будут изучены aspirants в святом министерстве, и главным образом в этой большой иудейской Каббале, которая является ключом всех символов. Тогда только настоящая универсальная религия будет обнаружена, и католичество всех возрастов и всех народов заменит этот абсурдный, злобный и вражеский католицизм достижения и свободы, которая борется еще в мире против правды и справедливости, но господство которой проведено навсегда.

В настоящей Церкви как в иудаизме времени Иисуса Христа, плевел оказывается смешанным с хорошим зерном, и чтобы не вырывать пшеницу не осмеливаемся касаться плевела. Церковь искупает свои собственные анафемы, ее проклинаят, потому что она проклинала. Меч, который она тянула, повернулся против нее, как хозяин его предсказал.

Проклятия принадлежат аду и анафемы - акты папства Сатаны. Надо их отослать в колдовской книге Nonogius. Настоящая Церковь Бога молится за грешников и имеет сторожа их проклинать.

Порицаем отцов, которые проклинают их детей, но никогда не смогли допустить, что мать проклинала своих. Употребительные обряды отлучения от церкви в варварских временах были обрядами колдовства. черная магия, и то, что это доказывает, то, что были окутаны покрывалом святые вещи и что был погашен весь свет как будто для того, чтобы отдавать дань потемкам. Тогда подстрекали народы к мятежу против королей, были рекомендованы истребление и ненависть, были положены королевства в запрет, и увеличивались всеми возможными средствами, магнитное течение зла. Это течение стало вихрем, который расшатывает место Пьера, но Церковь торжествует снисходительностью и прощением. День придет, когда последние анафемы вселенского собора будут этими: Проклятая было проклятие, чтобы анафемы были анафемами, и чтобы все люди были благословлены! - Тогда не увидим больше с одной стороны человечества, другого Церковь. Так как Церковь обнимет человечество, и кто бы то ни было будет в человечестве, не сможет быть вне Церкви.

Диссидентские догмы будут рассмотрены только игнорированиями. Милосердие сделает приятное насилие в ненависти, и мы останемся едиными всеми чувствами искреннего братства с теми, теми же, кто хотели бы отделиться от нас. Там Религия тогда завоеует мир, и Евреи наши отцы и наши братья будут приветствовать с нами духовное господство мессии. Такой будет на земле, теперь так огорченной и столь несчастной, на втором пришествии Спасателя, на демонстрации большого католичества, и на триумфе мессианизма, наша надежда и наша вера!...

Глава VI

ГАДАНИЯ

Можем разгадать два способа или в секунду увиденной проницательностью.

Проницательность, это - справедливое наблюдение фактов с законным вычетом результатов и причин.

Внутреннее зрение - специальная интуиция, подобная интуиции ясных лунатиков, которые читают прошлое, настоящее и будущее в универсальном свете, ясный сомнамбулический Эдгар По опьянения говорит в своих сказках некоторого Огюста Дюпен, который разгадывал мысли и обнаруживал тайны дел, наиболее запутанных совсем специальной системой наблюдений и вычетов.

Следовало бы желать, чтобы Господа следователи были хорошо посвящены системе Огюста Дюпен.

Часто некоторые пренебрегшиеся как незначительные данные приводили бы, если бы это принимали в расчет, в поисках правды. Эта правда была бы иногда странной, неожиданной, неправдоподобной, как в сказке озаглавленного Эдгара По: *Двойной убийство на улице Морга*. Что как сказали бы, например, узнавали ли однажды, что отравление г. Лафарж не учитываемое никому, что автор этого отравления был сомнамбулическим и что поражен неясными опасениями (если это была женщина) она шла украдкой в неверную ясность ее сна, заменять, смешивать мышьяк, бикарбонат соды и порошок ластика до коробок Марии Капель, верующего в ее мечтателе делать невозможным это отравление, которого она возможно боялась для ее сына.

Конечно мы здесь делаем недопустимую гипотезу после осуждения, но которое бы до суждения заслужило возможно чтобы быть рассмотренным с заботой исходя из этих данных:

1 °, Что мадам Лафарж мать безостановочно говорила об отравлении и опасалась своей невестки, которая, в злополучном письме, хвасталась обладать мышьяком;

2 °, Что та же дама не раздевалась никогда и хранила даже ее шаль чтобы спать;

3 °, Что была услышана ночь чрезвычайных слухов в этом старом жилище Glandier;

4 °, Что мышьяк везде был распространен в доме, на мебели, в ящиках, на тканях, способом, который исключает любое понимание и любую причину;

5 °, Что у него был мышьяк, смешанный с порошком ластика в коробке, которую Мария Капель вручила сама своей дружеской молодой Эмме Понтье, как содержащей ластик, которым он пользовался для себя самого, и что он условливался смешать с напитками г. Лафарж.

Эти столь странные обстоятельства без сомнения осуществили проницательность Огюста Дюпен и из Zadig, но не должны были произвести никакое впечатление о присяжных заседателях и о судьях смертельно, предупрежденных против обвиняемой печальной очевидностью кражи алмазов. Она следовательно была и была действительно осуждена, так как правосудие право всегда; но знаем, с какой энергией несчастное протестовало до смерти и какими почетные симпатии оно было окружено до его последних моментов.

Другой осужденный, менее соблазнительный без сомнения, протестовал также перед религией и перед обществом в ужасный момент смерти; это был несчастный человек Леотад, пораженный и убежденный в убийстве и в изнасиловании ребенка, Эдгар По мог сделать из этой трагической истории одну из своих сильных сказок; он изменил имена персонажей и поместил сцену в Англию или в Америку, и вот то, чем он заставил считать Огюсту Дюпен:

Ребенок вошел в воспитательный дом, его не увидели больше как он вновь появился, портье, который всегда закрывал дверь с ключом, отлучился

только одну минуту. По его возвращению, ребенок не был больше там, но он оставил дверь входить открытого.

Обнаружили следующим днем несчастную малышку на кладбище, около стены садов пансиона. Она умерла и казалось, была убита в ударах кулаком, ее уши были разорваны, и она несла марки абсолютно необычного изнасилования: именно устрашающие дыры которые надо видеть, впрочем что-то из специальных следов должно было этому оставить изнасилование, выполненное человеком.

Она, не казалось, упала впрочем там, но была помещена там. Его одежда была приведена в порядок под нею и вокруг нее. Она была суха, хотя дождю шли всю ночь; должны были его там принести в сумке к утру, либо дверью, либо брешью кладбища. Его одежда была запачкана отбросами *alvines*, в которых казалось, что ее покатили.

Вот то, что должно было произойти. Девушка входя в приемную, была взята внезапной потребностью чтобы ее удовлетворять. Она наружу прокрадывалась дверью, оставшейся входить открытой, никто ее не увидел и это была фатальность.

Она искала, со стороны кладбища, темную аллею, где она была удивлена некоторой плохой женщиной, чей портвейн был испачкан возможно часто и кто была настороже, клянясь в том, что делают плохую партию той или той, кого она удивила бы там.

Она внезапно открывает дверь, падает в удары кулаком на ребенка, чье лицо она ранит, у нее наполовину вырывает уши, ее катит в своих отбросах, затем она замечает, что несчастное не будет шевелиться больше. Она хотела с нею только сразиться и она ее убила,

Что она сделает из трупа? Или того, что она считает трупом, так как бедный убитый ребенок только был упавшим в обморок возможно. Она ее скрывает в сумке, затем она выходит и слышит, что ищем молодой ученик, введенного в пансион и чтобы не увидели как выходят.

Ужасная идея захватывает ее, надо отклонить любой ценой подозрения, нужно, чтобы жертва была найдена у подножия стены пансиона и чтобы ложное изнасилование сделало невозможной идею приписывать преступление женщине.

Изнасилование следовательно имитируется при помощи палки, и возможно в этой последней и ужасной боли исчезнувшая бедная умирает.

Когда ночь пришла, мегера несет свою сумку на кладбище, плохо закрытую дверь которого она может открыть приводя в действие замочную задвижку с лезвием ножа. У нее есть забота, пятась уходя, стирать следы своих шагов, и тщательно закрой вновь дверь.

Эта гипотеза, продолжил бы Dupin, объясняет только все по-видимому необъяснимые обстоятельства этой ужасной истории.

Действительно, если заведующий хозяйством пансиона изнасиловал девушку, он пытался задушить его крики и не им провоцировать ему неистово отрывая

уши и ее раны ударов. Если она кричала свои крики, были услышаны, так как чердак, назначенный единственным возможным местом преступления во внутренней части дома, пронзен оконными проемами для освещения на дворе казармы, полной солдат и почти на высоте сторожевой будки часового.

Обвиняемый впрочем был увиден весь день, мирно занимающийся всеми функциями его применения. О его алиби во время преступления даже свидетельствуют его коллеги; но из-за некоторых ошибок и некоторых уверток, их обвиняем в или по крайней мере фиктивном соучастии, следовательно вероятно, что он собирается быть признан виновен судом Филадельфии.

Вот то, что сказал бы Огюст Дюпен в неизданной сказке Эдгара По, что нам позволим без сомнения представить чтобы показывать нашу гипотезу не испытывая нехватку в заданиях, которые нам навязывает уважение судебного постановления.

Знаем как, Сэломон между двумя матерями, которые ссорились тот же ребенок, смог разгадать непременно образом, какой была настоящая мать.

Наблюдение физиономии, действия, практика, труба также уверен в гадании тайных мыслей и характера людей. Формы головы и руки можем тянуть ценные индукции; но надо всегда принять в расчет свободную волю человека и усилия, которые он может приложить успешно чтобы исправлять плохие тенденции его природы.

Надо знать также, что хорошее естественное может повредить, и что часто лучшие становятся наиболее плохими, когда они охотно повреждены и испорчены. Наука больших и неизменных законов равновесия может нам помочь также предсказывать судьбу людей. Или посредственное ничтожество сможет прибыть во всем и не будет никогда ничем. Страстный человек, который бросается в излишки, погибнет этими самими излишками, или неизбежно его оттолкнут в противоположные излишки. Христианство иттылес и отцы пустыни должно было произойти после разгулов Tibère и Héliogabale. Во время янсенизма, то же ужасное христианство - сумасшествие, которое обижает природу и которое готовит оргии Регентства и Директората. Излишки свободы в 93 призвали деспотизм. Преувеличение силы всегда поворачивается в пользу противоположной силы.

Таким образом в философии и в религии, преувеличенная правда становится наиболее опасные из лжи. Когда Иисус Христос например сказал своим апостолам: « Который вас слушает, меня слушает, и который мне слушает слушание тот, кто меня посылает », он устанавливал дисциплинарную иерархию и единство образования, приписывающее в этом божественном методе, потому что она естественна непогрешимость, относящаяся к тому, что он светил даже обученный и не дающий для этого ни в каком церковном суде право осуждать открытия Галилея. Преувеличения принципа догматической и дисциплинарной непогрешимости произвели эту огромную катастрофу заставляя брать так сказать Церковь на месте преступления из преследования правды. Парадоксы тогда ответили на парадоксы. Церковь, казалось,

недооценивала права причины, были недооценены права веры. Человеческий разум - инвалид, который идет при помощи двух костылей; наука и религия. Неверная философия ему взяла религию и фанатизм у него вырывает науку; что он может сделать? Тяжело упасть и позволить себя ползать как безногого между кощунствами Proudhon и огромностями Syllabus.

Бешенства недоверчивости не должны насильно измеряться с яростью фанатизма, потому что они смешны. Фанатизм - преувеличенное утверждение и недоверчивость также преувеличенное отрицание но очень смешно. Что действительно, что преувеличение небытия? Очень ровным счетом ничего! Это не значит почти наказанием для этого разбивать копыя.

Таким образом бессилие и уныние с одной стороны, настойчивость и вторжение другого, мы снова падаем под тяжелое давление слепых взглядов и интересов, которые их используют. Старый мир, который считали мертвым, снова поднимается перед нами и революция должна быть возобновленная.

Все это могло быть написанным, все это было написано в законе равновесия, все это было предсказано и можем предсказать легко еще то, что прибудет затем.

Революционный разум теперь взбалтывает и мучает нации, которые остались абсолютно католическими: Италия, Испания и Ирландия, и католическая реакция, в смысле преувеличения и деспотизма, парит на усталых народах революций. Во время этого времени протестантская Германия увеличивает и поставит на службу временный один прекрасное свободе совести и независимости мысли.

Франция помещает свою шпагу Voltairienne на службу духовной реакции и благоприятствует таким образом развитию материализма. Религия становится политикой и индустрия, души элиты от этого выделяются и укрываются в науке, но благодаря тому что души вырывают и анализировать предмет, наука дойдет до того что найдет Бога и вынудит религию приходить к ней. Средневековая теологическая грубость станет столь очевидно невозможной, как будем смешны даже с нею бороться. Письмо тогда уступит место разуму и большая универсальная религия будет известна миром впервые.

Предсказывать это большое движение это не является гаданием будущего, так как оно уже начато и результаты уже проявляются в причинах. Каждый день новых открытий разъясняет темные тексты Гenezиса и соглашается со старыми отцами Каббалы. Камиль Flammarion нам уже показал Бога в Мире; уже давно приведены к молчанию голоса, которые осудили Галилей, потом так долго клеветавшаяся природа оправдывается познакомившись лучше, соломинка Vanini об этом знает больше о существовании Бога, что все доктора школы, и вчерашние богохульники - завтрашние пророки.

Пусть создания будут предшествовать нашей, пусть дни Гenezиса будут периодами лет или даже веками, пусть солнце, остановленное Жозюе, будет поэтическим изображением очень восточной напыщенности, пусть вещи,

очевидно абсурдные как история, объясняются аллегорией, это не вредит никак величеству Библии и не противоречит никоим образом ее власти.

Все то, что, в этой святой книге, является догмой или моралью, пружина суждения Церкви, но все то, что является археологией, хронологией, телосложением, историей, и т.д.. исключительно принадлежит науке, от которой власть в этих предметах абсолютно отлична, или независима от власти веры.

Это - то, что уже признают, не осмеливаясь ясно об этом говорить, наиболее просвященные священники; и они имеют основание молчать.. Не надо хотеть, чтобы ключи каравана действовали быстрее чем внуки и старики. Те, кто слишком торопливы чтобы вперед бросаться, скоро одни и могут погибнуть в одиночестве, как это случилось в Lamennais и в стольким другим. Надо действительно знать дорогу лагеря, и быть всегда готовым туда возвращаться в наименьшей тревоге, чтобы не заслуживать, что вас оцениваем неосторожности, когда выдвигаемся в качестве разведчика..

Когда мессианизм придет, то есть, когда господство Христа будет осуществлено на земле, война прекратится, потому что политика не будет больше лицемерием из наиболее умелого или грубостью из наиболее сильного. Он будет иметь там действительно международное право, потому что международный долг будет провозглашен и признан всеми, и тогда только, согласно предсказанию Христа, будут только единственное стадо и единственный пастор.

Если бы все протестантские секты доходили до того чтобы присоединяться присоединяясь к греческому православию, признавая за папу духовного главу, чье место было бы в Константинополе, было бы в мире, две римские католические церкви, так как Константинополь был и бы еще новый Рим. Раскол тогда мог бы быть только временным: Действительно вселенский церковный собор, составленный из депутатов христианства в целом, закончил бы разногласие как он был уже сделан во время церковного собора Постоянства. И мир удивился бы что целиком оказался католическим; но на этот раз со свободой совести, завоеванной протестантами, и правом на независимую мораль, потребованную философией, кем-то, не обязанным больше под законными огорчениями использовать средства религии, но никого не имеющие больше также разумно власть отрицать величины веры или надругаться в науке, которая служит базой для философии.

Вот то, что философия пронизательности, о которой говорит Paracelse, нас ясно показывает в будущем; и мы прибываем без усилий к этому гаданию серией вычетов, которые, начинаются в самих фактах, которые происходят под нашими глазами.

Эти вещи придут рано или поздно и это будет триумф порядка; но ход дела, которые к нему приведут, сможет быть задержанным кровавыми катастрофами, которыми приготовь и безостановочно возбуди революционный талант, часто внушенный мучительной жаждой справедливости, способный на

весь героизм и всю самоотверженность, но всегда обманутый, обслуженный и которого выходят за пределы магнетизмом зла.

Впрочем, надо ли верить пророческой традиции, порядок заканчивает не règne на земле до последнего суждения, то есть до превращения и возобновления нашей планеты. Несовершенные или лишенные люди - в большинстве случаев враги правды и неспособные в другой причине. Тщеславия и жадности их разделяют и их будут разделять всегда; и справедливость, по словам ясновидцев с папских времен до настоящего времени, не вполне не règne на земле не которую, когда злые люди, бывшие или превращенные или отмененные, Христос, сопровождаемые своими ангелами и своими святыми, спустится с неба чтобы царить.

Причины, которые человеческая проницательность не могла бы предусмотреть, и которые производят огромные события.

Изобретение нового ружья изменяет равновесие Европы и г. Тье, умелый человек без принципов, который полагает, что политика будет состоять в том, чтобы обманывать наперстки случая, если atèle рядом с Veillot в танке Jaggrenat, я хочу сказать временное папство. Иисус, предусмотрел ли он все это? Да возможно, во время его агонии сада Оливье и без сомнения, когда он затем сделал святому Пьеру это ужасное предсказание: Тот, кто ударяет шпагой, погибнет шпагой.

Чтобы восстанавливать действительно христианское папство в законное исполнение его двойной властью, возможно будет нужно, чтобы был мученический папа! Казнь умоляет, сказал граф Жозеф Maistre, и когда земля осушена сухим дыханием безбожия, она просит дожди крови.

Кровь виновника очищена, как только она течет, так как Иисус, прекращаясь на кресте, праздновал все инструменты казни; но у крови справедливого единственного есть мужество, expiatoire.

Кровь Луи XVI и госпожи Элизабет заранее молилась, чтобы Луи XVI Робеспьера не пренебрегла совсем высшая справедливость.

Гадание будущего проницательностью и индукцией может назваться предвидением. Та, кто делается внутренним зрением или магнитной интуицией - всегда только предчувствие.

Можем воодушевить способность, pressensitive производя на себе самом кое-что вроде гипнотизма посредством некоторых условных или произвольных знаков, которые погружают мысль в полусон. Эти знаки вытянуты по жребью, потому что тогда просим безапелляционные суждения фатальности скорее чем безапелляционные суждения причины. Это - вызов тени, это - призыв к безумию, это - жертва ясной мысли в безымянной вещи, которая идет, бродя в течение ночи.

Гадание, как его имя это указывает, главным образом божественное произведение, и совершенное предвидение может быть приписанным только Богу. Именно для этого священнослужители - естественно пророки. Справедливый и хороший человек думает и действует в союзе с божеством,

которое живет в нас всех и нам безостановочно говорит, но суматоха страстей нам мешает слышать свой голос.

Справедливый человек, успокоивший свою душу, всегда слышит этот суверенный и мирный голос, его мысли - чистая и сглаженная волна, в которой божественное солнце отражается во всем своем великолепии.

Души святых - чувственные из чистоты, они дрожат от холода в наименьшем невежественном контакте и отклоняются с ужасом всего того, что нечистое. У них есть особенное обоняние, которое им позволяет распознать и проанализировать так сказать испарения сознаний. Они плохо чувствуют себя в своей тарелке перед враждебными и печальными перед безбожниками. У злых людей, для них, есть черный ореол, который их отталкивает, и хорошие души, свет, который привлекает тотчас же их сердце. St-Germain Auxerre разгадал таким образом Ste-Geneviève. Таким образом Postel нашел новую молодежь в беседах матери Жанны. Таким образом Fénelon понял и любил красавицу и пациентку госпожу Гион.

Кюре д' Ар, респектабельный г. Вяннеи проникал через испытания тех, кто обращались к нему и было невозможно ему успешно лгать, знаем, что он строго спросил pastoureaux Salette и их заставил признавать, что они ничего не считали чрезвычайного и развлеклись тем, что привели в порядок и тем, что усилили простую мечту. Существует также кое-что вроде гадания, которое принадлежит энтузиазму и большим воодушевленным страстям.

Эти мощности души, кажется, создают то, о чем они сообщают. Именно им принадлежит эффективность просьбы; они говорят: Аминь! что бы ни было там таким образом и оно там как они хотели.

Глава VII

УРАВНОВЕШИВАЮЩИЙ ПУНКТ

Вся магическая власть в центральном моменте универсального равновесия.

Мудрость, равновесия, состоит в этих четырех глаголах: Знать правду, хотеть добро, любить красивого, делать то, что справедливо! Потому что правда, добро, красивый и справедливый человек неотделимы, так, чтобы тот, кто знает правду, не смог воздержаться от того, чтобы захотеть добро, его любить, потому что он красив и его сделать, потому что он справедлив.

Центральный момент в интеллектуальном и духовном порядке это - дефис между наукой и верой. В природе человека этот центральный момент - среда, в которой присоединяются душа и тело чтобы идентифицировать их действие.

В физическом порядке это - равнодействующая компенсированных противоположных сил одних другими.

Поймите этот дефис, захватите эту среду, действуйте на этой равнодействующей!

И ERITIS SICUT DII SCIENTES BONUM И MALUM.

Когда точка уравнивала жизнь и смерть, это - большая тайна бессмертия.

Пункт, днем уравнивающий и ночь, это - большая пружина движения мира.

Когда точка уравнивала науку и веру, это - большая тайна философии.

Когда пункт уравнивал между заказом и свободой, это - большая тайна политики.

Когда точка уравнивала мужчину и женщину, это - большая тайна любви.

Когда пункт уравнивал желание и страсть, акцию и реакцию, это - большая тайна власти.

Большая тайна высокой магии, несказанная, непередаваемая тайна не является чем-либо иным чем пунктом, уравнивающим относящееся и абсолют. Это - бесконечность безукоризненности и безукоризненности бесконечности. Это - любая власть, относящаяся к человеку, качающему невозможного от Бога.

Здесь те, кто знают, поймут и другие будут пытаться разгадывать.

КОТОРЫЙ AUTEM DIVINARUNT DIVINI ENERUNT

Когда точка уравнивала, именно существенная монада составляет божество в качестве Бога, свободу или индивидуальность в человеке и гармонию в природе.

В динамике, это - вечное движение; в геометрии, это - квадратура круга; в химии, это - осуществление большой произведение.

Прибывший до такой степени ангел летит не нуждаясь в крыльях, и человек может то, что он должен захотеть разумно.

Мы сказали, что туда прибудем мудростью *équilibrante*, которая излагается вкратце в четырех глаголах: Смочь захотеть любить и сделать правду, добро, красивое и справедливого человека.

Любой человек призван к этой мудрости, так как, Бог дал всем понимание чтобы знать, желание хотеть, сердце чтобы любить, и власть чтобы действовать.

Занятие пониманием, примененным к правде, приведенной к науке.

Финансовый год пониманием, примененным к товару, дает чувство красивого, которое производит веру.

То, что неверно, повреждает умение; то, что злое, повреждает волю; то, что некрасивое, повреждает любовь; то, что несправедливо, аннулирует и *pervertit* действие. То, что настоящее, должно быть красивым. То, что красиво, должно быть настоящим, то, что действительно, всегда справедливо.

Зло, подделка, урод и несправедливый несовместимы с правдой.

Я верю в религию, потому что она красива и потому что она преподает добро. Я нахожу, что справедливо в это верить и я не верю в черта, потому что

он некрасивый и потому что он нас распространяется в зле нам преподавая ложь.

Если мне говорим о Боге, который затеривает наше понимание, задушит нашу причину и хочет навсегда терзать его даже виновные создания, я нахожу, что этот идеал некрасивый, что эта фикция плоха, что этот всемогущий мучитель безраздельно несправедлив; и я из этого строго заключаю, что все это неверно, что этот так называемый Бог сделан в изображении и по подобию черта, и я не хочу верить в него, потому что я не верю в Сатану.

Но здесь я оказываюсь в очевидном противоречии с собой самим. То, что я заявляю что являюсь несправедливостью, уродствами и следовательно фальшивостями, пружиной образований Церкви, из которых я заставляю профессию допускать догмы и соблюдать символы.

Да, без сомнения, это следует из его плохо включенных образований, и именно для этого мы это призываем лица тени, во главе света; письма, в разуме, теологов, в церковных соборах; комментаторы, в коронуемых текстах, готовых впрочем подвергаться законному осуждению, если мы сказали о том, что надо было умалчивать. Пусть будет подразумеваться, что мы не пишем для профанов множества, но для ученых эпохи, последующей за нашей и для епископов будущего.

Те, кто отправятся способные знать правду, осмелятся захотеть также добро; они будут тогда любить красивого и не примут больше Veillot за представителей своего идеала и своих мыслей. Как только так расположенный папа будет чувствовать себя силой делать только то, что справедливо, он не должен больше сказать *possumus*, так как он сможет все то, что он захочет и снова станет законный монарх, из не Рима только, а из мира.

Какое имеет значение, чтобы с лодкой Пьера сразилась ли буря, Иисус Христос, не научился ли он этому принцу апостолов как идем на потоки? Если он погружается, это, потому, что он боится, и если он боится, то, что он сомневался в своем божественном хозяине. Рука Спасателя распространится, его возьмет и ему приведет к берегу. Человек мало веры, почему вы сомневались?

Для настоящего верующего Церковь может быть когда-нибудь в опасности? То, что приходит в упадок, это не является зданием, это - гибридные строения, игнорирование возрастов которых ее перегрузило.

Хороший священник нам рассказывал однажды, когда, посещая монастырь кармелиток, он был допущен что видел старое принадлежавшее пальто, как говорили, святому учредителю ордена и как он удивлялся что его находил довольно нечистоплотным, монахиня, которая его ей показывала, воскликнула присоединяя руки:

« Это - грязь нашей святой матери! Священник подумал и мы думаем с ним, что будет почтительнее мыть пальто. Грязь не могла бы быть реликвией, иначе надо было бы пойти дальше еще и скоро, у христиан, в их поклонениях,

навозный, не было больше ничего в чем надо упрекать фетишистов Большой Ламы.

То, что не красиво, нет, то, что не действительно, то, не справедливо, что не справедливо, не настоящее.

Когда Вольтер, этот друг, чересчур увлеченный справедливостью, повторял свой боевой клич: Раздавите бесчестное! Полагаете ли Вы, что он хотел говорить о Евангелии или о его восхитительном авторе? Намеревался ли он приняться за религию Святого Винсент де Поля и из Fénelon? Не без сомнения, но он был точно возмущен глупостями, огромные глупости и безбожные преследования, ссоры Янсенизма и Molinisme которых заполняли Церковь в свое время. Бесчестный, для него как для нас, это было и наиболее худшее безбожие из всего безбожия искаженная религия.

Также, когда он составил свое произведение, когда революция провозгласила следуя Евангелию и несмотря на заинтересованные касты: Свобода перед сознанием, равенством перед законом и братством людей, неожиданно появился Шатобриан, который показал, сколько перед талантом религия была красива, и мир Вольтера, наказанного революцией, оказался готовым что признал еще, что религия была настоящей.

Да, красивая религия настоящая и некрасивая религия неверна. Да она настоящая религия утешительного Христа, хорошего пастора, несущего на его плечи заблудшую овцу, незапятнанной девы, медицинской сестры и искупительницы грешников; она настоящая религия, которая принимает сирот, который обнимает осужденных у подножия échafaud, который допускает в стол Бог бедный как богатый, слуга при хозяине, цветном при белом. Она настоящая религия, которая приказывает суверенному понтифику быть слугой слуг Бога и епископам мыть ноги нищим! Но религия лавочников алтаря, той, кто вынуждает преемника Пьера убивать чтобы есть, желчная и обычная религия Veillot, религия врагов науки и достижения, та неверна, потому что она некрасивая, потому что она противится добру и потому что она благоприятствует несправедливости. И пусть нам не скажем, что эти две противопоставленные религии - тот же. Столько же стоил бы сказать, что ржавчина - одно и то же, что гладкое железо, что шлаки - деньги или золото и что проказа - одно и то же, что человеческое мясо.

Религиозная потребность существует в человеке: именно несомненный факт наука вынуждена допустить; этой потребности соответствует особенное сознание: смысл вечности и бесконечности. Волнения, что не забывай никогда, когда она была чувствующейся однажды, эти это набожность.

brahme их испытывает, когда он проигрывается в созерцании Eswara, через Israélite проникают в présence Adonaï, пылкая религиозная католичка его распространяет в слезах любви на ногах своего распятия, и не собирайтесь сказать им, что это - иллюзии и ложь; они улыбнулись бы жалости и они были бы правы. Совсем заполненные излучениями вечной мысли, они ее видят и

чувство, что они должны испытать в присутствии тех, кто это отрицают, это пронизательные перед слепым, который отрицал бы существование Солнца.

У веры таким образом есть следовательно ее очевидность и там именно эту правду необходимо знать; человек, который не верит, он, неполный ему пропускает первого из всех внутренних направлений. Мораль, для него, будет по необходимости ограничена и сведется к совсем мало вещи. Мораль может быть независимой от той или другой догматической формулировки, она независима от распоряжений того или иного священника но она не могла бы существовать без религиозного чувства, потому что вне этого чувства человеческое достоинство становится спорным или произвольным. Без Бога, и без бессмертия души, что человек лучшее, наиболее любящий, наиболее верный? Именно собака говорит; и многие найдут мораль волка независимее и более гордой чем мораль собаки. Увидьте басню Ла Фонтэна.

Настоящая независимая мораль это это хороший Samaritain, который перевязывает раны еврея несмотря на ненависть, религия которой является поводом между Иерусалимом и Samarie; это - Abd-el-Kader, показывающий свою жизнь, чтобы спасти христиан Дамаска. Увы, почетный Пий IX, что он вам был дан, очень святой Отец, показывать ваше чтобы спасти те Régouse, Castelfidardo и Mentana!!!

Иисус Христос говорил, говоря о священниках в свое время: Сделайте то, о чем они говорят, но не делайте того, что они делают. Тогда, священники сказали, что надо было распять Иисуса Христа и его распяли! Священники, скандальные в их произведения, не могли бы следовательно быть непременно в своих словах.

Тот же Иисус Христос, впрочем, не вылечивал больных день Шабаша к великому возмущению Фарисеев и докторов?

Настоящая независимая мораль именно та внушена независимой религией.

Итак, независимая религия должна быть религией людей: другая сделана для детей.

Мы не могли бы иметь, в религии, более совершенной модели чем Иисус Христос. Иисус осуществлял религию Moyses но он не, если там asservissait нет. Он сказал, что закон установлен для человека и не человека для закона, он был отклонен синагогой и посещал тем не менее храм, он противопоставлял во всех отношениях разум буквально, он рекомендовал своим ученикам только милосердие. Он умер давая отпущение грехов раскаявшемуся виновнику и рекомендуя свою мать своему любимому ученику и священники присутствовали в его последний час когда чтобы его проклинать.

Пункт, уравнивающий в религии это - наиболее абсолютная свобода совести и добровольное повиновение во власти, которая регулирует государственное обучение, дисциплину и культ.

В политике, это - деспотичное правительство закона, гарантирующего свободу всех в наиболее совершенном иерархическом порядке.

В динамике, это - середина баланса.

В Каббале, это - брак Elohim.

В Магии, это - центральный момент между сопротивлением и действием, это - синхронное применение ob и od для создания aouu.

В Герметизме, это - нерасторжимый союз Меркурия и Серы.

Во всех отношениях, это - союз правды, добра, красивого и справедливого человека.

Это - пропорция сущности и жизни, это - вечность во времени, и в вечности, это - порождающая мощь времени.

Это - его что-то совсем и это - все чего-то.

Это - идеализм человека, встречающего реализм Бога.

Это - сообщение между началом и концом, указывающим Омегу Альфы и Альфа Омега.

Это - наконец, то, что большие посвященные назначили под удивительным именем Azoth.

Глава VIII

КРАЙНИЕ ПУНКТЫ

Сила магнитов на их двух крайних полюсах и их уравнивающий пункт в середине между обоими полюсами.

Действие полюса уравновешено действием противоположного полюса как в движении маятника; левое отодвигание центрального момента в соответствии с отодвиганием правой партии.

Этот закон физического равновесия это также духовное равновесие, силы есть в крайностях и сходятся, в центральном моменте, между крайностями и средой встречаем только слабость.

Трусые и теплые - тот, кто позволяют себя уносить движением других и кто, собой самим, неспособны этого движения.

Крайности походят друг на друга и соприкасаются законом аналогии противоположностей.

Они составляют власть борьбы, потому что они не могли бы смешаться.

Если холод и тепло приходят вмешиваться, например, они прекращают быть в своей специальности холода и тепла и становятся тепловатостью.

- Что я могу сделать для тебя? говорит Александр Diogène. - Уберись из моего солнца, отвечает циник. Тогда, завоеватель воскликнул: Если бы я не был Александром, я хотел бы сущность Диоген. Вот два типа гордости, которые включают и которые соприкасаются хотя, помещенные в обеих крайности общественной лестницы.

Почему Иисус пошел за Samaritaine, когда у него было столько честных женщин в Иудее?

Почему он получает ласки и слезы Madgeleine, который был общественной грешницей? Почему? Он вам об этом говорит сам, потому что она очень любила. Он не скрывает свои предпочтения для людей с дурной репутацией как publicains и блудных сыновей. Чувствуем, в своих речах, что единственная слеза Caïn была бы более ценной перед глазами чем всей кровью Абэля.

Святые имели обыкновение сказать, что они чувствовали себя равными наиболее ужасными преступными и они были правы. Преступные и святые равны как подносы, противопоставленные тем же балансом. Когда те и другие оперлись на крайние пункты, и так же далеко от преступного мудрецу как от мудреца в преступном.

Именно преувеличения жизни, безостановочно ведя бой, производят уравновешенное движение жизни. Если бы антагонизм прекращался в демонстрации сил, все останавливалось бы в ' неподвижном равновесии и это была бы универсальная смерть. Если бы все люди были разумны, не был бы больше ни богатые, ни бедные, ни слуги, и короли, ни темы; общество скоро не существовало бы больше. Этот мир - сумасшедший дом, мудрецы которого являются санитарями, но больница сделана главным образом для больных. Это - подготовительная школа в вечной жизни; итак, те, кого нужно школе, так эти - вначале школьники. Мудрость - цель, которой надо достигнуть, именно цена положена на конкурс. Бог это дает, кому его заслуживает, никто его не приносит рождаясь. Власть, *équilibrante*, в центральном моменте, но движущая власть всегда проявляется в крайностях. Именно сумасшедшие начинают революции, именно мудрецы их заканчивают.

В политических революциях, говорил Danton, власть всегда принадлежит наиболее преступному. В религиозных революциях, эти наиболее фанатичны, кто вовлекает по необходимости другие.

Дело, в том, что большие святые и большие преступные все также от мощных гипнотизеров, потому что у них есть желания, воодушевленные привычкой актов, против природы. Марат очаровывал Соглашение, где весь мир его ненавидел и ему повиновался в *maudissant*. Патрон осмеливался, среди бела дня, пересекать и грабить города и никто не осмеливался это продолжать. Его считали волшебником! Были убеждены, что, если бы его вели к виселице, он сделал как Полишинеля, и повесил бы сам палача: итак, это - вероятно то, что он сделал, если он не рискнет всем своим престижем во влюбленном приключении и не позволил себя смешно брать как другого Самсона в колени Dalila.

Любовь женщин - триумф природы. Это - слава мудрецов, но это для разбойников и для святых наиболее опасное из всех подводных камней.

Разбойники должны быть влюбленными только, ее гильотинирует, что Lacenaire призывал свою красивую невесту и святые должны дать поцелуи только головам мертвых.

Преступные и святые - также чрезмерные люди и враги природы. Также популярная легенда, кажется, их смешивает часто давая повод святым действиям чудовищной жестокости и знаменитым разбойникам актов филантропии. Святой Симеон stylite на его колонне посещен его матерью, которая хочет ее обнять прежде чем умирать. Христианский факир, не только не спускается но он скрывает от себя лицо чтобы этого не видеть. Бедная женщина погаснет в слезах призывая своего сына и святой ей позволяет умирать. Если бы нам рассказывали о подобной вещи Рамки или Schinderhannes, мы находили бы, что будет перегружена без причины картина их злодеяний. Справедливо, что Рамка и Schinderhannes не были святыми: эти были только простыми разбойниками.

О глупость, глупость, человеческая глупость!!!

Беспорядки в духовном заказе производят беспорядки в физическом заказе, и это - то, что вульгарность называет чудесами. Нужно существо Балам чтобы намереваться говорить об ослице: воображение дураков - кормилица чудес. Когда человек чрезмерно пил, он полагает, что другие будут шататься и что будет беспокоиться природа чтобы его пропускать.

Вы следовательно, кто стремитесь к чрезвычайному, вам, кто хотите сделать чудеса, были экстравагантными людьми. Мудрость не замечена никогда, потому что она всегда в порядке, в спокойствии, в гармонии и в мире.

У всех недостатков есть их бессмертные, которые, из-за излишка, иллюстрировали их позор. Гордость, это - Александр, если это не является Diogène или Erostrate; гнев, это - Ахиллес; желание, это - Caïn или Thersite; сладострастие, это - Messaline; тревоугодие, Vittellius; лень, Sardanapale; скупость, король Мида. Противопоставьте этим смешным героям других героев, которые, средними противоположностями, точно прибывают в те же цели: святой Франсуа, христианский Diogène, который, из-за скромности, выдает себя за равного Иисуса Христа; святой Грегуар VII, чьи вспыльчивости потрясают Европу и компрометируют папство; святой Бернар, мертвенно-бледный преследователь Abailard, чья слава заслоняла свою; святой Антуан, чье нечистое воображение превосходило оргии Tibère или Trimalcyon; голодные пустыни, всегда поставленные в голодных мечтах Tantale, и эти бедные монахи, всегда столь жадных до денег. Крайности соприкасаются, как мы об этом сказали, и то, что не, мудрость не могла бы быть мужеством, крайние пункты - очаги сумасшествия, и, несмотря на все мечты аскетизма и запахи святости, сумасшествие, окончательно, всегда работает для дефекта.

Добровольные или произвольные воспоминания - преступления. Люди, которых магнетизм зла мучает и кому он появляется в видимых формах, несут наказание оскорблений, которые они сделали в природе. Истеричная монахиня нечистая не меньше чем развращенная женщина, одна видела в одной могиле и

другой в доме терпимости; но часто, жена могилы несет дом терпимости в свое сердце, и женщина дома терпимости скрывает, в своей груди, могилу.

Когда несчастный человек Урбан Грандье, безжалостно искупающий смелую вину его пожеланий, проклятый как так называемый колдун и презираемый как распущенный священник, шел в смерти со смирением мудреца и в терпении вившегося мученика, набожные Ursulines de Loudun, как вакханки и, помещающие распятие между своими ногами, предавались наиболее кощунственным и наиболее непристойным показам. Их жалели, эти невинные жертвы! И на Grandier, разбитый пыткой и связанный в его столбе, где пламя его медленно выигрывало, без того чтобы жалоба убежала из его рта, не смотрели их палачом.

Невероятная вещь, именно монахини представляли принцип зла, которые его осуществляли, которые ее воплощали в них самих; именно они богохульствовали, кто оскорбляли, который обвинял, и это был предмет их кощунственной страсти, которая была послана в смерти! Они и их заклинательницы упомянули весь ад и Grandier, который не мог их заставить даже умалчивать, был осужден как колдун и как адвокат демонов.

Знаменитый кюре Ars, искусный г. Вяннэ, по словам его биографов, lutiné демоном, который жил с ним кое в чем вроде непринужденности. Хороший кюре был так хитер не зная этого, он делал произвольные воспоминания. Как это? Речь, которая ему приписывается, нам это собирается объяснить. Он сказал бы, говоря о нем даже: « Я знаю, какой что один, кто был бы хорошо обманут, если бы не существовали вечные вознаграждения! » Eh что? Следовательно прекращал бы ли он делать добро, если бы он не надеялся больше на вознаграждение? Природа жаловалась она в глубине своего сознания? Чувствовал ли себя он, несправедливый по отношению к ней?

Жизнь настоящего мудреца не несет свое вознаграждение в себе самой? Очень счастливая вечность, не начинается ли она для него на земле? Настоящая мудрость - когда-либо ли роль жертвы? Добрый малый, если вы сказали это, то, что вы чувствовали преувеличение в вашем усердии. Дело, в том, что ваше сердце должно сожалеть о честных потерянных празднествах. Дело, в том, что натуральная мать жаловалась на вас как на неблагодарного сына. Счастливые сердца, которого природа не упрекает ни в чем! Счастливые глаза, которые, везде, ищут красоту! Счастливые руки, которые могут всегда распространить и льготы и ласки! Счастливые люди, которые, имея навеселе выбирать, предпочитают лучшее и часто счастливее что это предлагают другим чем что его пьют! Счастливые бесплатные лица, которых губы полны улыбок и поцелуев! Те не будут обмануты никогда, так как, после надежды любить, то, что лучшее в мире это - воспоминание любить; и эти вещи, только, заслуживают чтобы быть бессмертными, воспоминание которого может быть всегда счастьем!

Глава IX

ВЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Вечное движение это - вечный закон жизни.

Везде он проявляется как дыхание в человеке, аттракционом и отталкиванием.

Любое действие провоцирует реакцию, любая реакция пропорциональная действию.

Гармоничное действие представляет его корреспондентку в гармонии. Несогласное действие требует по-видимому беспорядочную реакцию но в действительности равновесия.

Если вы противопоставляете насилие насилию, вы увековечиваете насилие но если при насилии вы противопоставляете силу боли, вы заставляете торжествовать мягкость и вы разбиваете насилие.

Правда, которая кажется противопоставленной одна другой, потому что вечное движение ее заставляет торжествовать по очереди.

День существует и ночь существует также, они существуют одновременно но не том же полушарии.

Тень в день, отблески ночью и тень, в день, дает эффект более яркий день как отблески ночью показывают более черную ночь.

Видимый день и видимая ночь не существуют так же кроме как для наших глаз. Вечный свет невидим со смертельными глазами и он заполняет безграничность.

День душ это - правда и ночь для них, это - ложь.

Любая правда предполагает и требует ложь из-за границы форм и любая ложь предполагает и требует правду в исправлениях безукоризненности бесконечностью.

Любая ложь содержит некоторую правду, которая является точностью формы и любая правда для нас завернута некоторой ложью, которая является безукоризненностью ее внешности.

Таким образом он настоящий или только вероятен, что, существует огромный индивид или три индивида, которые из этого делают только одного, который невидим и вознаграждает тех, кто ему служат позволяясь видеть с помощью них, присутствует везде даже в аде, где он терзает проклятых их лишая его присутствия, хочет спасение всех и дает, его эффективная милость которую, очень маленькому количеству навязывает всем ужасный закон позволяя все то, что может обеспечить сомнительное обнародование, существует ли подобный Бог? Не нет и разумеется не, существование Бога, утверждаемое в этой форме - правда, замаскированная и очень завернутая ложью.

Должны признать, что все было и будет, что вечная сущность обходится собственными средствами ей даже, будучи определенной в форме вечным движением, что таким образом все - сила и предмет, что душа не будет существовать, мысль, бывшая только работой мозга и Бог, мог бы быть чем-либо иным чем фатальностью сущности? Не разумеется, так как это абсолютное отрицание понимания испытало бы отвращение даже инстинкту зверей. Очевидно, что противоположное утверждение потребует веру в Бога.

Этот Бог, проявился ли он вне природы и лично людям, им навязал идеи, противоположные природе или причине?

Не разумеется, так как факт этого разоблачения, если оно существовало, был бы очевиден для всех: и более все же факта внешней демонстрации из неизвестной сущности был бы несомненной реальности, если бы это существо показалась оппозиция с причиной и природой, которые происходят из Бога, оно не могло бы быть Богом. Moÿse, Mahomet, папа и большая Лама скажут, что Бог говорил каждому из них за исключением других и что он сказал каждому из них, что другими были лгуны. - Но тогда они - все ли лгуны? - Нет, они обманывают друг друга, когда они разделяются и правда говорят, когда они соглашаются, - Но Бог им имеет или не говорил он им? У бога нет ни рта ни языка чтобы говорить подобно людям. Если он говорит, это в сознаниях и мы можем все услышать его голос.

Именно она одобряет в наших сердцах речь Иисуса, речь Moÿse, когда она разумна и именно она Mahomet, когда она красива. Бог не является далеко от каждого из нас условленным St Подем, так как именно в нем мы живем, что, мы двигаемся и которыми мы являемся.

Счастливые чистые сердца, говорит Христос, так как они увидят Бога. Итак, увидеть Бога, который невидим, это его чувствовать в его сознании, это его слушать как он говорит в его сердце.

Бог д' Эрмэ, бог д' Эрмэ Pythagore, Орфея, бог д' Эрмэ Сократа, бог д' Эрмэ Moÿse и Иисуса Христа делают только одного и того же Бога и он им говорил всем. Cléanthe l'усон был внушен, как Давид и легенда Chrisna также красива как евангелие святого Матье. Восхитительные страницы в Koran; но глупые и безобразных в теологии всех культов.

Бог де ла Каббаль, бог де ла Каббаль Moÿse и Работы бог де Иисус Христос, из Origène и из Synésius не может быть богом де ла Каббаль auto-da-fés.

Тайны, Христианства такие как их слышат St Жан л'Эвангелист и искусные отцы Церкви, возвышены; но те же тайны, объясненные или скорее сделанные необъяснимыми Garassus, Лицемер и Veuillot смешные и нечистые. Католическое вероисповедание блестящее или жалкое по мнению священников и храмов.

Таким образом можем сказать с равной правдой, что догма настоящая и что она неверна, что Бог говорил и что он не говорит совсем, что Церковь

непременная и что она ошибается каждый день, что она разрушает рабство и сговаривается против свободы, что она воспитывает человека и что она ее оупляет.

Можем найти восхитительных верующих среди тех, что она назовет неверующими и атеистов среди тех, кто отдаются ей для верующих. Как выходить из очевидных противоречий? Нам напоминая, что тень в день и отблески ночью, не забывая собрать добро, которое часто оказывается в зле и нас храня злом, которое может вмешаться с добром.

Папа Пий IX дал под именем Syllabus серия предложений, которые он осуждает и из которых большая часть, кажется, бесспорно настоящей с точки зрения науки и причины. Каждое из этих предложений между тем снова запирает и скрывает неверный смысл, который осужден законно. Должны ли мы для этого отказаться от естественного и настоящего смысла, который они представляют с первого взгляда? Когда власть играет в прятки, ее будет искать, кто захочет, что касается нас нам достаточно ее признать, когда она показывается.

Умный епископ Орлеана, воинственный сеньор Дюпанлуп доказал противопоставляя папу ему самому, которого syllabus не означает и не мог бы означать то, что он, кажется, говорит. Если это - logcgrouphe, давайте пройдем, мы, кто не посвящены глубинам двора Рима.

Сколько большой правды скрыто под темными догматическими формулами по-видимому до наиболее полной насмешки? Хотим примеры? Если рассказывали китайскому философу, что европейцы обожали как высший Бог миров еврея, умершего от последней казни и что они подумали о том, чтобы воскрешать, каждый день этот еврей, которого они едят собственной персоной под рисунком хлебца, ученик Confucius не затруднился бы счесть способными на эти огромности народов, которые с глазами, он настоящий, варвары но наконец, абсолютно не являются диким; и если добавляли, что этот еврей родился инкубацией разума, форма которого является формой голубя и который - тот же Бог как еврей, женщины, которая была раньше и во время родов оставшаяся материально и физически, девственных, вы полагаете, что его удивление и его презрение не пошло бы до отвращения? Но если бы его задерживая рукавом ему кричали в ухе, что еврей Бог родился чтобы умирать в муках для того, чтобы успокаивать своего отца Бог евреев, который находил, что это не было довольно еврейским и кто по случаю смерти его сына уничтожил Иудаизм, что он даже поклялся должный быть быть вечным, не вошел ли бы он в настоящий гнев?

Любая догма чтобы быть настоящей должна скрыть под загадочной формулировкой в высшей степени разумный смысл. Он должен иметь две поверхности как божественная голова Zohar один из света и одной из тени.

Если бы христианская догма, объясненная в его духе, не была приемлема для набожного и просвященного еврея, надо было бы сказать, что эта догма неверна и причина там проста, то, что, в то время, когда христианство

произошло в мире, Иудаизм был настоящей религией и что Бог, даже, отклонял, должен был отклонить и всегда отклонить, то, чего эта религия не допускала. Следовательно невозможно, чтобы мы смогли обожать человека или какую-то вещь. Мы должны быть привязанными, прежде всего, к чистому Теизму и к спиритуализму Моусе. Наше общение идиом не является смущением природы; мы обожаем Бога в качестве Иисуса Крест, и не Иисуса Христа вместо Бога. Мы полагаем, что Бог проявит себя в самом человечестве, что он в нас всех с разумом Спасателя, и у этого, конечно, нет ничего абсурдного. Мы полагаем, что разум Спасателя, это - разум милосердия, разум набожности, разум понимания, разум науки и хорошего совета, и, во всем этом, я не вижу ничего, что походит на слепой фанатизм. Наши догмы Воплощения, Тринидад, Искупления, также бывшие как мир и следуют даже из этой скрытой доктрины, которую *mosaïsme* сохранял для своих докторов и своих священников. Дерево Сепфирот - восхитительная выставка тайны Тринидад. Утрата права большого Адама, эта гигантская концепция всего лишённого человечества, просит не менее огромного мастера по ремонту, что должна будет быть мессия но которая проявится с мягкостью внука, играющего со львами и призывающего к нему малое голубя. Действительно включенное христианство это - наиболее совершенный иудаизм чем меньше обрезание и раввинские ограничения права использования участка, тем больше вера, надежда и милосердие в восхитительном причастии.

Он сегодня хорошо доказан для образованных людей, что разумные египтяне не обожали ни собак, ни кошек, ни овощи. Тайная догма посвященных была точно догмой Моусе типа Моусе Орфея. Единственный Бог, универсальный, незыблемый как закон, плодотворный как жизнь, обнаруженный во всей природе, думающий во всем понимании, любящий во всех сердцах, причине и принципе существа и существ не смешиваясь с ними, невидимыми, немислимыми, но существующими разумеется, так как ничто не могло бы существовать без него.

Не желающие это видеть, люди о нем мечтали и разнообразие богов - что-либо иное чем разнообразие их мечтаний.

Если ты не мечтаешь как я, ты вечно будешь осужден, говорят себе одни в другие священники различных культов. Давайте не будем рассуждать как они; давайте будем ожидать час пробуждения.

Под названием, которое *Michelet* уже бросил в рекламу, могли бы составить очень красивую книгу. Это было бы соответствие Библии, *Pourânas*, *Védas*, книг *Hermès*, гимнов Гомера, максим *Confucius*, Корана, *Mahomet* и даже *Eddas*, скандинавов. Эта компиляция, результат которой был бы разумеется католическим, могла бы законно назваться Библией Юманитя; вместо того, чтобы делать эту работу, этот старик, слишком любезный и слишком цветущий, это только указал и легко наметил предисловие.

Религия, в своей сущности, не изменялась никогда, но каждый возраст, как каждая нация, имеет ее предубеждения и ее ошибки. В течение первых

веков христианства полагали, что мир собирался закончить и пренебрегали всем тем, что украшает жизнь. Науки, искусства, патриотизм, любовь семьи, все падало в забвение, должное мечты неба. Одни бежали к страданию, другим в пустыне, и империя падала в развалины. Затем пришло сумасшествие теологических споров и христиане входить резали для слов, которых они не слышали. В средних веках простота Евангелий уступила место хитросплетениям школы и суеверия изобиловали. В Ренессансе материализм вновь появился, большой принцип единства был недооценен и протестантизм посеял, в мире, церкви фантазии. Католики были без милосердия и протестанты были неумолимы.

Затем пришел темный Янсенизм с его ужасными догмами, Бог, который спасает и осуждает на муки капризом, культ грусти и смерти. Революция затем навязала свободу ужасом, равенством ударами топора и братством в крови. Следовала подлая и вероломная реакция. Угрожаемые интересы взяли маску религии и сейф сочетался с крестом. Еще там мы есть. Ангелы охранники Алтаря заменены зуавами и небесное царство, которое терпит насилие на небе, сопротивляется насилию над землей, также с отрывом и просьбами, но деньгами и штыками. Еврейские и протестантские увеличивают динарий святого Пьера. Религия больше не является вещью веры, это - дело партии.

Очевидно, что христианство еще не было понято и что он наконец потребует свое место; именно для этого все падает и что все упадет, пока он не будет установлен в любая его дующий ветер и во всей его власти чтобы фиксировать равновесие мира.

У волнений, которые мы пересекаем, нет следовательно ничего, что нарушает, они - результат вечного движения, который разрушает все то, что люди хотят противопоставить законам его вечного баланса.

Законы, которые управляют миром, управляют также судьбами всех человеческих индивидов: человек родился для отдыха, но не для праздности. Отдых для него это - сознание своего собственного равновесия, но оно не может отказаться от вечного движения, так как движение это - жизнь. Надо ему подвергнуться или ему направить. Когда ему подвергаемся, он вас разбивает, когда им руководим, он вас возрождает. Он должен иметь там баланс и не антагонизм между разумом и телом. Ненасытные жажды души также губительны как беспорядочный аппетит тела. Вожделение, далеко от того, чтобы успокаиваться, раздражается бессмысленными лишениями. Страдания тела обеспечивают печальную и бессильную душу и она - действительно королева только, когда органы, ее темы, вполне свободны и успокоены.

Баланс и не антагонизм между милостью и природой, так как милость - направление, которое Бог дает сам природе. Милостью Очень - именно Верх весна расцветивает, что лето несет колосья, и осени винограда. Почему следовательно мы пренебрегли бы цветами, которые очаровывают наши смыслы, хлеб, который нас поддерживает, и вино, которое нас укрепляет? Христос нас обучает просить у Бога хлеб каждого дня. Давайте попросим его

это розы каждой весны и теней каждого лета. Давайте попросим у него, для каждого сердца по крайней мере, настоящую дружбу, и каждое существование честная и искренняя любовь.

Баланс и он не должен иметь никогда там антагонизм между женщиной и женщиной. Закон союза, между ними, это - взаимная самоотверженность. Женщина должна пленять человека привлекательностью, и человека эмансипировать женщину пониманием. Это - там умное равновесие, вне которого падаем в фатальный эгоизм.

Уничтожению женщины человеком соответствует обесценивание человека женщиной. Вы делаете из женщины вещь, которая покупается, она запрашивающий высокую цену и она вас разрушает. Вы из этого делаете создание тела и тины, оно вас портит и оно вас пачкает.

Баланс и не мог бы быть реальный антагонизм между порядком и свободой, повиновением и человеческим достоинством.

Никто не имеет права на деспотичную и произвольную власть. Нет, лицо, не Бог. Никто не является абсолютным адвокатом никого. Сам пастух не является хозяином таким образом от своей собаки. Закон умного мира это - опека; те, кто должны повиноваться, повинуются только для своего добра; руководим их желанием но его не покоряем; можем инициировать свое желание но его не продаем никогда.

Быть королем это значит посвящаться чтобы защищать права короля против прав народа и больше король мощен больше, народ действительно свободен. Так как недисциплинированная свобода и без защиты наиболее худшая из ограничений права использования участка. Она тогда становится анархией, которая является тиранией всех в конфликте несений службы часовым. Настоящая социальная свобода это - абсолютизм правосудия.

Жизнь человека чередуется; по очереди он наблюдает и он спит погруженный сном в коллективную и универсальную жизнь; он мечтает о своем личном существовании не сознавая время и пространство, Обеспеченное в индивидуальной и ответственной жизни, наяву он мечтает о своем коллективном и вечном существовании. Мечта это - отблеск ночью. Вера в религиозных тайнах именно тень появляется в глубине дня.

Вечность человека вероятно чередуется как его жизнь и должна состоять из вахт и изо снов, Он мечтает, когда он думает что живет в империи смерти, он наблюдает, когда он продолжает свое бессмертие и *ressouviert* своих мечтаний.

Бог, говорит Генезис, послал сон на Адаме и в то время как он спал, он вытащил из него *Chavah* для того, чтобы ему давать помощницу, подобную ему - и Адам воскликнул: Это - тело моего тела и костей моих костей.

Давайте не забудем, что в предыдущей главе автор священного писания заявляет, что Адам был создан *māle* и самка *to*, что выражает довольно ясно, что Адам не, изолированный индивид но принят в качестве человечества полностью. Что следовательно, что этот *Chavah* или *Héva*, который выходит из

него во время его сна чтобы для него служить помощником и который должен его посвятить позже смерти? Это не одно и то же, что Майя из индийцев, вещественный сосуд, наземная форма, которая - помощник и форма разума но которая отделяется от него, кого он пробуждается то, что мы называем смертью?

Когда разум засыпает после дня универсальной жизни, он производит сам себя его *chavah*; он толкает вокруг светящего свою хризалиду и ее существования во времени - для него только мечты, которые ему отдыхают работы ее вечности.

Он поднимает таким образом масштаб мира во время своего сна только, пользуясь во время своей вечности всем тем, что он приобретает знаний и насильно новости в этих соединениях с Майя, которой он должен пользоваться не становясь никогда раб. Так как Майя триумфальное бросило бы на свою душу пелену, которой пробуждение не разорвало бы больше и чтобы ласкать кошмар оно было бы показано тому, чтобы просыпаться сумасшедший то, что является настоящей тайной вечной жизни.

Каким существам следует больше жалеть, сумасшедшие и между тем в большинстве случаев не чувствовать их ужасное несчастье. Swedenborg осмелился говорить о вещи, которая чтобы быть опасной нам кажется тем не менее трогательной. Он скажет, что отщепенцы примут ужасы ада за красоты, его потемки для света и его муки для удовольствий. Они - эти казнившиеся Востока, которые опьяняются с наркотиками прежде чем их поставлять палачам.

Бог не может помешать наказанию настигать нарушителей своего закона, но он находит, что это есть достаточно вечной смерти, и не хочет к этому присоединить боль. Не желая отклонять кнут ярости, он делает нечувствительным несчастных людей, которых она собирается поразить.

Мы не могли бы допустить эту идею Swedenborg, потому что мы верим только в вечную жизнь. Эти слабоумные проклятые и *hallucinés*, наслаждающиеся в вонючих тенях, и собирающие ядовитые грибы, которые они принимают за цветы, нам бесполезно кажутся наказанными, так как они не сознают свое наказание. Этот ад, который был бы больницей от слабоумного, менее красив чем Данте, круглая пропасть, которая становится уже, по мере того, как туда спускаемся и которая заканчивается, за тремя головами символической змеи, узкой тропинкой, где достаточно повернуться чтобы снова подниматься к свету.

Вечная жизнь это - вечное движение и, для нас, вечность может быть только бесконечностью времени.

Предположите, что любая поздравленный с небом будет состоять в том, чтобы сказать *Alelluia*, с пальмовой ветвью в руке и короне на голове, и, что после пятисот миллионов *alleluia* это должно будет всегда возобновлять (ужасающее счастье), но, наконец, в каждом *alleluia*, сможем назначить число; будет один вперед, будет другой потом; будет последовательность, он

будет там длиться, это будет время наконец, это будет время, так как это начнется.

У Вечности нет ни начала, ни конца.

Вещь точна, то, что мы абсолютно не знаем ничего тайн другой жизни; но точно, также, что никто из нас не вспоминает о том, что начался, и как идея не быть больше, мятеж, также в нас, чувство и причина.

Иисус Христос скажет, что справедливый человек пойдет на небо, и он называет небо домом его отца; он уверяет, что в этом доме бесчисленные жилища, эти жилища - очевидно звезды, идея, или, если хотим, гипотеза существований, возобновленных в звездах, следовательно не удаляемся от доктрины Иисуса Христа. Жизнь мечтаний исключительно отлична от реальной жизни, у нее есть ее пейзажи, ее друзья и ее воспоминания, там обладаем способностями, которые принадлежат без сомнения другим формам и другому миру.

Там снова увидим любимых существ, которых знали никогда на этой земле; там обнаруживаем живые тех, кто умерли, держимся в воздухе, идем на воду как это может случиться в круги, где весомость тел менее большая, там говорим на неизвестном языке и там встречаем причудливо организованных существ; все этого полно воспоминаний, которые не относятся к этому миру, не было ли бы это не ясные воспоминания наших предыдущих существований?

Это единственный мозг, который производит сновидения? Но, если он их производит, который следовательно их изобретает? Часто они нас приводят в ужас и нам утомляют. Какой - Callot или Гойя, которая составляет кошмары?

Часто нам кажется, что мы совершаем преступления, во сне, и мы счастливы что не имеем ничего в чем надо нас упрекать, когда приходит час пробуждения. Он был бы также для наших укутанных покрывалом существований, для наших снов под покрывалом тела? Néron, внезапно просыпающееся, смог воскликнуть: Бог был сдан! не заставил ли я убивать мою мать?

И он ее вновь найдет живой и улыбающейся при нем, готовая ему рассказывать, в свою очередь, о своих воображаемых преступлениях и о своих кошмарах.

Настоящая жизнь часто украшала чудовищную мечту, и не разумнее почти чем видения сна; часто, там видится то, что не должно было бы быть, и то, что должно было бы быть, не делается там. Нам иногда кажется, что экстранеясная природа и что причина отбивается под устрашающим Ephaste. Вещи, которые происходят в этой жизни иллюзий и напрасных надежд, также бессмысленны, конечно, по сравнению с вечной жизнью, что видения сна могут ему быть сравненными с реальностями этой жизни.

Мы не упрекаем себя в пробуждении грехи, во сне совершенные, и, это - преступления ли, общество у нас там не требует расчета, в меньше, что в состоянии лунатизма, мы их не осуществим, как если бы, например, лунатик,

мечтающий, что он убьет его жену, ему нес, действительно, смертельный удар. Таким образом наши ошибки земли могут иметь свое звучание на небе в связи со специальной восторженностью, которая заставляет жить человека в вечности, прежде чем он оставил землю. Акты настоящей жизни, которые могут нарушить регионы вечной ясности. Грехи, которые, как вульгарно говорим, заставляют оплакивать ангелов. Это - несправедливость святых, именно эту клевету они заставляют снова поднять до Верховного существа, когда они его представляют как капризный деспот умов, и как бесконечный мучитель душ. Когда святой Доминик и святой Пий V посылали диссидентских христиан в казнь, этих христиан, ставших мучениками и возвращающихся, правом выплаченной крови, в большом католичестве неба, были приняты, без сомнения, в рядах блаженных умов с криками удивления и жалости, и ужасных лунатиков Дознания не извинили, ссылаясь, перед высшим Судьей, на отклонения от их сна.

Искажать человеческое сознание, гасить разум и клеветать на причину, преследовать мудрецов, противиться достижениям науки, это - там настоящие смертные грехи, грехи против Святого Духа, тех, кто не могут быть прощенным ни в этом мире, ни в другом.

Глава X

МАГНЕТИЗМ ЗЛА

Единственный разум заполняет безграничность. Именно того Бога ничто не ограничивает или не участвует, того, кто в целом везде снова не заперевшись нигде.

Созданные умы могут жить только под конвертами, пропорциональными своей среде, которые осуществляют их действие его ограничивая и им мешая быть поглощенными в бесконечности.

Бросьте приятную каплю воды на море; она там проиграется, если только она не будет предохранена непромокаемым конвертом..

Следовательно не существуют умы без и бесформенного конверта; эти формы относящиеся в середине, где они живут и в нашей атмосфере например не могут существовать другие умы чем те из людей с телами, которые мы им видим и они животных, которых мы еще игнорируем судьбу и природу.

У звезд, есть души? И земля, в которой мы живем, у нее есть сознание и мысль, которая бы ему была присуща? Мы это игнорируем; но не можем убедить в ошибке тех, кто желали это предположить.

Объяснили так некоторые исключительные явления демонстрациями, спонтанными к душе земли и как часто заметили кое-что вроде антагонизма в этих демонстрациях, из этого заключили, что душа земли многократная, что она проявит себя четырьмя элементарными силами, которые можем

резюмировать в двух и которые уравниваются тремя теми, что является одним из решений большой Загадки Сфинкса.

Следуя бывшим hiérophantes, предмет - только substratum созданных умов. Бог не созданный не незамедлительно. Из Бога распространяются власти Elohim, которые создают небо и землю и следуя их доктрине надо было бы услышать таким образом первую фразу Гenezиса:

Bereschith голова или первый принцип, *Bara* создал, Elohim власти, *ouath aarés*, кто или которые делают (су услышанный) небо и земля. Мы признаем, что этот перевод нам кажется более логическим чем тот, кто дала бы глагол *Bara*, использованный для странного именного множественного, Elohim.

Эти Elohim или эти власти были бы большими душами мира, формы которых были бы сущностью, указанной в своих элементарных достоинствах. Бог чтобы создавать мир вместе связал бы четыре таланта, которые отбиваясь вначале произвели якобы хаос и которые, вынужденные отдыхать после борьбы образовали якобы гармонию элементов; таким образом земля заключила в тюрьму огонь и надулась чтобы ускользнуть от вторжений воды. Воздух убежал из пещер и завернул землю и воду, но покойную борется всегда против, ее окучивает и ее подтачивает, вода захватывает в свою очередь землю и поднимается в облака на небо: воздух раздражается и чтобы охотиться на облака он образует течения и бури большой закон равновесия, который, желание Бога мешает, что бои разрушают мир преждевременно отмеченный для своих преобразований.

Мир как Elohim вместе связаны магнитными каналами, которые их мятеж пытается порывать. Солнца оппозиционные солнца и планеты осуществляют против планет в качестве противника каналов аттракциона равная энергия отталкивания чтобы защищаться от поглощения и сохранять каждое его существование.

Эти колоссальные силы иногда брали рисунок и представились под внешностью гигантов: Это - Eggrégores книги Hénoch; ужасные создания, для которого мы - то, чем являются для нас infusoires или микроскопические насекомые, которые изобилуют сквозь зубы и на нашем кожном покрове. Eggrégores нас безжалостно раздавливают, потому что они игнорируют наше существование; они слишком большие чтобы нас видеть, и чересчур ограничены чтобы нас разгадывать.

Таким образом объясняются всемирные судороги, которые поглощают популяции. Мы чересчур знаем, что Бог не спасет невинную муху, лапы и крылья которой жестокий и глупый ребенок вырывает, и что провидение не вмешивается в пользу муравейника, здания которого прохожий разрушает и разоряет в пинках.

Потому что органы *сirop* ускользают от анализа человека, человека верит право предполагать, что, перед вечной природой, его существование, ему, намного более ценное чем существование *сirop*! Увы! у Самоёнс было вероятно больше таланта чем у эгрегоре Адаматор; но, гигант Адаматор, увенчанный

облаками, имевший волны в качестве пояса, и ураганы для пальто, мог разгадать поэзию Самоёns?

Устрица, нам кажется вкусной, мы предполагаем, что она не сознает ее саму, что, следовательно она не терпит, и, без наименьшего сожаления, мы ее съедаем очень живой. Мы бросаем, совсем живые, рака, омара и лангуста в горячую воду, потому что, будучи сварены таким образом, у них есть более твердое тело и более вкусный вкус.

Каким ужасным законом Бог он оставляет таким образом слабого форту, и малыша в большом, без того чтобы у людоеда была, у самого, идея пыток, чему он подвергает хилое существо, которое он съедает?

И, кто нас уверяет, что кто-то возьмет под защиту против существ более сильных и также жадных как мы? Звезды действуют и реагируют одни на другие; их равновесие образовано связями любви и усилий ненависти. Иногда, сопротивление звезды разбивается, и оно привлечено к солнцу, которое его съедает; иногда, другая чувствует как ее сила притяжения умирает в ней и она брошена вне ее орбиты верчением миров. Влюбленные звезды приближаются и производят на свет новых звезд. Бесконечное пространство - большой городок солнц; они держат совет между ними и обращаются, взаимно, телеграммы света, звезды, которые - сестры, другие, кто оппозиционные. Души звезд, связанные необходимостью своего регулярного бега, могут осуществить их свободу разнообразия свои испарения. Когда земля зла, она обеспечивает взбешенных людей и развязывает бедствия на ее площади; она тогда посылает в планеты, что она не любит, отравленный магнетизм, но, они, отомстят, ему посылая войну. Венера изливает на нее яд плохих обычаев; Юпитер возбуждает королей одних против других; Меркурий развязывает против людей змеи своего кадуцея, луна их делает безумными и Сатурн их толкает к отчаянию. Эти страсти и эти гневны звезд - база всей астрологии, теперь, возможно, чересчур пренебрегаемая. Спектральный анализ Вунсен не доказал, совсем недавно, что у каждой звезды есть его намагничивание, определенное особенной и специальной металлической базой, и что, на небе, масштаб аттракциона как гаммы красок? Может следовательно существовать также, и разумеется существует, между небесными глобусами, магнитными влияниями, которые повинуются, возможно, желанию этих шаров, если или это предполагает одаренные пониманием или сдержавшиеся талантами, что бывшие назначали сторожей неба или Эгрегоры.

Изучение природы нас констатирует противоречия, которые нас удивляют. Везде, мы встречаем доказательства бесконечного понимания, но, также часто, мы должны признать действие вполне слепых сил. Бедствия - беспорядки, которые не можем приписать в принципе вечного порядка. Чума, наводнения, голод, не являются порядками Бога. Приписывать их черту, то есть в проклятом ангеле, плохое произведение которого Бог позволяет, это значит предполагать лицемерного Бога, который скрывается, чтобы плохо действовать, за ответственным руководителем, порока. Откуда следовательно

приходят эти беспорядки? Ошибки вторых причин. Но если вторые причины способны на ошибку, то, что они умны и автономны, и мы вот в полном объеме в доктрине Эгрегора.

Следуя этой доктрине у звезд не было бы лечения помех, которые изобилуют на их кожном покрове и занялись бы только их ненавистью и их страстями. Наше солнце, пятна которого являются началом охлаждения, вовлекают медленно, но неизбежно, к созвездию Геркулеса. Однажды не останется света и жары, так как звезды стареют и должны умереть как мы. У него не будет больше тогда силы отталкивать планеты, которые пойдут, со стремительностью, разбиваться на нем и это будет конец нашего мира. Но новый мир образуется с обломками этого. Новое создание выйдет из хаоса и мы возродимся, в новом виде, способные бороться с большим преимуществом против глупой величины Eggrégores, и оно будет там таким образом, до тех пор, пока большой Адам был восстановлен. Этот разум умов, эта форма форм, этот коллективный гигант, которые резюмируют создание в целом. Этот Адам, который, следуя каббалистам, скрывает солнце за его пяткой, тайником звезд в пучках его бороды, и, когда он хочет действовать, трогает, ноги, Восток, и другой Запад.

Eggrégores - Enacim de la Bible или скорее, следуя книге Nénoch, они отцы. Это - титаны де ла Фабль и их обнаруживаем во всех религиозных традициях.

Именно они сражаясь бросают аэролиты в пространство, верхом путешествуют на кометы и заставляют идти дождь падающие звезды и воспламененные астероиды. Воздух становится нездоровым, воды портятся, земля дрожит и вулканы взрываются с яростью, когда они раздражены или больны. Иногда в течение летних ночей, оставшие жители долин полдня видят со страхом колоссальную форму неподвижного человека, который сидит на подносе гор и кто купает его ноги на некотором одиноком озере; они проходят крестясь и намереваются увидеть Сатану, когда они встретили только задумчивую тень éggrégores.

Эти éggrégores, если бы надо было допустить их существование, были бы пластичными агентами Бога, живыми созидательным винтиками машины, многообразными как Protée но всегда связанных в своем элементарном предмете. Они знали бы тайны, что безграничность нас похитит но были бы невежественны вещи, которые мы знаем. Воспоминания бывшей магии обращаются к ним и странные имена, которые им давала персиянка или Chaldée, еще сохранены в бывших колдовских книгах.

Арабы, поэтики консерваторы первоначальных традиций Востока, еще верят в эти гигантские таланты. Там белые и негры, негры нездоровые и называют Afrites. Mahomet сохранил эти таланты и относительно столь больших ангелов, что ветер его крыльев подметают мир в пространстве. Мы признаем что не любим это бесконечное множество промежуточных существ, которые от нас скрывают Бога и кажется, это делают бесполезным. Если канал

умов всегда увеличивает свои кольца снова поднимаясь к Богу, мы не видим причин, для какого останавливается, так как он будет всегда прогрессировать в бесконечности не умея никогда его тронуть. У нас есть миллиарды богов которые побеждают или которые гнутся не умея никогда прибыть на свободу и на мир. Поэтому мы отклоняем окончательно и абсолютно мифологию *eggrégores*.

Здесь мы долго дышим и мы вытираемся фронт как человек, который просыпается после тягостной мечты. Мы созерцаем небо, полное звезд но пустоты призраков и с несказанным облегчением сердца мы повторяем в громком голосе эти первые слова символа *Nicée: Кредо, in unum Deum*.

Падая с *eggrégores* и *Afrites*, Сатана пылает в момент на небе и исчезает как молния. *Videbam Satanam sicut fulgures (или fulgur) coelo cadentem*.

Гиганты библии были похоронены потопом. Титаны де ла Фабль были раздавлены под горами, которые они собрали. Юпитер не больше, чем не звезда и вся гигантская фантазмагория бывшего мира больше, чем колоссальный взрыв смеха который называет Гаргантюа в Рабле.

Сам бог не хочет больше, чтобы его представили в виде чудовищного *panthée*. Он есть отец пропорций и гармонии и отталкивает огромности. Его излюбленные иероглифы - белые и приятные рисунки ягненка и голубя и он представляется нам в руках матери в виде внука. Сколько католический символизм восхитителен и сколько отвратительных священников его недооценило.

Вы воображаете голубь разума любви, парящей на жирном дыме *auto-da-fés*, и дева мать, смотрящая как сжигают евреек! Будьте обязан несчастных молодых людей упасть под мячами зуавов ребенка Иисуса и полосатых орудий, которые направляются вокруг сокровища снисходительности! Но который может прозондировать тайны провидения! Возможно, что этим заблуждением военной власти все диссиденты прощены и что грех пастора становится невиновностью мира!

Папа, впрочем, не является святым священником и он не думает что выполняет свой долг во всей искренности своего сердца? Кто следовательно является виновником? - Виновник, это - дух противоречия и разум ошибки, именно разум лжи был убийством наперстки начало, это - искуситель, это - черт, это - магнетизм зла.

Магнетизм зла, это - фатальный ток извращенной практики, это - гибридный синтез всех прожорливых и хитрых насекомых, которых человек заимствует у наиболее вредных животных и именно в этом философском направлении символизм средних веков олицетворил демона.

У него есть рога козла или быка, глаза совы, нос в клюве грифа, в горле тигра, в крыльях летучей мыши, в когтях гарпии и живот бегемота. Какая фигурирует для даже пришедшего в упадок ангела, и который вдалеке великолепному королю ада, о ком мечтают талантом Милтона!

Но Сатана Милтона представляет что-либо иное, что революционный талант англичан под Cromwel и настоящий черт это всегда соборы и легенды.

Он ловок как обезьяна, намекающая на как пресмыкающуюся, хитрую как лиса, жизнерадостная как на котенка, трус как волк или шакал.

Он ползучий и льстив как слуга, неблагодарен как король и мстительный как плохой священник, бессознательный и вероломный как женщина легкого поведения.

Именно *protée* берет все формы, за исключением ягненка и голубя, красноречивого старые колдовские книги. Скоро, - маленький один страница именно плут несет очередь знатной дамы; скоро, теолог, засовываемый горностаем или рыцарем, облаченным в латы железом. Советник зла отовсюду прокрадывается, он скрывается даже в объятиях роз. Иногда, под облачением певца или епископа, он водит гулять со своей очередью, плохо скрытой вдоль плит церкви, он цепляется к шнурочкам дисциплины монашенок и расплющивается между страницами требников. Он выкрикивает в пустой бирже бедного, и, замочной скважиной сейфов, он призывает совсем низко воров. Существенный и нестираемый характер это состоит в том, чтобы быть всегда смешным,

так как, в духовном порядке, есть зверь и будет всегда глупостью. Напрасно стараемся

ruser, соединять, считать, плохо действовать это значит пропускать разум.

Его привычка, говорят колдуны, это состоит в том, чтобы всегда просить что-то; он удовлетворяется лоскутом, старой туфлей, соломинкой. Кто здесь понимает аллегорию? Предоставлять со злом наименьшую вещь, это не значит вступать в сделку с ним? Его призывать, это значило только из любопытства, это не ему поставлять нашу душу? Вся эта дьявольская мифология собирателей легенд полна философии и причины. Гордость, скупость, желание, есть, ими самими, персонажами; но они часто олицетворяют в людях, и, в тех, кто сумеют увидеть черта, поместились в свое собственное уродство.

Черт не был красив никогда; это - не падший ангел, это осужден на муки рождением, и Бог ему не простит никогда, так как, для Бога, не существует. Существует как наши ошибки, он - дефект, болезнь, страх, безумие и ложь, температура больницы лимбов, где изнемогают больные души. Никогда он не вошел в спокойные регионы неба, и не мог бы с этого упасть, следовательно.

Следовательно отложи безбожный дуализм манихейских, задних, этот конкурент Бога, всегда мощный хотя пораженный, и который ему оспаривает мир. Отложи этого соблазнительного слугу детей его хозяина, который вынудил Бога, его самого, который подвергся смерти чтобы выкупить людей, из которых мятежный ангел сделал его рабов, и которому Бог оставляет, тем не менее еще, большинство тех, кого он желал выкупить столь невысказанным одним жертву. Долой последнего, наиболее чудовищного из *eggrégores*. Слава и вечный триумф единственному Богу!

Вечная честь, все-таки, возвышенной догме Искупления; уважение ко всем традициям универсальной Церкви; живая древний символизм! Но Бог нас хранит от того, чтобы его осуществлять принимая метафизические индивидуальности за реальные персонажи, и аллегории для историй!

Дети любят верить в людоедов и в фей; и множества нуждаются во лжи, я ее знаю, я отношусь верх к кормилицам и к священникам. Но я пишу книгу оккультной философии, которая не должна быть прочитанной ни детьми, ни людьми слабоумные.

Люди, которым мир казался бы пустым, если бы он не был населен химерами.

Безграничность неба им причиняла бы неприятности, если бы она не была населена эльфами и демонами. Эти большие дети нам напоминают басню хорошего Ла Фонтэна, который думал что видел мастодонта в луне и кто смотрел на мышь, скрытую между стаканами подзорной трубы. У нас есть всех, в нас, нашем искусителе или наш черт, который рождается от нашего темперамента или наших настроений. Для одних, именно индюк важничает; для других, именно обезьяна скрипит зубы. Это - глупая сторона нашего человечества, это - сумрачная предохранительная решетка нашей души, это - жестокость животных инстинктов, преувеличенная тщеславием неверных и тесных мыслей, это - любовь лжи, наконец, в умах, которые, трусостью или равнодушием, огорчают правду.

Обладавшие демона в столь большом количестве, что они составляют то, что Иисус Христос называл миром, и поэтому он говорил его апостолам: « Мир вас заставит умирать ». Черт убивает тех, кто ему сопротивляются, и, посвящать ее существование триумфу правды и справедливости, это значит приносить в жертву его жизнь. В городке злых людей, именно дефект царит и именно интерес дефекта слушается руля. Справедливый человек заранее осужден, не нуждаемся в том, чтобы его судить; но вечная жизнь принадлежит людям сердца, которые могут испытать и умереть. Иисус, который проходил делая добро, знал, что он шел в смерть и говорил его друзьям: « И мы идем в Иерусалим, куда сын человеческий должен быть поставленным в последней казни. Я делаю приношение моей жизни; никто ко мне этого не берет; я это помещаю чтобы его возобновлять. Если кто-то хочет меня имитировать, что он заранее принимает крест злоумышленников и что он идет по нашим следам. Вы все, кто меня видите, теперь, скоро вы, меня не увидите больше ». Он хочет следовательно убить себя, говорили евреи его слыша как он говорит таким образом. Но заставлять себя убивать другими, это не значит убивать себя само. Герои Thermopyles действительно знали, что они там умерли бы до последнего, и их знаменитый бой не был разумеется самоубийством.

Жертва самостоятельно не является никогда самоубийством; и Curtius, если его история не баснословна, Curtius один не кончен жизнь самоубийством. Regulus, возвращающийся в Карфаген, выполнял ли он самоубийство? Сократ, кончал ли он жизнь самоубийством, когда он отказывался от того, чтобы

убегать из тюрьмы после его смертного приговора? Caton, разрывающийся недра скорее чем подвергаясь безумию Цезаря, - возвышенный республиканец. Пораненный солдат, который, погибший на поле битвы и не имеющий больше для любого оружия не чем его штыка, когда ему говорим: сдайся, погружается этот штык в сердце говоря: « Приди их взять », не человек, который кончает жизнь самоубийством, именно герой верен своей клятве побеждать или умирать. Г. де Борепер, застрелившийся скорее чем подписывая позорную капитуляцию, не кончает жизнь самоубийством; он жертвует собой в чести!

Когда не вступаем в сделку совсем со злом, не должны его опасаться; но когда не опасаемся зла, не должны опасаться смерти: у нее ужасная империя только на зле. Черная смерть, ужасная смерть, смерть, полная тревог и страха, - дочь черта. Они обещали себе умереть вместе; но, как они - лгуны, они взаимно даются для вечных.

Мы сейчас сказали, что черт смешон, и, в нашей истории Магии, мы заявляли, что он нас не смешит; и, действительно, не развлекаемся насмешкой, когда она безобразна, и, когда у нас есть любовь добра, не могли бы смеяться над злом.

Машина *fluidique*, звездная, представленный во всей мифологии змеей, это - естественный искуситель Chavah или материальной формы, эта змея была невиновна как все существа до греха Евы и Адама. Черт рожден из первого непослушания и он стал этой головой змеи, которую нога женщины должна раздавить.

Змея, символ большого агента *fluidique*, может быть священным знаком, когда она представляет магнетизм добра, как змею бронзы Moyses. Две змеи в кадучее *Hermès*.

Магнитное жидкое тело подвергнуто желанию умов, которые могут его привлечь или ему бросить с различными силами, следуя их степени восторженности или равновесия.

Это назвали его дверью свет или Люцифер, потому что он - агент дистрибутор и *spécialisateur* звездного света.

Это называем также ангелом потемок *parce*, что он - посланец темных мыслей как светящиеся мысли, и Иврит, который его называет *Samaël*, скажет, что он двойной и что белый *Samaël* и черный *Samaël*, *Samaël* еврей и *Samaël incircconcis*.

Аллегория, здесь, очевидна. Конечно, мы верим, как христиане, в бессмертные души; как все цивилизованные народы, мы верим в огорчения и в вознаграждения, пропорциональные нашим произведениям. Мы полагаем, что умы могут несчастными и их мучить в другой жизни, мы следовательно допускаем возможное существование отщепенцев.

Мы полагаем, что каналы симпатии не разбиты, а, напротив, сделанные уже смертью. Но это существует только между справедливым человеком. Злые люди могут общаться между ними только испарениями ненависти.

Магнетизм зла может следовательно получить также загробные впечатления, но только извращенными стремлениями живых, мертвых, которых Бог наказывает не имея больше ни власти, ни эффективного желания зла делать. Под рукой справедливости Бога не грешим больше, искупаем.

То, что мы отрицаем, так это - существование мощного таланта, вида черного Бога, темного монарха, имевшего власть зла, делать, после того, как Бог ее осудил. Король Сатан - для нас безбожная фикция несмотря ни на что то, что она может представить в поэме Милтона, поэзии и величины. Наиболее виновный в лишенных умах должен пасть низко больше чем других и больше чем другие, связанные справедливостью Бога. У каторги без сомнения есть его короли, которые еще осуществляют некоторое влияние на преступный мир но это дорожит недостаточностью средств наблюдения или наказания, использованных человеческим правосудием и не обманываем правосудие Бога.

В недостоверной книге Эноша читаем, что эти черные *eggrégores* воплотились чтобы соблазнять дочерей земли и порождали гигантов. Настоящие, *eggrégores*, то есть ночные сторожи, которым мы любим верить, это - звезды неба с их всегда сверкающими глазами. Именно ангелы управляют звездами и которые - пасторы для душ, которые в них живут. Мы любим думать также, что у каждого народа есть его защитный ангел или его талант, который может быть талантом одной из планет нашей системы. Таким образом, следуя поэтикам традиции Каббалы *Mikaël*, ангел солнца это избранный народ. Габриэль, ангел луны, защищает народы Востока, которые несут полумесяц на их флаг. Марс и Венера вместе управляют Францией. Меркурий - талант Голландии и Англии. Сатурн талант России. Все это возможно хотя сомнительно и может служить для гипотез астрологии или для фикций эпопеи.

Господство Бога - восхитительное правительство, где все существует иерархией и где анархия разрушается сама себя. Если существует в его империи тюрем для виновных умов, единственный Бог, хозяин и ими заставляет управлять без сомнения строгими и хорошими ангелами. Не позволено осужденным там терзаться одним их другие. Бог был бы более менее разумен и менее хорош чем люди. И что как сказали бы о принце земли, который выбрал бы разбойника наиболее худшего вида в качестве директора его тюрем ему позволяя очень часто выйти чтобы продолжать его преступления и давать честным людям ужасных примеров и опасных советам.

Глава XI

ФАТАЛЬНАЯ ЛЮБОВЬ

Животные подчинены по природе феноменальному состоянию, которое их непобедимо толкает к копии и которое называем течкой. Единственный

человек способен на возвышенное чувство, которое его заставляет выбирать его подругу и которое смягчает наиболее абсолютной самоотверженностью остроты желания. Это чувство называется любовью. У животных самец неотчетливо кидается на всех самок и самки подчиняются всем самцам. Человек сделан чтобы любить единственную женщину и женщина, достойная уважения, сохраняется для единственного человека.

У мужчины как у женщины обучение смыслов не заслуживает имени любви, это - что-либо подобное в течке животных. Распутники и распутницы - звери.

Любовь дает человеческой душе интуицию абсолюта, потому что он сам он абсолютен или ее нет. Любовь, которая просыпается в большой душе, именно вечность проявляет себя.

В женщине, что он любит человека, видит и обожает материнское божество и он навсегда дает свое сердце деве, которую он стремится украшать достоинством матери.

Женщина в человеке, которого она любит, обожает плодотворное божество, которое должно создать в качестве нее цель всех его пожеланий, цели ее жизни, короны всех его амбиций: ребенок!

Эти две души тогда из этого не делают больше чем одного, кто должен дополниться третьей. Это - единственный человек в трех страстях как Бог в трех людях.

Наше понимание сделано для правды и нашего сердца для любви. Именно для этого святой Огюстен справедливо говорит обращаясь к Богу: Ты нам действовал для тебя, Сеньора и наше сердце мучают, до тех пор, пока оно имело найденный отдых в тебе. Итак, Бога, который бесконечен, могут желать человека только посредником. Он заставляет себя любить человеком в женщине и в мужчине женщиной. Поэтому честь и счастье быть любимыми нам навязывают величину и божественную доброту.

Любить это значит ощущать бесконечность в безукоризненности. Это значит найти Бога в создании. Быть любимым это значит представлять Бога, это значит быть его уполномоченным около души чтобы ему давать рай на землю.

Души живут правдой и любовью, без любви и без правды они терпят и слабеют как тела, лишённые света и жары.

Что правда? Пренебрежительно спрашивал у Иисуса Христа представителя Tibere и Tibère сам смог попросить с более наглым презрением и более горькой иронией: Что любовь?

Ярость не умея ничего понять и ничем счесть, бешенство не умея любить, вот настоящий ад и сколько людей, сколько женщин поставлено с этой жизни в пытках этого ужасного проклятие?

Оттуда ярость, увлеченная для лжи; оттуда эта ложь любви, которая поставляет душу в фатальностях безумия. Жажда знаний, всегда огорченная неизвестным и потребность любить всегда преданная бессилием сердца.

Донжуан идет из преступления в преступление в погоне за любовью и доходит до того что умирает задушенным в объятиях каменного спектра. Faust, огорченный из-за небытия науки без веры, ищет развлечения и находит только сожаления потеряв слишком наивный Маргариту; Маргарита однако его спасет, так как она, бедный невинный ребенок, она действительно любила и Бог не может захотеть, чтобы она навсегда была отделена от того, кого она обожает.

Хотите ли Вы проникнуть через тайны любви? Изучите тайны зависти. Зависть неотделима от любви, потому что любовь - абсолютное предпочтение, которое требует взаимности, но не может существовать без одной абсолютное доверие, которое заурядная зависть стремится естественно к тому, чтобы разрушать. Дело, в том, что заурядная зависть - эгоистичное чувство, наиболее обычный результат которого состоит в том, чтобы заменять ненависть на нежность. Это - тайная клевета любимого предмета, именно сомнение его обижает, часто именно ярость распространяется его обижать и его разрушать.

Осудите также любовь согласно произведениям, если она повышает душу, он внушает самоотверженность и героические действия, если он завистлив только к совершенству и к счастью ему быть любимым, если способен жертвовать собой в чести и в отдыхе того, что он любит, это - бессмертное и возвышенное чувство; но если он разбивает мужество, если он раздражает желание, если он снижает стремления, если он заставляет недооценивать долг, это - фатальная страсть и надо его победить или погибнуть.

Когда любовь чистая, абсолютная, божественная, возвышенная, он сам наиболее святой из всех заданий. Мы восхищаемся Ромео и Жюльеттой несмотря на все предубеждения и всю ярость Capulets и Montaigus и мы не думаем, что ненависть своих семей должна была навсегда отделить Pirame de Thisbe. Но мы восхищаемся также Chimène, настойчиво просящим смерть Cid, чтобы мстить смерть ее отца, потому что Chimène жертвуя любовью отправляется достойной самой любви, она чувствует хорошо, что, предавала ли она ее долг, Родриг ее не оценил бы больше. Между смертью ее любовника и обесцениванием ее любви героиня не могла бы колебаться и она оправдывает эту большую речь Сэломона, что любовь более нестигаема чем ад?

Настоящая любовь это - яркое разоблачение бессмертия души, ее идеал для человека это - чистота без задачи и для женщины, великодушие, последовательно он завистлив к целостности этого идеала и этой зависти, если благородный должно назваться *Zélatypie* или типом Усердия. У вечной мечты, любви это - незапятнанная мать и догма, недавно определенная l' Церковь заимствованная у Песни песней, не были другого индикатора чем любви.

Примесь это - теснота желаний, человек, который желает всех женщин, женщину, которая любит желания всех людей, не знают о любви и недостойны о нем узнать. Кокетство - разгул женского тщеславия; его само имя заимствовано у чего-либо скотского и напоминает провокаторские действия куриц, которые хотят привлечь внимание петуха. Позволено женщине быть красивым, но она должна быть желающей понравиться, что тому, кого она любит или чтобы она сможет день любить.

Целостность стыдливость женщины - специально идеал людей и это - тема их законной зависти. Деликатность и великодушие у человека - специальная мечта женщины и в это именно идеал она находит стимул или отчаяние его любви.

Брак это - законная любовь. Брак по расчету это - брак отчаяния. Самец и самка человеческого рода условливались бы иметь вместе маленькие под защитой закона, если бы они еще не любили ни тех ни других, можем надеяться на любовь, что он придет с интимностью и семьей, но любовь не повинуется никогда социальным приличиям и тому, кто сочетается без любви, часто сочетайся браком с вероятностью супружеской измены.

Женщина, которая любит и кто сочетается браком с человеком, которого она не любит, проявляет против природы. Жюли де Вольмар непростительна, и ее муж персонаж невозможный, сам в романе; святой-богатырь должен был бы презирать эту невозможную пару. Девушка, которая дала и кто забирается, позорит ее сливовое дерево любовь; молча соответствуем, что она дала задатки супружеской измене. II - существо, перед которым, женщина, достойная этого имени, не должна смириться никогда с тем, что краснеет, именно этого человека она нашла достойным ее первой любви.

Мы понимаем, что человек сердца будет сочетаться браком и реабилитирует таким образом честную девушку, которая была соблазнена, затем оставлена, но, что предается девушка, когда она не принадлежит себе больше, и это, под поводом, которым барон Etange угрожает ее убить, или, потому что его дочь предполагает, что, если она ей не повинуется, ее отец от этого умрет, мы заявляем, что здесь неделикатность сердца плохо оправдывается трусостью или глупой чувствительностью. Отец, который говорит о том, чтобы убивать его дочь или умирать, если она действует надлежащим образом или благородно, больше не является отцом, именно жестокого эгоиста в их деспотизме имеем право порицать или убежать. В итоге, Жюли де Руссо - честная так называемая девушка, которая предает, одновременно, двух человек. Его отец - сводник, который позорит, одновременно, его дочь и его друга; Volmar - трус, и Святой-богатырь, простак. Когда он знал, что Жюли была женатой, он не должен был ее снова увидеть больше.

Сочетаться браком с женщиной, которая отдалась другому и чем этот другой не оставил, это значит сочетаться браком с женщиной другой, никакого брака перед природой и перед человеческим достоинством. Это - то, чего Руссо

не понял. Я допускаю брак приключения героинь Henri Мюржер, которые делают из жизни фарс карнавала; я не допускаю того Жюли, которая объявляет претензию принимать всерьез любовь. Быть, или не быть, вот вопрос, как говорит о Гамлете; итак, возможность человека в своей мысли и в своей любви.

Отречься от его мысли публично не будучи убежден, что она неверна, это - отступничество разума; отречься от любви, когда чувствуем, что будет существовать, вот отступничество сердца.

Страсти, которые изменяются - капризы, которые проходят; и те, от кого надо краснеть фатальности, ярмо которых надо потрясти.

Гомер, нам показывая Ulysse победителей из подводных камней Калипсо и Cércé, заставляющего себя связывать со столбом своего корабля чтобы слушать, им не подчиняясь, прелестное пение сирен, - настоящая модель мудреца, ускользающего от разочарований фатальной любви. Ulysse обязан все в Rénélope, который сохраняется для Ulysse, и свадебное ложе короля Итаки, имея для колонн вечных деревьев, которые дорожат землей их мощными корнями, в древности, иногда немного непристойен, символический памятник почетный и целомудренный любовь.

Настоящая любовь - непобедимая страсть, мотивированная справедливым чувством, никогда Она не может противоречить долгу, потому что она становится им даже, наиболее абсолютный долг, но несправедливая страсть составляет фатальную любовь и именно этому надо сопротивляться, как должны были от этого страдать или от этого умереть.

Могли бы сказать, что фатальная любовь - принц демонов, так как это - магнетизм зла, вооруженного всей их властью, ничто не может ограничить или разоружить его ярость. Это - температура, это - безумие, это - бешенство. Надо чувствовать себя медленно гореть, как факел Атеиста, без того чтобы кто-то испытал жалость вас. Воспоминания вас терзают, обманутые желания вас огорчают, смакуется смерть, и любим часто, лучше еще, терпеть и любить чем умирать. Какое средство в этой болезни? Как вылечивать укусы этой отравленной стрелы?

Кто нас возвратит заблуждения этого сумасшествия?

Чтобы вылечивать фатальную любовь надо разбить магнитный канал устремляясь в другое течение и нейтрализуя электричество противоположным электричеством.

Удалитесь от любимого человека; не храните ничего, что вам это напоминает; оставьте даже ту вашей одежды, как она смогла вас увидеть. Считайтесь утомительными и увеличенными делами, не праздный никогда, ни мечтателен; разбейтесь усталости, несущейся днем, чтобы спать глубоко ночью; ищите амбицию или интерес который надо удовлетворять, и, чтобы их находить, поднимитесь выше чем ваша любовь. Таким образом вы прибудете к спокойствию, или к забвению. То, чего надо избежать главным образом, это - одиночество, кормилица умилений и мечтаний, если только чувствовали себя привлеченными к набожности, как Луиза де ла Валлиэр и г. де Ранке, и если

только не будут искать, в добровольных казнях тела, в смягчении огорчений души.

То, о чем надо подумать, главным образом, то, что абсолют в человеческих чувствах, - идеал, который не осуществляется никогда, здесь - низко; пусть любая красота ухудшится, и пусть любая жизнь исчерпывается; пусть все пройдет, наконец, с быстротой, которая держит престиж; что красивая Элен стала старой беззубой головой, затем, немного пыли, затем, ничего.

Любая любовь, которой не можем и которой не должны признать, - фатальная любовь. Вне законов природы и общества, нет ничего законного в страстях, и надо их осудить к небытию с их рождения их задушив под этой аксиомой: *То, что не должно быть, нет*. Ничто не извинит никогда ни инцеста, ни супружеской измены. Это - стыд, которого целомудренные уши опасаются имени и простые и чистые души которого не должны допустить существование. Акты, которых причина не оправдывает, нет человеческих актов, это - зверство и сумасшествие. Это - падения, после которых надо подняться и вытереться чтобы не хранить грязные пятна, именно эти мерзости приличия должно скрыть и которые мораль, очищенная магнитным дыханием, не могла бы допустить даже чтобы за них наказывать. Увидьте Иисуса, в присутствии удивленной женщины в подделывает, он не слушает тех, кто его обвиняют, он на нее не смотрит для того, чтобы не видеть его красноту и когда ему надоедает его торопя ее судить, он забирается этой большой речью, которая была бы отменой любого штрафа, навязанного человеческим правосудием, если бы она не хотела сказать, что некоторые акты должны остаться неизвестными и как невозможными перед стыдливостью закона: *Смените друг друга и отныне испачкайте не падать больше*.

Вот то, что возвышенный хозяин находит что говорит кое-что сугубо несчастное, обвинителей которого он отказался от того, чтобы слушать.

Иисус не допускает супружескую измену; он это называет развратом и, для любого наказания, он разрешает человека отослать ту, кто была его женой.

Женщина, со своей стороны, имеет право оставлять мужа, который ее обманывает. Тогда, если у нее нет детей, она снова станет свободной перед Природой. Но, если она - мать, она теряет свои права на детей ее мужа, если только он не был явно бесчестным. Отказываясь от него, она отказывается от своих детей; и, если она не чувствует себя печальным мужеством их оставлять и быть иссушенной в их глазах, нужно, чтобы она смирилась героизму материнской жертвы, остающейся вдовой в браке и успокаивающейся боли женщины в самоотверженности матери.

Самки птиц не оставляют никогда свое гнездо, пока у малышей нет не крыльев, почему женщины были бы менее хорошими матерями чем самками птиц?

Идеал абсолюта в любви обожествляет некоторым образом поколение человека и этот идеал требует единства любви. Эта красивая мечта христианства - реальность больших душ и чтобы не унижаться никогда в

тесноте старого мира столько любящих сердец пошло в монастыри умирать и жить в вечном желании. Ошибка иногда сублимирует, но всегда досадная, надо следовательно отказаться от того, чтобы проживать, потому что не бессмертны? Чем больше не есть, потому что пища души превосходит пищу тела, тем больше не идти, потому что у нас нет крыльев?

Счастливый - дворянин *hidalgo* Дон-Кихот: который думает что обожает Дульцинею обнимая крупные ноги, плохо обутые крестьянкой *Tobose!*

Héloïse de Rousseau, которого мы критиковали сейчас столь строго с точки зрения от абсолюта до любви, тем не менее прелестное тем более настоящее создание, чем оно дефектно и воспроизводит в действительно человеческом романе все противоречия и все слабости, которые действовали из Руссо с воспоминаниями бывшего, лакировал Дон-Кихота мужества. Пытаясь напрасно фиксировать мадам де Варан, которой он заметил быть завистливым ее забыв он даже около мадам де Ларнаж, обожая мадам де Удето, которая любила другого, он философски сочетался браком со своей служанкой и если, справедливо, что бедный дорогой человек умер от больших последствий печали, которые ему причинило открытие измены Терезы, надо этим восхититься и ему пожаловаться, ее сердце было сделано чтобы любить.

Для сердца, достойного любви, существует в мире только женщина, но женщина, это божество земли иногда оказывается в нескольких людях божеством неба и его воплощения часто многочисленнее чем превратности *Vishnou*. Счастливые верующие, которые не отчаиваются никогда и кто, в зимы сердца, ожидают возвращения ласточек.

Солнце сверкает в капле воды, это - алмаз, счастливый мир именно тот, когда капля воды сохнет, не думает, что *Je* солнце уходит. Все красоты, которые проходят - только беглые отражения вечной Красоты, единственный предмет наших страстей. Я хотел бы иметь глаза орла и улететь к солнцу, но если солнце приходит ко мне распределяя свои великолепия по каплям росы, я за это поблагодарю Природу меня не огорчая чересчур, когда алмаз исчезнет. Увы для эта ветреный создание, которое меня не любит больше, для жажды идеала его сердца также я был каплей воды; должен ли я ее обвинить и ей проклинать, потому что с ее глазами я стал разбитой слезой, где она не видит больше солнца?

Глава XII

СОЗИДАТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ

Возвышенная страница, которая начинает Гenezис, не является историей совершившегося факта однажды, это - разоблачение созидательных законов и последовательных появлений Сущности.

Шесть дней Моусе - шесть типов света, septenaire которых является великолепием. Это - генеалогия идей, которые становятся формами в порядке вечного символического количества.

В первом дне проявляется единство первой сущности, которая является светом и жизнью и которая выходит из теней неизвестного.

Во второй день проявляют себя обе силы, которые являются небесным сводом или укреплением звезд.

В третьем, различие и союз противоположных элементов производят плодovitость на земле.

В четвертом, Моусе присоединяет четверном чертившееся на небе четыре, основные моменты в круглом движении земли и звезд.

В пятом, появляется то, что должно заказать элементам, то есть живой душе.

Шестой день видит как рождаются человек с животными его помощники.

В седьмой день все функционирует; человек действует и Бог, кажется, отдыхает.

Так называемые дни Моусе - последовательный свет, брошенный количеством Kabbalistiques на большие законы природы, количеством дней, бывших только количеством разоблачений. Именно гenezис науки больше еще наука мира. Она должна повториться в духе любого человека, который ищет и кто думает; она начинается с утверждения заметной сущности и после последовательных консультаций науки она заканчивается отдыхом разума, который является верой.

Давайте предположим человека, который в небытие скептицизма или даже кто систематически располагает в сомнении Декарта. Я думаю, следовательно я есть, он заставляет говорить о Декарте. Давайте не пойдем столь быстро и давайте попросим его: Чувствуете ли Вы, что вы существуете? -Я думаю что существую, ответит скептик и таким образом его первое слово - слово веры.

-Я думаю что существую, так как мне кажется, что я думаю.

Если вы верите чему-то и чем он вам кажется что-то, то, что вы существуете. Следовательно существует что-то, сущность существует, но для вас все - хаос, ничто еще не проявилось в гармонии и ваш разум плавает в сомнение как на воды.

Вам кажется, что вы думаете. Осмельтесь это утверждать чисто и смело. Вы на него осмелитесь, если вы его хотите, мысль - свет душ, не боритесь против божественного явления, которое происходит в вас, откройте ваши внутренние глаза, скажите, что свет будет и она будет для вас. Мысль невозможна в абсолютном сомнении и если вы допускаете мысль, вы

допускаете правду. Вы хорошо вынуждены впрочем это допускать, так как вы не можете отрицать сущность. Правда именно утверждение того есть, и несмотря на вас надо будет ее действительно отличить от утверждения того, чего нет, или из отрицания того, что есть, обе формулы ошибки.

Молчание теперь и давайте сосредоточимся в потемках, которые в нас остаются. Ваше интеллектуальное создание выполнило только что свой первый день! Давайте встанем теперь! Вот новая заря. Существо существует и существо думает. Правда существует, реальность утверждается, суждение требует, причина образовывается и справедливость необходима.

Теперь допустите, что в сущности жизнь. Для этого вы не нуждаетесь в доказательствах. Повинуйтесь вашему сознанию и закажите вашим софизмам, скажите: Я хочу, чтобы это было для меня и это будет для вас, так как уже независимо от вас это должно быть и это есть. Итак, жизнь доказывается движением, движение происходит и сохраняется равновесием, равновесие в движении это - раздел и относящееся равенство в чередовавшихся импульсах и противоположностях силы; следовательно раздел и направление, противоположное и чередовавшееся в силе; сущность вы это показала первый день, сила двойная как для вас его обнаруживает второй свет и эта сила двойной успех в своих взаимных и чередовавшихся импульсах создает небесный свод или универсальное укрепление всего того, что двигается следуя законам универсального равновесия. Эти две силы вы их видите как они функционируют во всей Природе. Они бросают и они привлекают, они соединяют и они рассеивают. Вы их чувствуете в вас, так как вы испытываете потребность привлекать и сиять, сохранять и распространяться. В вас слепые инстинкты качаются прогнозами понимания; вы не можете отрицать, что это было, осмелитесь следовательно утверждать, что это есть, сказанные: Я хочу, чтобы равновесие сделалось во мне и его уравнило, делается и вот ваш второй день это - разоблачение бинарного.

Теперь отличите эти мощности чтобы их соединять лучше, чтобы взаимно они оплодотворили, полейте сухие земли науки живыми водами любви; земля над именно этой наукой работаем и которая измеряется, вера огромна как море. Противопоставьте плотины его излишества но не мешайте ему поднимать его облака и распространять дождь на земле. Земля тогда будет оплодотворена, сухая наука будет зеленеть и будет цвести. Несчастье тем, кто опасаются дождя и кто хотели бы скрыть землю под пеленой бронзы. Позвольте пускать ростки вечные надежды, расцветивать наивные взгляды, оставьте большие деревья подниматься. Символы увеличивают как кедры, они укрепляются как дубы и они несут в них самих семя, которое их воспроизводит. Любовь проявила себя в природе гармонией, священный треугольник наводит блеск на свой свет, число три дополняет божество либо в твоём идеале либо в возвышенном сознании о тебе самом. Твое понимание стало матерью, потому что оно было оплодотворено талантом веры. Здесь давайте остановимся, так как это чудо света достаточно во славу третьего дня.

Теперь подними глаза и созерцай небо. Увидь великолепие и регулярность звезд. Возьми компас и телескоп астронома и верховую езду чуда в чудо, считай возвращение комет и расстояние солнц все это движется следуя законам восхитительной иерархии. Вся эта безграничность, полная мира, захватывает и превосходит все усилия человеческого понимания. Она следовательно *inintelligente*? Справедливо, что солнца не идут, где они хотят и чтобы планеты не вышли из своей орбиты. Небо - огромная машина, которая может быть, не думай, но которая разумеется обнаруживает и воспроизводит мысль. Четыре основных момента неба *équinoxes* и солнцестояния, восток и запад, Зенит и Надир есть на своем посту часовые и мы предлагаем загадку разгадать; письма имени *Jehovah* или четыре элементарные и символические формы старого сфинкса *Thèbes*. Прежде чем ты учился читать, осмелюсь верить и заявлять, что направление, скрытое в этих деловых бумагах неба. Пусть порядок для тебя обнаружит разумное желание и если природа - еще с твоими глазами только машина, бессильная идти сама себя, если ты сомневаешься в независимом двигателе, образуй глаза и отдохни усталость твоего четвертого дня. Завтра мы к тебе проявим чудеса самостоятельности.

Муха, которая жужжит, канат и помещается, где он он, *plait*, *Ie* червяк, который ползет в его волю вдоль влажных берегов, имеют что-либо удивительное, что солнца, так как они автономны и не двигаются как винтики фатального механизма. Рыба свободна и радуется в волне, она поднимается искать ее корм на площади. Шум его пугает, он дрожит и убегает в от вазы отталкивая воду, которая кипит, птица раскалывает воздух направляясь в свою волю; он выбирает дерево или стену, где он сделает свое гнездо; затем он помещается и поет, он затем идет ищущим, ворошишь и травы, он сжимает рождение своих малышей. Это он, кто думает или о ком-то, кто думает для него? Ты сомневался в понимании мира, сомневался ли бы ты в понимании птиц? Если птицы свободны под небом не раб, которому следовательно повинуется небо, если это не принадлежит тому, кто дает свободу птицам, но небо - не раб, оно подвергнуто восхитительным законам, которые ты можешь понять и кому солнца повинуются не нуждаясь в том, чтобы о них знать. У тебя есть понимание неба и в этом названии ты огромнее чем само небо. Ты - творец ли и регулятор мира? Нет; этот творец это - другой без сомнения, но ты доверенное лицо и так сказать коадьютор. Не отрицает твой хозяин, это было бы тебе отрицать самого ребенка *Sopernic* и Галилея. Ты можешь создать с ними небо науки; ребенок неизвестного творца, смотрит на эти тысячи миров, которые живут в безграничности и склонись перед властительницей понимание твоего Отца.

Звезда главного понимания сил, звезда в пяти верхушках, *pentagramme* Каббалистов и микрокосмос *Pythagoriciens* появляется в пятый день. Ты знаешь теперь, что предмет не мог бы двигаться, без того чтобы разум им направил и ты хочешь порядок в движении; ты собираешься понять человека и ты собираешься способствовать тому, чтобы его создавать.

Вот появляться формы для всех сил природы, которые толкает высшая самостоятельность к тому, чтобы становиться они сами, автономные и живые. Все эти силы тебе будут подвергнуты и полностью соответствующими, фигурами твоей мысли. Слушание rugir лев и ты услышишь эхо твоего гнева, мастодонт и слон высмеивают припухлость твоей гордости; ты хочешь на них походить, ты, их хозяин. Нет, надо их покорить и их произойти использовать для твоих обычаев, но чтобы им навязывать твою власть надо вначале покорить в тебе даже недостатки, среди которых многие из них являются употреблением.

Если ты прожорлив как роусеау, чувственный как козел, жестокий как волк или вор как лиса, ты - только животное, скрытое человеческим рисунком. Царь зверей, встань в твоём достоинстве и твоего достоинства, давайте сделаем человека; скажи: я хочу быть человеком и ты будешь тем, чем ты захочешь быть, так как Бог хочет, чтобы ты был человеком, но он ожидает твое согласие, потому что он тебя создал свободный; и почему? Дело, в том, что любой монарх должен быть избранным единодушно и провозглашенным своим паритетом, то, что единственная свобода может включить и удостоить божественную власть; дело, в том, что нужно Богу это большое достоинство человека, чтобы человек смог законно обожать Бога.

Оккультизм Бога необходим типа оккультизма науки, если Бог проявлял себя всем людям ярким и неоспоримым образом, догма вечного ада царила бы во всем его ужасе. У человеческих преступлений не было бы больше обстоятельств, *atténuantes*.

Люди были бы вынуждены действительно действовать или навсегда проигрывать, то, что Бог не мог бы захотеть и хочет; нужно, чтобы догма осталась целой и чтобы милосердие хранило его огромную свободу.

Бог (если хотим нам позволить по примеру больших Каббалистов и авторов, вдохновленных Библией, тем, что они ему сюда предоставляют человеческий облик)

У бога есть две руки: одна чтобы наказывать, другой зависеть и благословлять.

Первая связана игнорированием и слабостью человека. Другой хочет быть всегда свободным и именно для этого Бог не вынуждая никогда нашу веру соблюдает наша свобода.

Ход равнодушного человеческого разума Бога скор. Культы без власти падают в философию, которая повреждается сама в материализме.

Единственная крепкая религия, та, кто может сказать *possumus, может* и будет всегда мочь что-то, так как она обладает каналом образования, реальной эффективности таинств, магии культов, иерархической законности и чудесной власти глагола. Пусть она оставит следовательно не нарушаясь атеизм и материализм происходить. Это - два неистовых цербера чтобы хранить дверь и они съедят всех его врагов.

Я знаю, что большое количество моих читателей меня обвинят в противоречии; не понимаем, что я поддержу руки алтари католичества и что другого я безжалостно ударю на всех ошибках и на всех злоупотреблениях, которые

произошли и происходят еще под именем и в тени католицизма. Слепые католики испугаются моих смелых интерпретаций и так называемые вольнодумцы возмущаются, чтобы они называют моими слабостями для религии, которую они считают упавшей в презрение, потому что они ее оставили. Я также не нравлюсь христианам Veillot и философам Proud' hon. Это не должно меня удивить, я к этому готовился, я не огорчаюсь и я не скажу даже, что я этим горжусь. Я предпочел бы нравиться всему миру, потому что я искренне люблю всех людей, но, чтобы надо будет выбрать между правдой и уважением, кого бы, то ни было, даже от моих наиболее дорогих друзей, я буду всегда выбирать правду.

Римская Церковь, как говорят, только тень, именно спектр смотрит к прошлому и который может действовать только назад. И каждый день однако жалуемся на свои вторжения. Она захватывает детей и женщин, свойствами, геном короли, задерживает движение народов и силу, даже, которая ее использует, золото банкиров Евреи и кровь, voltairien, Франции.

Эта больная, осужденная так количеством врачами, насмехается над пилюлями Sganarelle и упорствует в том, чтобы не умирать. Дело, в том, что вопреки большим мыслителям и красивым, diseurs, у нее есть ключи вечной жизни. Чувствуем, что, если она погаснет, Бог навсегда скрывается от нас, и бессмертие души уходит.

Глубоко настоящая вещь и которая, однако, будет казаться парадоксальной: дело, в том, что все диссидентские христианские культы проживают только возвышенное упрямство радикального католицизма. Я вас спрашиваю немного, против кого протестовали бы Лютер и Кэльвин, если бы папа уступал и предоставлял преимущество лютеранам или кальвинистам. Если папа допускает в принципе свободу совести, он заявляет, что его правда, ему, сомнительна. Итак, правда, ему, это не является этим системы, это не является этим секты, это не является этим религиозной фантазии, это это правоверное человечество, это это Hermès и Moïse,

Это это Иисус Христос, именно та святого Поля, святого Огюстена, из Fénelon и из Bossuet, они все более больших мыслителей и более больших людей Prud' hon, доктор Гарнье, скептик Жирарден и nihilistes Неких господ или Жана человека, вас слушайте?... Слушаете ли Вы?

Нет, папа не должен сказать, что в вопросе о религии мы свободны подумать о том, чем, хорошее нам кажется. Именно странный способ понимать свободу хотеть вынудить высший глава абсолютной Церкви быть терпимым, когда очевидно, что терпимость была бы самоубийством своей духовной власти. Именно снисходительность и не терпимость должна людям и их ошибкам представителя Иисуса Христа. Церковь это - милосердие: все то, что против милосердия, против нее. Она держится и продолжается непрерывно только милосердием. Постоянным чудом ее хороших произведений что она должна доказать свое божество миру.

Если подтвердить ее господство на земле, она не должна вербовать зуавов, но она может создать святых. Она навсегда смогшийся забыть эту большую речь хозяина: вначале ищите господство Бога и его справедливость и так далее, вам будет дан сверх того.

Глава XIII

ОЧАРОВАНИЕ

Церковь осуждает и должна осудить магию, потому что она присвоила себе монополию. Окультиные силы, которые бывшие маги использовали чтобы обманывать и подчинять множества, она должна этим пользоваться чтобы прогрессивно освещать умы и работать в освобождении от душ иерархией и моралью..

Она это должна боясь мертвого, но мы уже сказали, что она бессмертна и что очевидная смерть может быть для нее только регенерирующей работой и преобразованием.

Среди сил, которыми она располагает и которые можем использовать употребление, либо для добра либо для зла, надо насчитать в первом ряду мощност очарования.

Заставлять поверить в невозможное, показывать невидимое, заставлять трогать нечувствительное воодушевляя воображение и в фантастическом смысле, захватывать так же интеллектуальную свободу тех, что связывается и которое развязывается по желанию; это - то, что призываем очаровать.

Очарование - всегда результат престижа.

Престиж - постановка власти, когда это не ложь.

Увидьте Moyses, когда он хочет ратифицировать десять заповедей, он выбирает наиболее терпкую гору пустыни, он его окружает барьером, который никто не сможет преодолеть не будучи поражен мертвым! Там он поднимается на шуме трубы чтобы беседовать лицом к лицу с Adonai и когда приходит вечер, вся гора курит, гремит и освещается прекрасной пиротехники. Народ дрожит и падает ниц, он думает что чувствует как земля волнуется, ему кажется, что скалы прыгают как бараны и что холмы колыхающиеся как стада, затем, как только вулкан погаснет, как только громы прекратились, как thaumaturge медлит чтобы вновь появляться, толпа восстает и хочет в любой силе, чтобы ей дали своего Бога? Adonai пропустил свой результат, он насвистывается и ему противопоставляется золотой телец. Флейты и тамбурины совершают пародию трубачей и гром и народ, видящий, что горы не будут танцевать больше, принимается танцевать в свою очередь. Moyses взбешенная, разбивает скрижали закона и изменяет свой спектакль в спектакле огромного массового убийства. Праздник утоплен в крови, подлом множестве видя молнии меча, возобновляется чтобы верить в тех молнии, она не

осмеливается отмечать больше голову чтобы смотреть на Moyses, ужасный законодатель стал сверкающим как Adonaï, у него есть рога в качестве Bacchus и как Юпитера Ammon и отныне он не появится больше, чем покрытый пеленой чтобы страх был длителен и чтобы очарование продолжилось непрерывно. Никто отныне будет безнаказанно не сопротивляться этому человеку, чей гнев поражает как самум и у кого есть тайна гремучих потрясений и неугасимого пламени. У священников Египта были без сомнения естественные знания, в которые наши должны были прибыть только намного позже. Мы сказали, что маги, assyriens, знали об электричестве и могли имитировать гром.

С разницей, которую между Юпитером и Thersite, у Moyses были те же мнения как у Марата. II думал, что для спасения народа, предназначенного становиться светом мира несколько потоков крови не должны были заставить отступить епископа будущего. Чего не достало в Марате для существования ле Муаз Франции? Две большие вещи: талант и успех. Впрочем Марат был смешным карликом и Moyses была гигантом, если надо верить божественной интуиции Мишеля Анж.

Осмелимся сказать, что законодатель Иврита был обманщиком? Не является никогда обманщиком, когда посвящаемся. Этот хозяин, который осмеливался играть такой воздух любой власти на ужасном инструменте смерти, посвятился первый анафеме чтобы искупать выплаченную кровь; он вел свой народ к Земле Обетованной, где он даже, он действительно знал, что только он не вошел бы. Он исчез однажды в середине пещер и бездн как OEdipe в буре и никогда поклонники его таланта не смогли обнаружить его кости.

Мудрецы бывшего мира, убежденные в необходимости оккультизма скрывали с заботой науки, которые их делали до некоторой степени главными природы и этим пользовались только чтобы давать их образованию престиж божественного сотрудничества. Почему их за это порицали бы? Мудрец, не является уполномоченным Бога около людей? И когда Бог ему позволяет усыпить или разбудить его молнию это не никогда он, кто гремит министерством его посла?

Надо было бы положить в Charenton довольно безумный человек чтобы говорить: Я знаю о несомненной науке, что Бог есть, но тот еще был бы бессмысленнее, который осмелился бы говорить: Я знаю, что Бог не будет существовать: Я верю в Бога, но я не знаю того, чем он является. Вот однако приходит от тысяч мужчин, женщин и детей, которые вам говорят: Я это увидел, я его тронул, я действовал лучше еще, я его съел и я его чувствовал живя во мне. Странное очарование абсурдной речи, если он было даже победно убедительно там когда-либо и там, потому что оно красиво заставить отодвигать причину и которая восхищает энтузиазм: Это - мое тело, это - моя кровь!

Он сказал об этом, он, Бог, который собирался умереть чтобы возродиться во всех людях. Люди веры самостоятельно поймите как Бог сам должен был умереть чтобы нас заставлять принимать тайну смерти.

Бог завел себе человека для того, чтобы делать людей Богом. Воплощенный бог это - человечество, ставшее божественным. Пожалуйста, увидите Бога, посмотрите на ваших братьев. Пожалуйста, любите Бога, любите себя одни их другие. Возвышенная и триумфальная вера, которая собирается торжественно открыть господство универсальной солидарности, наиболее возвышенного милосердия поклонения несчастья! То, что вы делаете в наименьшем, то есть возможно в наиболее невежественном, наиболее виновному из ваших братьев вы это делаете мне и Богу. Включите это несчастные инквизиторы, когда вы терзали J.-C. когда вы сожгли Бога....

Конечно поэзия больше чем наука, и вера грандиозна и великолепна, когда она властвует и покоряет причину. Жертва для виновника безрассудна но наиболее эгоистичная причина вынуждена ею восхищаться. Здесь большое очарование Евангелия и я признаю, чтобы как должны были мне оценить немного сумасшествия, я враг мечтаний, я противника воображений, которые хотят привлечь к себе умение, я остаюсь очарованным и я хочу им быть, я обожаю закрывая глаза чтобы не видеть вражеские искры, потому что я не могу воздержаться от того, чтобы полагать в свет, огромный но еще окутанный покрывалом на основании бесконечной любви, что я чувствую как зажигаются в моем сердце.

Все большие чувства - очарование и все настоящие большие люди - соблазнитель множества *Magister dixit*. Именно хозяин об этом сказал. Вот большая причина тех, кто родились чтобы быть вечно учениками *Amicus Plato, sed magis amica veritas*, я люблю Platon но я предпочитаю правду, речь человека, который чувствует себя равным Platon и кто следовательно должен быть хозяином, если он обладает как Platon или как Аристотом дотация очаровывать и увлекать школу.

Иисус говоря о людях толпы говорит: Я хочу, чтобы смотря они не увидели и чтобы слушая они не услышали, так как я опасаясь их конверсии и я испугался бы их вылечивать. Читая эти ужасные слова того, кто жертвовал собой в *philanthropie*, я думаю об этом Crispinus, о котором Juvénal сказал:

At vitiis oeger solaque libidine fortis. Epuisé всеми недостатками, он обязан остаток сил только температуре разгула. Какой сочувствующий врач желал вылечить температуру Crispinus? Это светило убивать.

Несчастье профанам множества, которые не очарованы больше идеалом больших полномочий! Несчастье дураку, который, остающийся дурак не верит больше ни в божественную миссию священника ни в предопределенный престиж короля! Так как ему нужно какое-то очарование и он подвергнется очарованию золота и резких наслаждений и неизбежно будет вовлечен вне любой справедливости и любой правды.

Природы самой, когда идет речь о том, чтобы вынуждать существ выполнять ее большие тайны, действует в качестве властительницы жрица и одновременно очаруй смыслы, умы и сердца. Две магнитные фатальности, которые встречаются, образуют непобедимое провидение, которому дается имя любви. Женщина тогда превращается и становится сифидой, одной погибающий, фея, ангел. Человек становится героем и почти Богом. Они достаточно обмануты эти бедные невежды, которые обожают друг друга и какое разочарование они сейчас готовятся сытости и пробуждения. Задерживать этот час, это - большая тайна брака. Надо продолжить любой ценой ошибку, снабжать сумасшествие, увековечивать непонятное разочарование, жизнь тогда становится, комедия, где муж должен быть возвышенным одним артист, всегда на сцене, если он не хочет быть высмеянным как Pantaléon итальянского фарса; или женщина должна основательно изучить свою роль большой кокетливого и вечно скрыть свои наиболее законные желания, если она не хочет, чтобы разучились это желать сами. Хорошее домашнее хозяйство это - скрытая борьба каждодневное, среднее утомительное и трудное но увы, единственное средство избежать открытой войны.

Две великие державы в человечестве: талант, который очаровывает и его воодушевляет, который исходит из очарования. Увидьте этого маленького бледного человека, который шел бы во главе огромного народа солдат, если бы у него спрашивали, куда вы их ведете: В смерти смог бы ответить прохожий, лишенный иллюзий; в славе они воскликнули бы поднимая торчком свои усы и заставляя раздаваться настурции своих ружей. Все эти старые брюзги - верующие как Polyeucte; они подвергаются очарованию серого сюртука и маленькой шляпы. Также, когда они проходят, короли их приветствуют снимая свою крону и когда их раздавливаем в Ватерлоо, они клянутся против ливня металлолома, как если бы шла речь о простом плохом времени и падают все детали бросая ртом Cambonne игривый вызов в смерть.

Существует животный магнетизм но выше того, кто чисто физический, надо насчитать человеческий магнетизм, который является настоящим духовным магнетизмом. Души поляризованы как тела и духовный или человеческий магнетизм - то, что мы называем силой очарования.

Излучение большой мысли или мощного воображения у человека определяет притягательный вихрь, который скоро дает планеты интеллектуальному солнцу, планетам, спутники. Большой человек на небе мысли, это - очаг мира.

Неполные существа, у которых нет счастья подвергаться умному очарованию, падают сами под властью фатального очарования; таким образом происходят головокружительные страсти и галлюцинации самолюбия у дураков и у сумасшедших.

Светящееся очарование и черное очарование. Thugs Индии влюблены в смерть. У Марата и у Lascenaire были сеиды. Мы уже сказали, что черт - карикатура Бога.

Следовательно давайте определим поддерживая очарование. Это - магнетизм воображения и мысли. Именно это господство осуществляет сильное желание на слабое желание производя восторженность концепций, воображаемых и оказывающих влияние на суждение у существ, которые еще не дошли до равновесия причины.

Уравновешенный человек - тот, кто может сказать: я знаю то, что есть, я верю в то, что должно быть и я не отрицаю ничего тех, что может быть. Очарованный скажет: Я полагаю, что люди, в которых я верю, мне сказали что верили; иными словами я верю, потому что он мне *plaît* верить. Я верю, потому что я люблю некоторых людей и некоторые вещи (здесь могут поместиться некоторые всегда трогательные фразы и которые не доказывают никогда ничего. Вера предков! Крест моей матери!) иными словами первый сможет сказать, я верю причиной и второе я верю очарованием.

Верить на основании других, это может быть дозволенным и это должно быть даже рекомендованным детям. Если вы мне скажете, что Bossuet, Паскаль, Fénelon были большие люди и что они верили в очевидный абсурд, я вам отвечу, что я с трудом это допускать, но наконец это было настоящим, это только доказало бы, что в этом обстоятельстве эти большие люди действовали как дети.

Паскаль как говорят, думал всегда что видел пропасть, открытую при нем. Мне кажется, что не испытывая нехватку в уважении к таланту Паскаля можем не верить в свою пропасть, очарованный человек теряет свою свободную волю и могилу полностью под управлением соблазнителя. Его причина, которую он может хранить целой для некоторых безразличных вещей, абсолютно превращается в сумасшествии, как только вы пытаетесь его просвятить о вещах, которые ему предлагаются, он не видит больше, он слушает чем глазами и ушами тех, кто над ним господствуют; заставляя ему трогать правду, он вам поддержит, что то, что он трогает, не существовало. Он думает что напротив видит и что трогает невозможное, который ему утверждаем. Святой Игнатий составил молитвы чтобы обрабатывать этот род очарования у своих учеников. Он хочет, чтобы каждый день в молчании и в темноте новичок Ордена иезуитов осуществил свое воображение которое создало чувствительный рисунок тайн, что он, *cherche.à* видеть и что он действительно видит в добровольной и бодрой мечте, что ослабление его мозга может обеспечить из ужасной реальности все кошмары St Антуана и все ужасы ада. Через подобных занятиях сердце закаляется и атрофируется ужаса, причина колеблется и погаснет. Игнатий погубил человека но он сделал иезуита и весь мир собирается быть менее силен чем этот грозный *androïde*.

Ничто не неумолимо как машина. Поднятый раз оно не останавливается больше, если только его не разобьют.

Создавать тысячи машин, которые можем подняться речью и которые идут через мир осуществлять всеми возможными средствами мысль водителя, вот произведение Louola. Надо признать, что его изобретение большое очень иначе, что математическая машина Паскаля.

Но это произведение, духовное ли оно? Да, конечно в мыслях о его авторе и всех людях, достаточно посвященных тому, что они считают добром чтобы становиться таким образом слепыми винтиками и автоматами без самостоятельности. Никогда зло не увлечет людей до такой степени, никогда сама причина и простой здравый смысл не возьмут у них подобную восторженность. У философии не будет никогда подобных солдат. Демократия может иметь сторонников и мучеников, у нее не будет никогда настоящих апостолов, способных жертвовать за нее их самолюбием и их деятелем в целом. Я узнал и я еще знаю честных демократов. Каждый из них точно представляет силу изолированного индивида. Иезуит называет легион. Почему человек столь холоден, когда идет речь о причине и столь горячая, когда надо вести бой за некоторую химеру? Дело, в том, что человек несмотря ни на что его гордость - дефектная сущность, то, что он искренне не любит правды, то, что он напротив обожает иллюзии и ложь. Видя, что люди - сумасшедшие, сказал святой Поль, мы желали их спасти самим сумасшествием, навязывая добро в ослеплении их веры. Вот большая тайна католицизма святого Поля, сращенная на христианстве Иисуса и дополненная Иезуитством святого Игнатия де Луаола. Нужен абсурд во множестве. Общество состоит из маленького количества мудрецов и огромной толпы бессмысленных. Итак, следует желать, чтобы бессмысленными управляли мудрецы.

Как прибывать туда? Как только мудрец показывается то, чем он является, его отталкиваем, на него клеваем, его изгоняем, его распинаем. Люди не хотят быть убежденными, они ожидают, что им это навязываем; следовательно нужно, чтобы апостол смирился внешности обмана чтобы обнаруживать, то есть возродить правду в мире ему давая новую пелену. Что действительно, что индикатор? Именно незаинтересованный обманщик, чтобы его иносказательно приводить к добру, обманывает подлое множество. Что подлое множество? Это - огромный торф дураков, дураков и сумасшедших, несколько, были впрочем их названия, их ряд в обществе и их богатства.

Я знаю, что будем говорить о большом неопределенном достижении, что я назову скорее необъяснимым, так как, если знания увеличиваются в человеческом роду, раса очевидно не улучшается. Скажем также, что, если бы подготовка законно была распространена, все преступления исчезали бы, как если бы по необходимости подготовка должна была обеспечить лучших людей, как если бы Робеспьер и Марат эти устрашающие ученики Руссо не получили высшее образование в высшем образовании Руссо самого. Аббат Сердце и Lacenaire были повышены в том же колледже. Господин Praslin, доктора Кастаньи и Larommeraye пользовались всеми льготами современного воспитания. Elicabide учился в семинаре. Преступные образованные наиболее

полные и наиболее устрашающие всех преступных и никогда их подготовка им не помешала плохо делать, в то время как видим как простые и неграмотные люди осуществляют без усилий наиболее восхитительные достоинства. Воспитание развивает способности человека и ему дает средство удовлетворять его склонности, но оно его не изменяет. Преподавайте математику и астрономию дураку, вы из этого возможно заведете себе Leverrier но вы из этого не сделаете никогда Галилей.

Настоящий род людской состоит из нескольких людей и из очень большого количества смешанных существ, которые держатся немного от человека и много от орангутанга или от гориллы. Он там однако, которые могли бы потребовать сходство менее огромных и более красивых обезьян: именно эти любезные, *socodés* служат самцами и *Jocrisses* для наших кокоток. Я спрашиваю себя, Бог, может ли он иметь рай в качестве этих животных и у него было ли бы когда-то мужество их осуждать в аде.

Когда эти звери готовятся к тому, чтобы умирать вот, иногда их маленькая человеческая сторона, которая просыпается и их мучает, призываем священника, священник приходит и почему он не пришел бы?

Милосердие не хочет, чтобы были задушены искры, но чтобы им говорить? Они не поймут ничего разумного, надо их очаровать знаками, масляными натираниями, благословениями, отпущениями грехов *при смерти*. Вышитый меховой шарф красивая дароносица ярко-красной. Они говорят о том, о чем их заставляем говорить, позволяют себе делать все то, что хотим им сделать и умирают спокойными с благословением Церкви. Это не написано в Евангелии, что Бог спасет людей и животных. *Homines u jumenta salvabis Властвует.*

Создания Природы постепенны в последовательности наличных и рас, но расы и наличные растут и уменьшаются как власти и индивиды. Все народы, которые сверкали, начинают прогрессивно погаснуть и у человечества в целом будет судьба наций. Когда наполовину глупые люди исчезнут в ближайшем бедствии, появится без сомнения новая раса сильных и разумных существ, которые будут в нашем виде тем, что мы принадлежим в расе обезьян.

Тогда только души действительно будут бессмертны, так как они станут достойными и способными сохранять воспоминание.

Ожидая точно, что далеко от того, чтобы прогрессировать настоящий человеческий род приходит в упадок. Устрашающее явление происходит в душах, у людей нет больше божественного смысла и женщин, которые не являются машинами в тщеславии и в сладострастии, ищут в вере, что они любят абсурд, что убежище против причины, которая им причиняет неприятности. Поэзия умерла в сердцах. Наша молодежь читает V. Hugo, но она восхищается в этом большом поэте только подвигами речи и примерами, процитированными из мысли, в сущности ее, предпочитает Proud' Hon, находит немного много чувствительности в Renan и смотрит на как серьезных людей г. Тэн и докторов Чердак и Buchner. Чрезмерно шутим в театре над всеми

прежними щедрыми чувствами, это больше не является сильным взрывом смеха Рабле, исправляющего человеческую глупость, это - насмешка потешной пошлости, которая надругается во всех достоинствах.

Он - там любовь как честь, именно старый святой не будем безработным больше. Само имя наиболее большого чувства и наиболее красивого чувства, что смогла внушить Природа, больше не почти ставка в разговоре людей приличного общества и упадет возможно скоро в непристойный словарь. О чем думают наиболее честные и лучше всего хранившиеся девушки, те например, которых воспитываем до монастыря Птиц или до Проклятого - Сердце. Это в мягкости взаимной привязанности? Ёі следовательно надо было бы признаться этого и не осмелились бы его признавать перед своими подругами. Они думают о великолепиях богатого брака, они мечтают о машине и о замке. Будет действительно со всем этим муж, с которым надо будет приспособиться, но лишь бы только у него было красивое имя, лишь бы только он смог действительно представиться и лишь бы только он положил хорошо его галстук, его найдем очень достаточным.

Я не совсем мизантропом и я здесь не делаю себе сатиру моего века, я констатирую духовное ослабление в человеческом роду чтобы доходить до того чтобы заключать, что *magisme* более чем когда-то своевременно и что со столь бедными существами надо очаровать чтобы иметь успех.

Он оказывается в Евангелии предписаний, всю возвышенность которого могли прежде чувствовать и которые в наши дни казались бы почти смешными, потому что люди больше не являются теми же.

-Тебя собирается усадить на последнем месте условленный Иисус и тебя пригласим пройти на первой. - если ты садишься на последнем месте, ты там останешься и это будет хорошо сделано, отвечает на это современный мир.

-Если хотим взять твою тунику, дай также твое пальто, о котором считают Евангелием. - и когда ты будешь совсем гол, Робер Макер тебя благословит и полицейский тебя увезет на пост для оскорбления нравственности, отвечает безжалостный логик.

-Не думайте на следующий день, говорит о Спасателе. - И на следующий день после дня, когда, нищета вас удивит, никто не будет думать о вас, отвечает мир.

-Ищите небесное царство и его справедливость и так далее, вам будет дан сверх того. - Да, когда вы найдете, но не в то время как вы будете искать и я опасаюсь, что вы искали долго.

- Несчастье тем, кто смеются, они будут плакать: счастливый те, кто оплакивают, так как они будут смеяться. - с вашего позволения, Наш Сеньор, эти - качели это как если бы, вы говорили: счастливый больные, потому что они ожидают здоровье и несчастный человек те, кто направляются хорошо, потому что они ожидают болезнь. Если те, кто смеются, несчастны и если у вас нет ничего что надо обещать счастливым, которые оплакивают, что несчастье

смеяться в свою очередь, который следовательно будет действительно счастлив.

- Не сопротивляйтесь злему человеку, если кто-то вас поражает на щеке, протяните ему другого. - Положительно безнравственная максима. Не сопротивляться злему человеку это значит быть его сообщником.

Клониться другой играет в того, кто вас несправедливо поражает, это значит одобрять ее покушение и провоцировать второе, когда вы будете клониться другая щека и получите вторую пощечину, какую партию вы должны взять? С вами сражаться с нападающим? Зачем тогда ожидать второе оскорбление. Протягивать лицевую сторону для того, чтобы получать немного более низкий пинок? Это было бы гнусно и смешно.

-Вот то, на что отвечал бы на возможно наиболее возвышенные максимы из Евангелия разум нашего века, если бы оно было довольно верно, довольно смело, чтобы говорить также свободно. И должно было бы быть в наши дни огромное недоразумение между Иисусом Христом и людьми. Наш век не чувствует себя больше возвышенного и не включает больше героев. Garibaldi - для наших государственных деятелей только мало забавное воплощение Дон-Кихота.

Именно серьезный полишинель, сразившись с несколькими комиссарами и отбиться между вкрадчивыми когтями кошки, закончится однажды быть унесенным чертом в большой взрыв смеха зрителей.

Мир без религии, сказал о графе Жозефе Maistre и это для этого, добавим мы, что он нуждается более чем когда-то в престижах и в жонглерах.

Когда не верим больше в священника, верим в колдуна и мы написали наши книги главным образом для священников, чтобы становясь настоящих волшебников они не должны больше опасаться от имени колдуна незаконной, конкурируй. Автор этой книги принадлежит священнической богатой буржуазной семье и тебя не забывал никогда.

Пусть священники снова станут ученые и пусть они удивят мир, пришедший в упадок величиной характера; пусть они поместятся выше маленьких интересов и маленьких страстей; пусть они сделают чудеса филантропии и мир будет с их ногами, пусть они сделают даже другие чудеса, пусть они вылечили больных их трогая, зуав Джекоб его хорошо сделал; пусть они будут учиться одним словом очаровывать и они будут учиться царить.

Очарование играет большую роль в медицине, большая репутация доктора заранее вылечивает его больных. Неловкость г. Нелатон (если известный практик был способен из этого делать одну) имела бы успех возможно лучше чем вся ловкость обычного хирурга. Рассказываем, что врач отмечается будучи пишущий формулировку пластыря для человека, который терпел жестокие боли, говорит сиделке: вы к нему собираетесь применить это незамедлительно к груди и он ему вручал бумагу. Хорошая женщина, которая была больше чем проста, полагала, что это означало само постановление и ее

применило очень теплое к ее больному с немного льняным семенем; больной незамедлительно чувствовал себя утешенным и следующий день был вылечен.

Таким образом большие врачи вылечивают наши тела и таким же образом аккредитованные священники умеют вылечивать наши души.

Когда я говорю в этой главе начала человеческой утраты права, я слышу там только явления, которые я могу соблюсти и я не заканчиваю из *affaiblissement* расы в утрате права целого вида. Несмотря на такое количество печальных симптомов, я еще надеюсь на достижение до разрушения или скорее до превращения человека. Я полагаю, что Мессианизм вначале придет и *regnera* во время длинного продолжения веков. Я надеюсь, что человеческий род скажет о своем последнем слове, иначе чем она его сделала в цивилизациях Ninive, Тира, Вавилона, Афин, Рима и Парижа. То, что могли бы принять за дряхлость, я люблю полагать, что это - утомления детства. Но сам Мессианизм не является доктриной *Eternité*, будет, говорит святой Жан, новое небо и новую землю. Новая Иерусалим придет только новыми народами выше людей в настоящее время, затем будут изменения еще. Когда наше солнце будет непроницаемой планетой, из которой мы будем спутником, который знает, где мы будем тогда и в какой форме мы будем жить? То, что точно, то, что существо - существо, то, что оно не выходит из небытия, которое не и откуда следовательно ничто не может выйти. Дело, в том, что он не возвратится в это небытие, откуда он не смог выйти. Все то, что есть, было, есть и будет.

Ehieh ascher Ehieh.

אהיה אשר אהיה.

Давайте возвратимся в очарование и его производить. Это средство в целом в мощности желания, которое воодушевляется не напрягаясь и которое упорствует спокойно.

Не будь безумен и сумейте справедливо полагать, что вы являешься чем-либо большим и сильным; слабые и малыши вас примут по необходимости за то, что вы думаете-. Это - только дело терпения и времени.

Мы сказали, что будет существовать чисто физическое очарование, которое принадлежит магнетизму; несколько людей этим естественно одарены и можем дать себе способность ее осуществлять постепенной восторженностью раздражительного аппарата.

Знаменитый г. Ом, который иногда использовал возможно в качестве шарлатана эту исключительную способность, ею обладает не умея в этом отдать себе отчет, так как понимание, очень ограниченное для всего того, что присоединяется к науке. Зуав Джекоб - наивный соблазнитель, который верит в сотрудничество умов. Умелый фокусник Робер Уден присоединяет очарование к *prestesse*. Вельможа, которого мы знаем, ему днем спросив об уроках белой магии; светивший Робер Уден преподавал некоторые вещи, но он сохранил другие, которые он заявил что не смог преподавать. Это - необъяснимые вещи для меня самого, говорит он, и которые дорожат моей личной природой, если я

вам об этом говорил, вы об этом не знали бы почти больше и я не мог бы вас давать возможность никогда их осуществлять.

Это чтобы для меня использовать заурядным выражением искусство или способность пускать пыль в глаза. Видим, что у всех магий есть их несказанные тайны даже белая магия Робера Уден.

Мы сказали, что это - акт высокой филантропии очаровывать дураков чтобы их заставлять принимать правду, как если бы это была ложь и справедливость, как если бы - пристрастие и привилегия перемещать эгоизм и жадности заставляя надеяться тем, кто жертвуют собой здесь низко огромное и исключительное наследство на небе.

Но мы должны сказать также, что все те, кто считается достойными нести имя людей, должны соблюдая ошибку детей и слабых использовать все усилия своей причины и своего понимания чтобы ускользнуть сами от очарования.

Жестоко быть лишенным иллюзий, когда ничто не заменяет иллюзии и когда пропавшие миражи и погашенные сумасбродные огни оставляют душу в потемках.

Лучше бы верить абсурду чем не верить ни во что, лучше бы быть еще жертвой, чем труп. Но мудрость точно состоит из довольно крепкой науки и из довольно разумной веры чтобы исключать сомнение. Сомнение действительно - нащупывание игнорирования. Мудрец знает некоторые вещи; то, что он знает трубу которая предполагает существование того, чего он не знает. Это предположение, именно вера уверена не меньше чем наука, когда она имеет целью необходимые гипотезы и пока она смело не определяет того, что остается необъяснимым.

Человек действительно человек понимает престижи им не подвергаясь, он верит по правде без грома ни трубачей и не нуждается больше чтобы думать о Боге каменного стола или стола ковчега, чем золотого тельца. Он не нуждается даже в том, чтобы чувствовать, что он должен быть справедливым, что ему будем говорить о большом прибыльном или о вечном мстителе. Он об этом достаточно предупрежден его сознанием и его причиной. Если ему скажем, что боясь вечной муки он должен допустить, что три делают одну, что человек или кусок хлеба - Бог. Он вполне знает, в чем там держаться друг за друга на угрозе и воздерживается действительно от того, чтобы насмеяться над тайной прежде чем изучить происхождение и знать о досягаемости; игнорирование, которое отрицает ему будучи кажущийся также смелым по крайней мере как игнорирование, которое утверждает, но он не удивляется никогда ничему и когда идет речь о темных вопросах, он не принимает окончательное решение никогда с поспешностью.

Чтобы ускользнуть от очарования вещей, не надо недооценивать ни преимущества ни привлекательность.

Давайте последуем в этом за образованиями Гомера. Ulysse не лишается слышать пение сирен, он принимает только наиболее эффективные меры, чтобы это удовольствие его не задержало в своей поездке и ее не вовлекало

тем, что разбилось на подводных камнях. Он разрушает разрезание Círcé и его запугивает со своим мечом, но он не отказывается от ласок, которые он ему навязывает вместо того, чтобы их покупать или им подвергаться. Разрушать религию, потому что существуют опасные суеверия, это значило бы отменять вино чтобы ускользнуть от опасностей опьянения и отказываться от счастья любви чтобы от этого избегать заблуждений и ярости.

Так как мы об этом сказали, у догмы есть две поверхности, один из света и другой из тени, давайте последуем за светом и давайте не будем пытаться разрушать тень, так как тень необходима для демонстрации ясности. Иисус сказал, что скандалы необходимы и возможно, если нас сжимали много, мы должны были бы сказать, что нужны суеверия. Могли бы чересчур настоять на этой правде, чересчур недооцененной в наши дни несмотря на свою несомненную очевидность, только, если все люди должны быть равными перед законом, понимание и желания разумеется не равны.

Догма - большая универсальная эпопея веры, надежды и любви, это - поэзия наций, это - бессмертный цветок таланта человечества, надо ее обработать и ей сохранить целом. Не надо из этого терять слово, не надо от этого отрывать ни символ, ни загадку, ни изображение. Ребенок, которого заставили якобы изучать басни Ла Фонтэна и кто наивно верил якобы до возраста семи лет, о котором муравьи могут говорить в цикадах, он должен был бы разорвать или бросить на огонь книгу, очаровывающую, что ему дала его мать, когда довольно умно наконец чтобы понимать, что не можем без обмана и без сумасшествия предоставить речи, разумные в существах, которые не говорят и кто лишены причины.

В уважении догмы, надо присоединить власти, то есть иерархии, которой надо внешне подчиниться, когда она только внешняя и внутренне, когда она реальна. Если общество или Церковь мне дало для хозяина человека, который об этом знает меньше, что я, я должен молчать перед ним и действовать следуя моему собственному свету; но если он искуснее и лучший чем я, я должен его слушать и пользоваться его советами.

Чтобы ускользнуть от очарования мужчин и женщин, давайте не привяжем никогда все наше сердце к изменчивым и тленным индивидуальностям. Давайте будем любить в существах, которые проводят достоинства, которые бессмертны и красота, которая цветет всегда. Если птица, которую мы любим, улетает, давайте не примем за это в неприязни всех птиц и если розы, которые мы собрали и духами которых мы любим дышать, увядают между нашими руками, давайте не будем полагать для этого, что все розовые кусты умирали и каждую лишенную свежести весну. Роза быстро умирает но роза вечна. Музыкант должен отказаться от музыки, потому что он разбил его скрипку? Птицы, чья природа является такой, что они не могут поддержать зиму: им нужна вечная весна и для них одних, весна не прекращается никогда на земле. Это - ласточки и вы знаете как, они делают, чтобы это чудо произошло естественно по их милости. Когда красивый сезон заканчивается, они улетают

к красивому сезону, который начинается и когда весна не больше, где они есть, они уходят, где весна.

Глава XIV

ЧЕРНЫЙ УМ

Те, кого посвященные имеют право назначать профанов, подлое множество, то есть толпа инвалидов и извращенца понимания и сердца, тех, кто обожают бога тени или кто думают что обожают атеизм, все эти люди слушают всегда не слыша, потому что они высокомерны и неискренности. Сама догма, что им представляем в абсурдной форме чтобы им нравиться, они ее понимают всегда более абсурдно еще и чаще в самой противоположности ее формулировки.

Таким образом, когда они машинально повторяют, что единственный Бог в трех людях, рассмотрите их хорошо, и вы увидите, что они там слышат единственный человека в трех богах.

Они услышали и они повторяют, что Бог, то есть бесконечно хороший принцип везде, но они допустят сумрачные и огромные пространства, где Бог не, так как там терпим наказание вреда, то есть лишение Бога. Что вы сделали бы, просил теолог Танлэ бедного человека или скорее бедного человека, так как бедный человек был теологом, которого вы сделали бы, если бы Бог хотел вас вовлечь в ад? - Я его там вовлек бы со мной, ответил возвышенный нищий, и ад стал бы небом.

Теолог восхитился этим ответом но он его не понял разумеется.

- да, собирается говорить себе толкователь Горы, Бог в аде, Но он - там только мститель.

- условленные как палач и давайте отменим черта, в котором вы не нуждаетесь больше; это будет всегда столько же выигрышно.

Когда они говорят об искуплении, они понимают, что Бог, имевший в движении гнева (не для слив, а для яблока) данным всех его детей черту был обязан чтобы их выкупать терпеть сам смерть не прекращая для этого быть незыблемым и вечным.

Если вы им говорите о Каббале, они всегда полагают, что идет речь о зашифрованной колдовской книге, которая приводит черта и которая управляет фантастическим миром сильфов и gnômes, саламандрами и ondins. идет речь о магии, они там еще в батоне и в разрезании Circé, которое изменяет людей в pourseaux; они охотно поняли бы Zoroastre с Mahomet и что касается Hermès Trismégiste они думают, что это - странное имя, которым пользуемся чтобы мистифицировать невежд также как и невежд Пугала пугать детей.

У игнорирования - его православие как вера и еретические перед неверными учеными, когда знаем о вещах, которые они игнорируют. Потому

что нет новая правда, мудрецы этого мира поддерживают свою власть над ветхостью ошибки.

Впрочем знаем, что полученные ошибки будут подкреплять почти всегда сделанные положения. Таким образом ты отвечаешь суверенному понтифику! воскликнет слуга в *souffletant* Иисус, который говорил только что с почтительной устойчивостью. Как, человек чего-то, именно власть доказывает свое игнорирование тебя обвиняя и ты намереваешься знать то, что она игнорирует? Епископ ошибается и ты замечаешь? Он *déraisonne* и ты позволяешь себе быть правым?

Наполеон 1-ый ненавидел идеологов, потому что был сам наиболее большой идеолог мира. Он хотел сделать из динамики без сопротивления также силу сопротивления, оно к нему пропустило, когда сила агрессивного импульса, которая была, если долго своя внезапно повернулась против него.

Из истоков истории мы видим, что всегда именно ложь будет царить над землей; верно также, что правда будет слушаться руля большими ударами катастроф и бедствий. Жестокая и негибкая правда! Давайте удивим нас еще тем, что люди его не любят. Она разбивает по очереди иллюзии королей и народов и если она имеет иногда, несколько преданных министров она их показывает и их оставляет кресту, костру, *échafaud*: Счастливым все-таки те, кто умирают для нее! Но разумнее будут всегда те, кто ее используют довольно искусно чтобы бесполезно не разбиваться против пьедестала страдания. Рабле был конечно более большим философом чем Сократ, когда он знал скрываясь сам за маской *Aristophane* ускользать от всегда живой расы *Anitus* и *Melitus*.

Галилей, чье единственное имя посвящает суд святого Дознания вечному взрыву смеха, был достаточно умным человеком чтобы не пренебрегать ни пыткой ни карцерами. Соответствия, время нам это показывают заключенное во дворце, пьющем с инквизиторами и подписывающем *между rocula* свой иронический акт отречения, далеко от того, чтобы говорить пиная землю и сжимая кулаки: *Чистый, если тиове*. Скажем, что он добавил: Да, я утверждаю на вашей речи, что земля неподвижна и я добавлю, вы это хотите ли, что небеса стакана и понравился Богу, которыми ваши фронты были также, они пропустили бы свет; Рабле закончился говоря: И *beuvons* прохладно!

Умирать чтобы доказывать сумасшедшим, что два и два действуют четыре этих, не был бы наиболее смешон из самоубийств? Доказанная теорема, не желающая больше, быть отрицаемой, отречение от математической правды очевидно становится фарсом и гримасой, насмешка которой снова падает на тех, кто могут ее серьезно потребовать от имени непрременной так называемой власти. Галилей, поднимающийся на костре, чтобы протестовать против Церкви был *hérésiarque*. Галилей, отрекающийся от как католика то, что он доказал как ученый убил католицизм средних веков.

Кто-то представлял однажды автору этой книги статью *Syllabus* ему говоря: Держитесь, вот формальное осуждение ваших доктрин. Если вы католические, допускаете это и сжигаете ваши книги; если вы напротив

настаиваете в том, что вы преподавали, нам не говорите больше о вашем католичестве.

Статья Syllabus - седьмая из второго раздела и доктрин, которые он осуждает, этими:

Пророчества и чудеса, показанные и о которых рассказанные в священном писании - поэтические фикции и тайны христианской веры - резюме философских исследований, в книгах обоих завещаний содержатся мистическими изобретениями и Иисус сам - миф. » Я очень удивил того, кто думал что меня перепутывал ему сказав, что такими не были мои доктрины: Вот, говорю я ему, се, которого я обучу или скорее то, что Церковь, наукой и я мы признаем.

« Пророчества и чудеса, показанные и о которых рассказанные в Записи он в особенной поэтической форме в таланте Восточных. Тайны христианской веры подтверждены и объяснены, что касается выражения, философскими исследованиями. В книгах обоих завещаний содержатся параболами и Иисус сам был темой большого количества парабол и легенд. » Я подвергаю без страха эти предложения Папе и будущему Церковному собору. Я заранее действительно убежден, что они их не осудят.

То, чего Церковь не хочет и что у нее есть тысячу раз причина не хотеть, дело, в том, что притворяемся что ей противоречат и действительно их непогрешимость, бывшая необходимая для сохранения мира в христианском мире, нужно, чтобы эта непогрешимость ей была сохранена любой ценой. Таким образом она сказала бы, что два и два имеют три, я воздержался бы действительно от того, чтобы признавать, что она ошибается. Я искал бы как и каким образом два и два могут иметь три и я буду искать для того, чтобы находить, будь в уверен. Так как например это: два яблока и две половины яблок делают три яблока. Когда Церковь, кажется, выпускает абсурд, просто именно эту загадку она предлагает чтобы испытывать веру ее приверженцев.

Конечно именно большой и трогательный спектакль спектакль этого ближайшего общего церковного собора, где королева старого мира, завертывающегося в своем разорванном пурпуре, проявит себя более суверенной чем когда-то перед тем как падать с трона и провозгласит свои права, увеличенные на новые претензии лицом к лицу перед неизбежным расхищением. Епископы тогда будут большими как эти моряки Мстителя, которые, на корабле, готовом тонуть раздражались вместо того, чтобы отправляться и тянули их последнюю вахту приковывая их павильон к последнему участку их грот-мачты.

Они знают действительно впрочем, что сделка их навсегда потеряла бы и что огонь алтарей погас бы в сам день, когда алтари прекратили бы быть в тени. Когда пелена храма разрывается, боги уходят и они возвращаются, когда новые догматические вышивания спустили новую пелену.

Ночь отступает безостановочно перед днем, но это чтобы захватывать на другой стороне полушария регионы, которые солнце оставляет. Нужны

потемки, нужны непроницаемые тайны в этом черном понимании, которое верит в абсурд и уравнивает деспотизм причины, ограниченной несоизмеримой отвагой веры. День ограничивает горизонты и показывает границы мира, это ночью главным образом, безграничной ночью с его огромным туманом звезд, который нас заставляет задумывать чувство бесконечности.

Изучите ребенка, это - человек, выходящий из рук природы, чтобы говорить на языке Руссо и видите, какими являются постановления его разума. Реальности ему причиняют неприятности, фикции его воодушевляют, он понимает все, за исключением математики, он верит скорее в басни чем в историю. Дело, в том, что бесконечность, с первой улыбкой жизни, то, что будущее нам кажется столь чудесным в начале существования, что естественно мечтаем о гигантах и о феях в середине таких чудес. Дело, в том, что поэтический, наиболее божественный смысл смыслов человека, он сначала представляет мир как облако неба. Это направление - приятное сумасшествие часто разумнее чем причина, если я могу говорить таким образом, потому что у нашей причины есть всегда в качестве узких границ барьеры, которые наука пытается медленно отодвигать, в то время как поэзия прыгает загнув глаза в бесконечность и бросает туда в изобилии все звезды наших мечтаний.

Произведение Церкви состоит в том, чтобы содержать в справедливых границах взгляды детского сумасшествия. Сумасшедшие - недисциплинированные верующие и верные верующие - сумасшедшие, которые признают власть мудрости, представленной иерархией.

Пусть иерархия станет реальной, пусть водители слепых не будут больше слепыми самими и Церковь спасет общество забираясь сама чтобы их не терять больше никогда свои большие достоинства и своя власть.

Наука самой нуждается ночью чтобы наблюдать множество звезд. Солнце от нас скрывает солнца, ночь нам их показывает и они, кажется, цветут на темном небе как сверхчеловеческие вдохновения появляются в потемках веры. Крылья ангелов проявляют себя белыми в течение ночи; в течение дня они черны.

Догма не безрассудна, она экстра-справедлива или выше - справедливое и всегда резюмировало наиболее высокие стремления оккультной философии. Прочитайте историю церковных соборов, вы будете всегда видеть в тенденциях hérésiarques внешность достижения и причины. Церковь, кажется, утверждает всегда абсурд и дает выигрыш дела черному пониманию. Таким образом, когда Агнус думает что защищает божественное единство представляя сущность, аналогичную но выше сущности Бога. (Сущность Бога, который нематериальный и бесконечный!) Церковь в Нисее провозглашает единицу сущности, аналогичной единице Бога. Когда хотим сделать из Иисуса Христа гибридный персонаж составленным из божественного лица и из человеческого лица. Церковь отталкивает эту смесь безукоризненности и бесконечности и заявляет, что тис может иметь там только человека в качестве Иисуса Христа.

Когда Pélage, преувеличивающий у человека гордость и обязанности свободной воли, необратимо посвящает массу грешников аду. Церковь утверждает милость, которая проводит спасение несправедливых и которая достоинствами выборов восполняет в недостаточности людей. Прерогативы, предоставленные деве, матери Бога, возмущают протестантских честных людей и они не видят, что в этом восхитительном олицетворении, именно это человечество будет вырвано у грязных пятен первородного греха, именно это поколение реабилитируется. Эта женщина, которую отмечаем, именно эту мать прославляем: *Kredo, in unam sanctam catholicam et apostolicam ecclesiam.*

Католическая, то есть универсальная догма, походит на эту тучу, которая предшествовала Евреям в пустыне, темная в течение дня и светящаяся в течение ночи. Догма - скандал неверных мудрецов и свет невежд. Туча мимоходом из Красного моря поместилась, говорит о Переселении, между ивритом и Египтянами, блестящем для Израиля и меланхоликом для Египта; он был там всегда так же для универсальной догмы, что посвященные единственные должны понять. Одновременно тень и ясность. Чтобы отменить тень Пирамид надо было бы уничтожить Пирамиды; дела обстоят так же неясности вечной догмы. Говорим и повторяем каждый день, что примирение невозможно между религией и наукой. Ошибаемся в слове, это не является урегулированием, именно слияние или смущение надо говорить. Так до настоящего времени наука и вера казались непримиримыми, то, что всегда пытались напрасно их вместе смешивать и их смешивать. Только средство их примирять, это состоит в том, чтобы их отличать и их отделять одна из другой полно и абсолютно. Консультироваться с папой, когда идет речь о показе теоремы, подвергать математику теологическое различие, это были бы два эквивалентных типа абсурда. Незапятнанная концепция Девы не является вопросом эмбриологии и у логарифмической таблицы нет ничего общего со скрижалями закона. Наука вынуждена допускать то, что доказано и вера, когда она урегулирована властью, которую он справедлив и даже необходим допустить, не может ничего отклонить того, что является догматом веры. Наука будет доказывать всегда только Бог и душа, не существуют и Церковь была вынуждена отречься перед показом систем Copernic и Галилея. Доказывает ли это, что она может ошибиться в вопросе о вере? Нет, но что она должна остаться в своей области. Она сама не утверждает, что Бог для него обнаружил теоремы универсальной науки.

То, что может быть соблюденным наукой, это - явления, которые производит вера и она тогда может следуя речи Иисуса Христа самого, осуждать дерево плодами. Очевидно, что вера, которая не обеспечивает лучших людей, которая не повышает их мыслей, которая не увеличивает их желания только в добре, красивый и справедливый человек - плохая или развращенная вера. Иудаизм Моусе и Библии сделал большой народ Сэлмона и Machabées. Еврейство Раввинов и последнего Талмуда сделало гнусных ростовщиков, которые отравляют Гетто.

У католицизма есть также его плохой Талмуд, это - бессмысленная груда хлама теологов и казуистов, это - юриспруденция инквизиторов, это - тошнотворный мистицизм капуцинов и святош. На этих доктринах анти-христианские и нечистые опираются и позорные материальные интересы. Именно против этого надо опротестовать все способы и не против величества догм.

Наперстки первых веков, когда религия была защищена и запачкана Империей; христиане, которых Церковь призывают святые, положили пустыню между ними и их алтарями. Они его однако любили всей своей души, но они собирались молиться и плакали далеко от нее. Тот, кто пишет эту книгу - католик пустыни.

У Жилища отшельника нет ничего ужасного; все-таки и он всегда предпочитал аббатство Thélème, основанное Рабле в hermitage святого Антуана. Человечество не нуждается больше в ascètes, ему нужны мудрецы и трудящиеся, которые живут с ним и для него, спасение в наши дни по этой цене там.

В Каббале равви Шимеон бена Джочей белый Бог и черный Бог, в природе черные люди и белые люди и также в оккультной философии белое понимание и черное понимание. Чтобы иметь науку света, надо смочь считать интенсивность и направление тени. Наиболее искусные художники - тот, у кого есть понимание Темного света.

Чтобы преподавать хорошо, надо смочь поместиться вместо тех, кто понимают плохо.

Черное понимание это - гадание тайн ночи, это - чувство реальности форм невидимого.

Это - вера в неясной возможности. Это - свет в мечте. В течение ночи, все существа - слепые, за исключением тех, у кого, как сова, кошка и рысь есть фосфор в глазах. В течение ночи, сова съедает беззащитных птиц; давайте будем иметь глаза рыси чтобы развязывать войну совам, но давайте не подожжем леса под предлогом просвящать птиц.

Давайте соблюдаем тайны тени храня нашу зажженную лампу и давайте сможем окружить даже нашу лампу пелены чтобы не привлекать насекомых, которые в течение ночи любят пить кровь человека.

Глава XV

БОЛЬШАЯ ТАЙНА

Большая тайна, несказанная тайна, опасная тайна, непонятная тайна может формулироваться окончательно таким образом:

Это - божество человека.

Он несказанный, потому что, как только хотим об этом сказать, их выражение - и наиболее чудовищная ложь изо лжи.

Действительно человек не является Богом. И однако наиболее смелая, наиболее темная одновременно и наиболее блестящая из религий нам говорит что обожает человека Бог.

Иисус Христос, которого она заявляет настоящий человек, всесторонний человек, законченный человек, смертельный человек как мы - в то же самое время полностью Бог и теология осмеливается провозглашать общение идиом, то есть поклонение, направленное в теле. Eternité утверждаемая, когда идет речь о той, кто умирает, невозмутимость той, кто терпит, безграничность той, кто преображается, безукоризненность, берущая возможность бесконечности, Бога, человек наконец, который предлагает всем людям их делать Богом.

Змея сказала *o Eritis sicut dii*. Иисус Христос, раздавливающий голову змеи под прелестной ногой своей матери, осмеливается говорить: *Eritis nonsicut dii, sicut Deus, sed eritis Deus!*

Вы будете Богом, так как Бог - мой отец, мой отец и я требую только одного и я хочу, чтобы вы и я были только одним: *do omnes unum sint sicut ego et pater unum sumus*.

Я старел и я побелел на наиболее грозных и наиболее неизвестных книгах оккультизма, мои волосы упали, моя борода растянулась как борода отцов пустыни; я искал и я нашел ключ символов Zoroastre; я проник в крипты Manès, я удивил тайну Hermès, забывающего скрываться, угол пелены, который вечно скрывает большого, работает; я знаю то, что колоссальный сфинкс, который медленно углубился в песок созерцая пирамиды. Я проник через загадки Brahmes. Я знаю, какие хорошие тайны Schiméon Jockaï хоронил с ним в течение двенадцати лет в песке; ключицы, потерянные из Сэломона, мне казались сияющими светом и я читал бегло в книгах, что Méphistophélès сам не мог перевести в Faust. Итак нигде, ни в персиянке, ни в Индии, ни среди palimpsestes древнего Египта, ни в проклятых колдовских книгах, вычтенных от средневековых костров, я не нашел более разоблачительную, более светящуюся, более глубокую книгу в ее тайнах, более устрашающей в ее блестящих разоблачениях, более несомненной в ее пророчествах, глубже пытлившую пропасть человека и огромные потемки Бога, более большого, более настоящего, проще, ужаснее и приятнее чем Евангелия Иисуса Христа.

Какая книга была прочитана больше, ею более восхитились, на нее более клеветали, была более переодета, ее более прославили, более мучили и была более игнорирована чем та. Он - мед в рту мудрецов и как жестокий яд в недрах мира: Революция его осуществляет хотя с ним бороться; Proud' hon вьется чтобы ему рвать; он непобедим как правда и **insaissable** как ложь. Сказать, что Бог есть, человек, какой поносит ô Израиль и вы христиане, какое сумасшествие. Сказать, что человек может завести себе Бога, какой отвратительный парадокс! На кресте осквернитель тайны, в костре инициаторы, *Christianos ad Леонем!*

Христиане использовали львов и мир в целом, завоеванный страданием в потемках большой тайны, оказался *tâtonnant* как OEdipe перед решением последней проблемы проблема человека Бог.

Человек Бог, правда тогда воскликнула голос, но он должен быть единственным на земле как на небе. Человек Бог, непренный, Всемогуший Бог это - папа; и внизу этого провозглашения, которое было написано и повторено во всех формах, можем прочесть имена, среди которых рисунок Александр Борья.

Человек Бог это, свободный человек затем сказал о реформе, которой крик, который желали изгнать в рту протестантов, закончился рычанием революции. Ужасное слово загадки было высказано но оно становилось более прекрасной загадкой еще. О чем правда считала Pilate осуждая Иисуса Христа. О чем свобода говорят современные Pilates моя себе руки в крови наций.

Спросите революционеров с Mirabeau до Garibaldi, что это такое свобода и они не сумеют никогда договариваться.

Для Робеспьера и Марата это - резак, приспособленный к уровню, для Garibaldi это - гарибальдийцы и сабля.

Для идеологов, это - декларация прав человека, но о каком человеке идет речь, человек каторги отменен, потому что общество его связывает?

Человек, имеет ли он права просто, потому что он - человек или только, когда он справедлив?

Свобода для профанов множества это - абсолютное утверждение права, право, кажущееся всегда, вовлекает с ним принуждение и ограничение права использования участка.

Если свобода - только право действительно действовать, она смешивается с долгом и не отличается больше почти от мужества.

Все то, что мир увидел и испытал до настоящего времени, нам не дает решения задачи, поставленной магией и евангелием: большая Тайна человека бог.

Человек у Бога нет ни прав ни заданий, у него есть наука, желание и власть.

Он больше чем свободен, он - хозяин, он не заказывает, он заставляет действовать, он не повинует, потому что никто не может ничто ему заказать. То, чем другие называют это *должный быть*, он это называет своим хорошим удовольствием, он делает добро, потому что он его хочет и не мог бы захотеть что-либо иное, он свободно способствует любой справедливости и жертва - для него роскошь духовной жизни и великолепие сердца. Он неумолим для зла, потому что он без ненависти к злому человеку. Он смотрит на как льготу восстанавливающее наказание и не понимает месть.

Такой - человек, который смог дойти до центрального момента равновесия и можем без кощунства и без сумасшествия его назвать человеком Бог, потому что их душа идентифицировалась с вечным принципом правды и справедливости.

Свобода совершенного человека - божественный закон сам, она парит выше всех человеческих законов и всех условных обязанностей культов. Закон установлен для человека, говорил о Христе, и не о человеке для закона. Сын человеческий - адвокат шабаша: то есть предписание наблюдая шабаш, навязанный Моусе боясь мертвого, обязывает человека только так же, как это может для него быть полезным, так как он - окончательно главный правитель. Все мне позволено, говорил святой Поль, но все не является хитростью, то есть, что мы имеем право делать все то, что не вредит ни нам ни другим и что наша свобода ограничена только предупреждениями нашего сознания и нашей причины.

БОЛЬШОЙ I.N АРКАН 369

Разумный человек не терзается сомнениями никогда, он разумно действует и делает всегда только то, что он хочет, таким образом в его сфере он может все и что безукоризненно. *Который natus, ex Deo, peccat*, говорит святой Поль, потому что его бывшая произвольные ошибки не могли бы ему быть приписанными.

Именно к этой властительнице независимость человеческая душа должна выдвинуться через затруднения достижения. Это - там действительно большая тайна оккультизма, так как, таким образом осуществляется удивительное обещание змеи: вы будете богами, знающими о добре и о зле.

Таким образом змея *édénique* преобразуется и становится змеей бронзы знахарь всех ран человечества. Иисус Христос сам был сравнен отцами Церкви с этой змеей, так как он взял, говорят они о форме греха чтобы изменить избыток несправедливости в избытке справедливости.

Здесь мы откровенно говорим и мы показываем правду без пелен и однако мы не опасаемся, что нас обвиняем справедливо в том, что мы являемся смелым индикатором. Те, кто бы не должен понять эти страницы, их не поймут, так как для слишком слабых взглядов правда, которая показывается голые, делает себе пелену своего света и скрывается во взрыве своего собственного великолепия.

Глава XVI

АГОНИЯ САЛОМОНА

Вера - мощь молодежи и сомнение - симптом дряхлости.

Молодой человек, который не верит ни во что, походит на недоноска, у которого были бы морщины и седые волосы.

Когда разум ослабляется, когда сердце погаснет, сомневаемся в правде и в любви. Когда глаза нарушаются, полагаем, что солнце не осветит больше и доходим до того чтобы сомневаться даже в жизни, потому что заранее чувствуем холодные подходы смерти.

Увидьте детей, какое излучение в их глазах, какая огромная вера в свету, в счастье, в непогрешимости их матери, в догмах их кормилицы! Какая мифология, что их изобретения. Какую душу они предоставляют в своих игрушках и в своих куклах! Какой рай, что их взгляды! Ой красивые очень любимые ангелы! Зеркала Бога на земле это - глаза внуков. Молодой человек верит в любовь, это - возраст песни песней, зрелый человек верит в богатства, в триумф и даже иногда в мудрость, Сэломон касался зрелого возраста, когда он написал его книгу пословиц.

Затем человек прекращает быть любезным и он провозглашает тщеславие любви, он пресыщается и не полагает больше в наслаждения, что дадут богатства; ошибки и злоупотребления славы ему надоедают даже успехи. Ее энтузиазм исчерпывается, его великодушные используются, он становится эгоистом и подозрительный, тогда он сомневается даже в науке и в мудрости и Сэломон пишет свою печальную книгу *Ecclésiaste*.

Пусть тогда останется красивый молодой человек, который писал: Моя добро любимый, Единственно между красивыми, любовь более непобедима чем смерть и то, кто дал бы для небольшой любви все его состояние и вся его жизнь ее еще купила бы ни для чего?... Увы, теперь прочитайте это в *Ecclésiaste*:

« Я нашел одного человека из тысячи и на всех женщинах, ником. Я рассмотрел все ошибки людей и я нашел, что женщина более горькая чем смерть. Привлекательность - сетки охотника и его слабые руки - каналы. » - Сэломон вы старели.

Этот принц превзошел в великолепии всех монархов Востока, он построил храм, который был чудом света и который должен был, следуя мечте Евреев, стать центром азиатской цивилизации. Корабли скрещивались с кораблями Хирэма короля Тира. Богатства всех народов впадали в Иерусалиме. Он проходил для наиболее разумного из людей и он был наиболее мощен из королей. Он знакомился в: наука алтарей и это резюмировала в просторной энциклопедии, он был соединен многочисленными браками со всеми мощностями Востока. Он тогда счелся абсолютным хозяином мира и полагал, что осуществлять пора было синтез всех культов. Он захотел объединить вокруг недоступного центра, где обожали абстрактные единицу *Jehovah* блестящие воплощения божества в количестве и в формах. Он хотел, чтобы Иудея не была недоступна больше в искусствах и чтобы было позволено долоту скульптора создать Богов.

Храм *Jehovah* был единственен как солнце и Сэломон захотел дополнить свой мир давая этому солнцу целый двор планет и спутников; он заставил следовательно строить храмы на горах, которые окружали Иерусалим. Бог, принявший участие в демонстрации в явлениях времени, его обожали под именем Сатурна или из *Moloch*. Сэломон сохранил весь символизм этого большого изображения и отменил только детские жертвы и человеческие жертвы; он торжественно открыл вокруг алтаря Венеры или из *Astarté*

праздники красота, молодежь и любовь, эту тройную улыбку Бога, которая успокаивает и землю.

Если бы он преуспел в славе и во власти Иерусалима, сорвали бы власть Рима и Христианство не имело бы основание быть. Сэломон становился мессией, обещанной Ивриту. Но раввинский фанатизм беспокоился. Старые мудрецы, которые окружали сына Бетсабе, были подозрительны отступничества. Молодые писари и подвижный торф *lévites* сумели обманывать молодость Робоам сын Сэломона и старый король чувствовал день со страхом, что его наследник не продолжил бы свое произведение. Сомнение тогда ввело в его сердце и с сомнением глубокое отчаяние. Это, в то время как он написал: « Я делал огромные работы и я собираюсь оставить все наследнику, который будет возможно бессмысленным. Все - только тщеславие под солнцем и все, кажется, поворачивается в фатальный круг; справедливый человек здесь - низко не счастливее, что безбожник и именно тщеславию предаваться в изучении, так как увеличивая его науку увеличиваются их печали. Человек умирает как зверь и человек не знает, разум людей наверх поднимается ли или разум зверей спускается ли вниз. Слишком разумный человек падает в оцепенение и никто не знает, достоин ли он любви или ненависти. Давайте будем жить следовательно со дня на день и давайте будем ожидать, что Бог нас судит. » « Несчастье еще говорит безутешно думая о его сыне, несчастье в нации, принц которой является только ребенком. » Эта бесконечная грусть большой души, изолированной на вершине власти и которая одновременно чувствует землю и крылья к нему проявлять невнимательность напоминают жалобы Работы и крик Иисуса на Голгофе: *Эли, Эли, Lamma Sabchtani.*

Вместо того, чтобы создать единство мира с Иерусалимом для центра, Сэломон чувствовал, что его собственное королевство собиралось разорваться неистово. Народ двигал и хотел реформы, которые уже давно возможно ему обещали, храм был закончен и исключительные налоги, которые имели целью или для повода строительство храма, не были сокращены.

Назначенный возмутитель *Jéroboam* делал себе партию в провинциях. Робоам, ставший слепым инструментом, от так называемых консерваторов бросал почти публично на огонь философские книги своего отца, которые не оказались больше после смерти Сэломона и старого хозяина умов, брошенного всеми теми, что он любил, походил на этого короля *Thule* немецкой баллады, которая молча плачет в ее разрезании и пьет, вино, смешанное слезами. Это, в то время как он проклиная радость ему говоря: Почему ты меня обманул? Это, в то время как он пишет: « Лучше стоит идти в дом слез, что в доме смеха. - Но почему? Он об этом не говорит. Позже мудрость больше чем своя, пришедшая чтобы вытирать все слезы должна была воскликнуть: вы счастливы вы, кто оплакиваете, потому что вы будете смеяться однажды. Таким образом именно этот смех и счастье Иисус пришел

обещать людям. Святой Поль, его апостол, писал своим ученикам, будь всегда в радости: *Semper gaud? тебе.*

Мудрец оплакивает, когда он счастлив и храбро улыбается, когда он терпит. Бывшие отцы Церкви боролись с восьмым главным грехом и они его называли грустью.

Сэломон знал, как говорят о тайном мужестве драгоценных камней и о собственностях растений, но он - тайна, которую он игнорировал, так как он написал *Ecclésiaste*, тайна счастья и жизни, тайны, которая охотится на неприятность увековечивая счастье и надежду:

ТАЙНА НЕ СТАРЕЯ!

Существует ли подобная тайна? Он от людей, которые не стареют никогда? Эликсир Flamel - реальность ли? И надо верить как об этом говорят друзья, чересчур увлеченные чудесным, что знаменитый алхимик улицы писателей обманул смерть и что под другим именем он еще видел с его женой Пернель в богатом одиночестве нового мира?

Нет, мы не верим в бессмертие человека на земле. Но мы верим и мы знаем, что человек может предохраниться стареть.

Можем умереть, когда были прожиты век или около век; самое время тогда для души, всегда оставляя одежду, которая больше не является способом; самое время не умирая, так как мы об этом уже сказали, мы не верим в смерть но стремиться к второму рождению и начинать новую жизнь.

Но до последнего вздоха можем сохранить наивные радости детства, поэтики восторги молодого человека, энтузиазмов зрелого возраста. Можем упиваться до конца цветов, красоты и улыбок, можем безостановочно снова схватить то, что проведено и всегда обнаруживать то, что было потеряно.

Можем найти реальную вечность в красивой мечте жизни.

Что надо сделать для этого? Вы у меня собираетесь спросить конечно.

Внимательно прочитайте и серьезно размышляйте, я вам об этом собираюсь говорить:

Надо забыться даже и жить только для других.

Когда Иисус сказал: Если кто-то хочет прийти после меня, от которого он отказывается от себя самого, что он несет свой крест и что он за мной последовал. Утверждал он, что собирались закрыться в одиночестве, он, кто всегда жил среди людей, обнимающих и благословляющих внуков, отмечающих упавших женщин, которыми он не пренебрегает ни ласками ни слезами, едящими и пьющими, с на них держал пари из *pharisaïsme jusqu'* имеет заставлять говорить о нем: Этот человек - обжора и пьющий вина; нежно любя St Жана и семью Лазара, поддерживая St Пьера, вылечивая больных и питая множества, ресурсы которых он увеличивает на чудеса милосердия. В чем эта жизнь походит на жизнь *trappiste* или *Stylite* и как автора знаменитого договора, который рекомендует изоляцию и концентрация в себе самом он осмелился называть подобный договор имитацией Иисуса Христа.

Жить в других, с другими и для других вот тайной милосердия и это это вечная жизнь. Это это также вечная молодежь. Если вы не становитесь подобными детям, говорил о хозяине, вы не войдете в небесное царство.

Любить это значит жить в тех, кого любим, это значит думать об их мыслях, разгадывать их желания, разделять их привязанности; больше любим больше, увеличивается их собственная жизнь. Человек, который любит, не один больше и его существование умножается, его зовут семья, родина, человечество. Он заикается и играет с детьми, увлекается с молодежью, рассуждает со зрелым возрастом и протягивает руку к старости.

Сэломон не любил больше, когда он написал *Ecclésiaste* и упал в ослепление разума дряхлостью сердца. Эта книга - агония возвышенного разума, который собирается погаснуть из-за недостатка того, чтобы быть снабженным любовью. Она печальна как одинокий талант Шатобриана, как поэзия девятнадцатого века. И однако девятнадцатый век представил V. Hugo, который является живым доказательством вещей, которое я продвинул только что. Этот эгоистичный человек вначале, был стар в своей молодости, затем когда его волосы побелели, он понял любовь и он снова стал молодым. Как он обожает детей! как он дышит всеми соками и всеми божественными сумасшествиями молодежи! Какой большой пантеизм любви, что последняя поэзия! Как он понимает смех и слезы! У него есть универсальная вера Гете и философская безграничность Spinoza. Он - Рабле и Шекспир. - V. Hugo вы летом большой волшебник не зная этого и вы нашли лучше, что бедный Сэломон тайна вечной жизни!

Глава XVII

МАГНЕТИЗМ ДОБРА

Говорим и повторяем каждый день, что люди добра несчастны в этом мире лачуга, что злые люди процветают и счастливы. Это - глупая и отвратительная ложь.

Эта ложь приходит из заурядной ошибки, которая смешивает богатство со счастьем; как если бы могли сказать без сумасшествия, что Tibère, Caties, Néron, Vitellius были счастливы, они однако были богаты и к тому же они были хозяевами мира и однако, их сердце было без отдыха, его ночи, безо сна и их сознание хлестала ярость.

rousseau стал бы человеком все же, для него использовали бы **трюфели** в ауге золота.

Счастье в нас, оно не в наших écoles и Malfilâtre, умирающем от голода, заслужил его судьбу, если он сожалел тогда о том, что не был rousseau в удобрении.

Который наиболее счастлив Сократом или из Trimalcyon (Этот персонаж Petroÿe, карикатура Клода). Trimalcyon умирал бы от несварения, если бы его не отравили.

Люди добра, которые терпят бедность и даже нищету, я этого не отрицаю, но часто это их ошибкой и также часто именно их сама бедность сохраняет их честность. Богатство возможно их испортило бы и их потеряло бы. Не надо рассматривать как настоящих людей добра тех, кто принадлежат толпе дураков, посредственного мужества и мягких желаний, тех, кто повинуются законам страхом или слабостью, богомольцы, которые боятся черта и бедных чертей, которые боятся Бога. Все эти люди - скот глупости и не могут пользоваться ни золотом ни богатства, ни нищеты, но мудрец, настоящий мудрец, можем его пожаловаться когда-либо серьезно и когда ему вредим это не никогда желанием? Но несколько из моих читателей здесь собираются говорить о раздосадованном воздухе: вы нам обещаете магию и вы читаете нотацию. У нас есть достаточно философии, теперь говорите нам об оккультных формах. - Либо, вы, кто прочитали мои книги вы, знаете те, что означают обе змеи кадуцея, так эти - два противоположных течения универсального магнетизма. Змея созидательного и консервативного света и змея вечного огня, который съедает чтобы возродиться.

Чеки намагничены, оживлены и сохранены нетленным светом, злые люди сожжены вечным огнем.

Магнитное и симпатичное причастие, входите, дети света, они купаются все в том же источнике жизни; они счастливы все счастьем одних из других.

Положительный магнетизм - сила, которая объединяет и отрицательный магнетизм - сила, которая рассеивает.

Свет привлекает жизнь и сумасшедший несет с ним разрушение.

Белый магнетизм это - симпатия и черный магнетизм, это - неприязнь.

Чеки любят друг друга одни их другие и злые люди ненавидят друг друга одни их другие, потому что они знают друг друга.

Магнетизм чеков привлекают к ним все то, что хорошо и когда он не привлекает богатства, то, что они их были бы плохи.

Герои древней философии и первоначального Христианства не обнимали святую бедность как строгая сторожиха работы и умеренности?

Впрочем люди добра никогда не бедны? Не имеют ли они никогда великолепные вещи которые надо давать? Быть богатым, это значит давать; давать это значит собирать, и вечное состояние образовывается только того, что дается.

Существует действительно и в действительности атмосфера добра как атмосфера зла. В одной дышим вечной жизнью и в другой вечная смерть.

Символический круг, который образовывает хорошая змея, кусающая себе очередь, *le pléroma gnostiques*, *nimbe* святых Житий Святых это - Ю магнетизм из добра.

Любая голова святой искусственный шелк и излучения святых переплетаются одних их другие чтобы образовывать каналы любви.

К отделам милости присоединяются отделы славы; уверенность неба оплодотворяет хорошие желания земли. Справедливый человек, который умер, нас не оставил, он живет в нас и нами, он нам внушает его мысли и радуется нашим. Мы живем на небе с ними и они борются с нами на земле, так как мы об этом сказали и мы это повторяем торжественно еще, символическое небо, небо, которое религии обещают в точности, не является добром это - состояние душ, небо это - щедрая вечная гармония и ад, необратимый ад это, конфликт неизбежные инстинкт подлые.

Магомед следуя практике восточного стиля представлял ученикам аллегория, которую приняли за абсурдную сказку почти, как ее делает Вольтер для парабола Библии.

Существует, говорил он, дерево, названное Тубой, столь просторной и столь густой как лошадью, брошенной в галопе и уезжающим из ноги этого дерева скакало бы в течение ста лет прежде чем выходить из своей тени. Ствол этого дерева - золото, его ветви распространяются для листов талисманов, сделанных из чудесных драгоценных камней, которые роняют, как только они трогаются все то, что настоящие верующие могут желать, иногда прелестные блюда, иногда блестящая одежда. Это дерево невидимо для безбожников но оно вводит одну из его ветвей в дом всего справедливого человека и у каждой ветви есть свойства целого дерева. Это аллегорическое дерево это - магнетизм добра. Это - то, что христиане называют милостью. Это - то, что символизм Гenezиса назначает под именем древа жизни. Магомед разгадал тайны науки и он говорит о как одном, посвященном, когда он рассказывает о красотах и о чудесах золотого дерева, гигантского дерева Туба.

Не хорошо, чтобы человек был одним, сказал о вечной мудрости и эта речь выражение закона. Никогда человек не один либо в добре либо в зле. Существование и его ощущения в то же самое время индивидуальные и коллективные.

Все то, что гениальные люди находят или привлекают света, сияет для целого человечества. Все то, что справедливый человек делает из добра, использует в то же самое время всего справедливого человека и имеет заслуги перед милостями раскаиваться злым людям. У сердца человечества есть волокна во всех сердцах.

Все то, что настоящее, красиво, нет ничего напрасного под солнцем кроме как ошибкой и ложью. Сама боль и смерть красивы, потому что они - работа, которая очищает и преображение, которое освобождает. Временные формы настоящие, потому что они - демонстрации силы и вечной красоты. Любовь настоящая, женщина святая и ее концепция незапятнанная. Настоящая наука не обманывает никогда, вера, разумная не является иллюзией. Смех симпатичной веселости - акт доверия, акт надежды и милосердия. Опасаться Бога это его недооценивать, надо опасаться только ошибки. Человек может все то, что он

хочет, когда он хочет только справедливость. Он может, даже если он его хочет устремиться в несправедливость но он разобьется там. Бог проявляет себя человеку в человеке и человеком. Его настоящий культ это - милосердие. Догмы и обряды изменяются и следуют друг за другом, милосердие изменяется, не и его власть вечна.

Только единственная и настоящая власть на земле как на небе, это это добро. Справедливый человек - главные единственные из мира. У мира есть судороги, когда они терпят, он превращается, когда они умирают. Сжатие справедливости - сокращение силы очень иначе ужасное, что сокращение гремучих предметов. Совсем не народы делают революции, это - короли. Справедливый кто-то неприкосновенный, несчастье которой ее трогает! Цезари упали в прах, сожженные кровью мучеников. То, что справедливый человек хочет, Бог его одобряет. То, что справедливое написанное, Бог его подписывает и это - вечное завещание.

Высокопарные фразы загадки сфинкса, это - Бог в человеке и в природе. Те, кто отделяют священнослужителя, его отделяют от природы, потому что природа полна Бога и отталкивает с ужасом атеизм. Те, кто отделяют человека природы, - сыновья, которые чтобы удостаивать их отца ему прервали бы голову. Бог - образно говоря голова природы, без него она не была бы, без нее, он не проявился бы.

Бог - наш отец, но - именно природа - наша мать. Удостои твоего отца и твоя мать говорит о десяти заповедей, чтобы ты долго жил на земле. *Эммануэль бог* и с нами, таким - священное слово посвященных, о котором знают только под именем братьев де ла Роз-крестов. В этом смысле Иисус Христос смог не богохульствуя говорить себе сына божьего и Бога самого. В этом смысле он хочет, чтобы мы делали только одного с ним, как он делает только одного со своим отцом и что таким образом возрожденное человечество осуществляет в этом мире большую Тайну человека Бог.

Давайте будем любить Бога одни в других, так как Бог не покажется никогда иначе нам. Все то, что любезный в нас это - Бог, который в нас и можем любить только Бог и всегда именно Бога любим, когда можем любить действительно.

Бог - свет и он не любит потемки. Если следовательно мы хотим чувствовать Бога в нас, освещаем наши Души. Дерево науки - дерево мертвого только для Сатаны и ее апостолов, это - *mancenillier* суеверий, но для нас это - древо жизни.

Давайте распространим руки и давайте возьмем плоды этого дерева, оно нас вылечит от восприятий смерти.

Тогда мы не скажем больше как глупые рабы: Это действительно, потому что нам это устраивается нам обещающая вознаграждение и это злое, потому что нам оно запрещается нам угрожая казнью.

Но мы скажем: Давайте сделаем это, потому что мы знаем, что это действительно и давайте не сделаем этого, потому что мы знаем, что это злое.

И таким образом будет осуществлено обещание символической змеи:
Вы будете Богами, знающими о добре и о зле.

КОНЕЦ

ОГЛАВЛЕНИЕ

СТРАНИЦЫ

ЭРУДИТ БАРОНА СПЕДЭЛИЕРИ V
ВВЕДЕНИЕ VII

ПЕРВАЯ КНИГА

НОТА ИЗДАТЕЛЯ 3

ВТОРАЯ КНИГА

Королевская Тайна или Искусство подвергать власти

Л.С. В Р I T R E I. Магнетизм	7
- II. Зло...	18
- III. Солидарность в Зле	30
- IV. Двойная Цепь	41
V. Внешние Потемки	47
VI. Большая Тайна	57
VII. Власть, которая создает и которая изменяет	67
- VIII. Звездные Испарения и Про магнитные jestions	77
IX. Магическая Жертва	86
- X. Воспоминания	95
XI. Тайны Кольца SaIomon	109
- XII. Ужасная Тайна	116

ТРЕТЬЯ КНИГА

Священническая Тайна или искусство воспользоваться Умами.

Л.С. В Р I Т Р Е I.	Бродячие вооруженные силы	135
-	II. Органы власти Священников	144
	III соединение Черта	150
	IV. Сверхъестественное и Божественное	161
-	V. Священные Обряды и проклятые Обряды	170
	VI. Гадания	181
-	VII. Пункт, уравнивающий	201
-	VIII. Крайние Точки	215
--	IX. Вечное движение	227
-	X. Магнетизм Зла	252
-	XI. Фатальная Любовь	277
--	XII. Любая созидательная Мощь	296
--	XIII. Очарование	310
-	XIV. Черное Понимание	345
--	XV. Большая Тайна	362
-	XVI Агония Сэломона	371
--	XVII. Магнетизм Добра	383